

001 (с 182.1)

У-917.

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК ДЕВЯТЫЙ

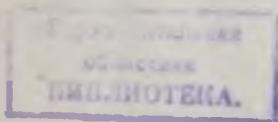
ГОРНО-АЛТАЙСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ АЛТАЙСКОГО КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
1970

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК ДЕВЯТЫЙ

168945

г. Горно-Алтайск, 1970

2 202 82

Редакционная коллегия
Г. Г. МУЛТУЕВА (гл. редактор),
Г. А. КОРДОНСКИЙ,
С. Я. ПАХАЕВ,
С. С. СУРАЗАКОВ,
Н. Г. ГАДЫН В.,
В. И. ГАДЫКИН.

1950

В. И. ЛЕНИН В АЛТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ

В первую годовщину Советской власти В. И. Ленин говорил о... «прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция».¹ Эти слова вождя целиком и полностью применимы к расцвету духовной культуры, в том числе к поэзии алтайского народа. Наша поэзия — и устная, и письменная — с первых лет Советской власти постоянно обогащается все новыми высокохудожественными и высокоидейными произведениями. И надо отметить, что особое место в ней занимает ленинская тема. В дни радостного праздника — столетия со дня рождения основателя первого в мире социалистического государства, вождя и учителя мирового пролетариата В. И. Ленина — алтайский народ обращается к своему поэтическому арсеналу и с гордостью отмечает, что его сказители и поэты, отдавая дань глубокой любви к родному Ильичу, сумели вплести свой поэтический венок в разноязыковую и многоцветную Лениниану. Ленинская тема в алтайской поэзии, образ Ильича неразрывно связаны и взаимообусловлены с темой Великого Октября. Эта тема вечно живая и вечно молодая в поэзии всех народов. Вот и в нашей сравнительно молодой поэзии она нашла свое почетное место.

В самом деле, невозможно представить судьбу маленького алтайского народа, его возрождение к новой жизни, путь, пройденный им через века, без связи с Октябрьской революцией, с именем великого Ленина. Поэтому вполне закономерно, что именно с этой темы, по существу, начинается алтайская поэзия советского времени.

Алтайцы, еще не научившись читать и писать, уже в первые годы Советской власти свои лучшие песни и легенды слагали о благополучном и лучезарном Октябре, о человеке-солнце В. И. Ленине.

Имея за плечами богатую устно-поэтическую культуру, народ сумел подняться до высот ярких образцов современной поэзии, воспевая величие идей Октябрьской революции и ленинизма. Широкую известность получила знаменитая алтайская легенда «Зажглась золотая заря» о Ленине и Октябре, созданная простым сказителем Дьябы Юдаковым и литературно обработанная поэтом Павлом Кучником. Кстати, этой легендой открывается золотая книга «Творчество народов СССР», вышедшая в 1937 году под редакцией А. М. Горького.²

В легенде «Зажглась золотая заря» тесно переплетены и взаимосвязаны две темы: тема Великого Октября и тема героя-вождя. Образ Ленина здесь неразрывно связан с Великой Октябрьской социалистической революцией. В этом народном произведении рассказывается, как обездоленный охотник Анчи, обираемый зайсанами, баями и шаманами, отправляется искать правду и счастье и как нашел он их, встретив на

¹ Клара Цеткин. Из воспоминаний о Ленине. Сб. «Ленин о культуре и искусстве», 1938, стр. 298.

² Творчество народов СССР, изд-во «Правда», М., 1937.

своем многотрудном пути богатыря, призывающего всех бедняков к борьбе и единению. Этим богатырем был Ленин. Он рисуется простым, человеческим, сильным и могучим.

В. И. Ленин в этом произведении изображен как эпический богатырь, но его образ, несмотря на традиционную в алтайском фольклоре гиперболичность, близок и понятен народу. Например, описывая внешний облик богатыря-Ленина, сказитель прибегает к гиперболическим сравнениям и метафорам:

Его брови — подобие горных хребтов
Его очи горят ослепительным
пламенем!³

Дьябы Юдаков сравнивает Ленина с небесным светилом, с солнцем, подчеркивая тем самым немеркнущий свет ленинских идей.

С солнцем рядом
Над высями гор
Появилось солнце второе.

Этот прием соответствует духу народной поэтической традиции. Встретившись с новым светилом, олицетворяющим разум вождя, его идеи, бедняк-алтаец сам становится богатырем. Он прозревает, набирается разума и сил для борьбы.

От двух солнц теплоту их боря,
Наливается силою и превращается
В молодого алтайского богатыря.

Сказитель, рисуя образ вождя, находит яркие краски, изумительные по своей красоте и художественному восприятию эпитеты и сравнения.

На востоке зажглась золотая заря
Солнце землю окинуло огненным
изглядом,
И луна, серебристым узором горя,
Засияла с ним рядом...
И увидел Аичи: богатырь перед ним,
Средь бескрайних просторов,
народом обильных,
Землю всю сотрясающий словом одним,
Видом — добрый из добрых и сильный
из сильных.

Мы видим, что народный певец весь свой талант, все выработанное веками народом поэтическое мастерство направляет к тому, чтобы выше всех ранее существовавших и покорявших сердца эпических богатырей, которых в алтайском фольклоре так много, поднять образ великого богатыря — Ленина. И не случайно поэтому, когда Аичи встречается с богатырем, поразившим его воображение, он задумывается: кто стоит перед ним?

На вопрос бедняка Аичи, кто этот богатырь и откуда он явился, народ отвечает:

³ Там же, и далее везде ссылки на текст легенды «Зажглась золотая заря».

Чем твоя, наш учитель родной?
Есть ли где-нибудь реки быстрее
Наших мчащихся с гор стрелой?
Есть ли на свете вождя мудрее
И роднее, чем ты, родной?

Ленин воспевается как наивысший идеал человечества. В творческом сознании народных мастеров художественного слова омысливается грандиозность творений Ленина, поэтому его образ ассоциируется с легендарными богатырями алтайского эпоса. В одной из многих народных песен о Ленине поется:

Есть в Алтае вершина
ни беркут, ни сокол
Никогда не летал над ее головой
Я б сравнил тебя с этой вершиной,
Вождь наш мудрый, отец дорогой
Сколько рек, малых речек, ручьев говорливых
Поит эта вершина века!
Сколько радости дал ты и дней счастливых
Для рабочего и бедняка!
И как ярко пылает в день солнечный, ясный
Та вершина в горячих лучах,
Так же будет сиять прекрасно
Твое светлое имя в грядущих веках!⁸

В народной песне «На Алтае шумит много рек», в 1922 году литературно обработанной поэтом И. Ерошиным, образ вождя рисуется в чисто народно-поэтической традиции путем образного параллелизма.

На Алтае шумит много рек,
Много рек на Алтае течет
А в Москве большой человек,
Сильный там человек живет.
Слышал я — его Ленин звать
Он простой, он без золота друг!
Ах, как хочет его повидать
С гор Алтая бедный пастух!⁹

Алтайские песни о революции и Ленине, созданные в духе народной поэзии, совсем не похожи по своему идейному звучанию на прежние заунывные песни о тяжелом прошлом. В современных народных песнях алтайцев, и особенно в песнях о новой жизни звучат бодрые, жизнеутверждающие мотивы, проникнутые оптимизмом.

Таким образом, первым создателем образа вождя в алтайской поэзии, как видно из сказанного выше, является сам народ. Источником для этого была реальная действительность, сама жизнь. Народные певцы сумели ярко нарисовать образ Ленина, правдиво отобразить величие и значимость ленинских идей, выразить посредством художественного слова любовь алтайского народа к Коммунистической партии и ее вождю.

Образ Ленина в алтайской народной поэзии обогатил ее эстетическое содержание, коренным образом изменив веками установившееся

⁸ Алтайская литература, Горно-Алтайск, 1955 г., стр. 167

⁹ И. Ерошин. Песни Алтая (книга стихов), Алтайское книжное издательство, 1961, стр. 94.

в художественном сознании народа понятие об идеальных образах народных героев-богатырей из эпоса.

Образ Ленина явился вершиной народного представления о героях-освободителях. Народные песни и легенды о вожде знаменуют собой наивысший этап в развитии героической и патриотической темы.

Большое и почетное место ленинская тема занимает в письменной алтайской литературе.

Так, весьма колоритно эта тема представлена в произведениях П. А. Чагат-Строева,⁷ стихах и поэмах П. В. Кучияка, произведениях наших современных поэтов: Чалчика Чунижекова, Александры Саруевой, Аржана Адарова, Лазаря Кожышева и многих других.

Ленинская тема в алтайской поэзии весьма отрадное явление. Первым в алтайской письменной литературе свое слово о великом вожде сказал поэт двадцатых годов Павел Александрович Чагат-Строев.

Кончина Владимира Ильича Ленина отозвалась в сердцах народов всего земного шара тяжелой болью и скорбью. Поэты и писатели всех рас и национальностей выразили эту скорбь в своих произведениях на родном языке.

Так, в Горном Алтае на смерть Ленина отозвались народные певцы и профессиональные поэты. Глубокую скорбь алтайского народа выразил П. А. Чагат-Строев в своем стихотворении «На смерть Ленина» («Ленинининг югына»). В нем он раскрывает бессмертие учения Ленина. Поэт пишет:

Однако мы знаем, что остался вечный огонь

твоего слова —

Мудрое твое учение *

Автор показывает силу и величие немеркнущих ленинских идей, ленинского наследия для народов всего мира, как это великое учение поднимает на борьбу угнетенные народы, показывает им путь к свободе и свету, как оно страшит угнетателей своей правдой.

В 1926 г. П. А. Чагат-Строев создает поэму о В. И. Ленине «Ойгор баатыр»⁸ («Мудрый богатырь»). Появление этой поэмы вызвало большой интерес со стороны алтайских читателей. В газете «Кызыл Ойрот» («Красная Алтай») селькор Янга Бедюров из с. Кулады Онгудайского аймака писал: «Появление в нашем урочище поэмы о Ленине было истинно радостным событием. Народ собирался для коллективного чтения этого произведения о мудром богатыре. Слушатели-алтайцы проявили большой интерес к ней и были очень рады... Народ выражает свою любовь и преданность мудрому Ленину и желает, чтобы его учение жило в веках».⁹

Чем же привлекло алтайских читателей это произведение? Прежде всего своей народностью, близостью героическому эпосу, веками создававшемуся алтайским народом. Идея поэмы «Ойгор баатыр» состоит в прославлении Октябрьской революции и вождя этой революции — великого Ленина. Тема и идея произведения Чагат-Строевым решены по-своему оригинально. Поэт глубоко осознал великую роль В. И. Ленина в социалистической революции и показал в этом произведении вождя не эпизодически, а главным героем. Ленин изображен как защитник и друг угнетенных, как организатор и вдохновитель Октябрьской революции. Поэма «Ойгор-баатыр» — это героико-эпическое про-

⁷ П. А. Чагат-Строев. Стихи и поэмы (на алт. яз.), Горно-Алтайск, 1958, стр. 11.

⁸ Там же, подстрочный перевод с алтайского.

⁹ См. П. А. Чагат-Строев. Стихи и поэмы, Горно-Алтайск, 1958, стр. 31.

¹⁰ Газета «Кызыл Ойрот», 1926, № 15.

изведение. По своему композиционному и художественному решению оно близко к традиционным народным эпическим произведениям алтайцев. По этому поводу сам автор писал: «В алтайских героических сказаниях герои-богатыри всегда борются за справедливость, за лучшую счастливую жизнь, с многочисленными врагами. Образы героев алтайского эпоса понятны и близки народу. Поэтому я и решил рассказать об истории Октябрьской революции, следуя традициям устно-поэтического творчества, с тем, чтобы эта поэма была более доступной и понятной алтайскому народу»¹¹. Автор был прав, т. к. в первые годы Советской власти большинство населения Горного Алтая оставалось все еще неграмотным. Многие не имели представления о литературных произведениях. Свои эстетические запросы они удовлетворяли путем прослушивания героических сказаний и были воспитаны на устно-поэтическом творчестве.

Поэтому вполне оправдано обращение Чагат-Строева к фольклорным приемам. Свою поэму он приблизил к жанру народного эпоса и тем самым усилил ее образное восприятие.

Однако следует сказать, что, несмотря на сказочный характер, это произведение не утратило своего реализма, особенно в изображении В. И. Ленина. Ильич показан в поэме исторически достоверно, хотя его образ дан в духе богатырей алтайского эпоса. Но это всего лишь своеобразный художественный прием, используемый в устно-поэтическом творчестве алтайского народа. Главное здесь то, что образ В. И. Ленина от этого не потускнел и не потерял своего главного смысла, как народного героя, борца, вождя революции.

Не только в изображении главного героя — В. И. Ленина — автор прибегает к народно-поэтической традиции, но и в изображении движущих сил революции — рабочего класса и беднейшего крестьянства — он использует художественные приемы, заимствованные из фольклора. Например, рабочий класс в поэме изображается как Железный богатырь, крестьянство — как Богатырь земли. Борьба богатырей с недругами также дается в героико-эпическом плане.

Враги революции изображаются как злые силы. Здесь автор прибегает к арсеналу алтайской мифологии. Противники положительных героев изображены как отрицательные персонажи мифологических сказаний (Эрлик, Жеек-Жылан, Кер-Жутпа). Царское самодержавие в поэме выступает как «семидесятиголовая змея». Мудрый богатырь (имеется в виду Ленин) сумел одержать победу над всеми недругами честных людей и вывести народ к светлой, радостной жизни.

Чагат-Строев сумел в доступной форме донести до алтайского читателя революционный пафос, величие ленинских идей, историческое значение Октябрьской революции. Его поэма — это своеобразное поэтическое изложение важной вехи из истории Коммунистической партии. Здесь читатель найдет популярное изложение роли ленинской газеты «Искра» в пропаганде идей революции и роли пролетариата в целом. В произведении весьма убедительно показана революционная роль рабочего класса и крестьянства и ясно видение Ильича.

После того, как были разгромлены враги и одержана победа. Мудрый богатырь,

Возглавив свой народ,
Мирно стал жить
Без угнетателей и господ.
Свободная жизнь началась.
Исчезли ненависть и рознь между народами,

¹¹ С. С. Суразаков. Алтайская литература. (на алт. яз.), Горно-Алтайск, 1962, стр. 60.

В одну семью объединившись,
Как братья, народы зажили...¹²

Конечно, эта поэма, как и многие другие произведения алтайской литературы тех лет, не лишена недостатков. Слишком много в ней описательности. Отдельные проблемы решены автором прямолинейно. И тем не менее, если учесть дух времени, все эти недостатки ни в коей степени не могли умалять идейных достоинств и политико-воспитательное значение этого произведения.

Тема революции, тема Ленина находит важное место и в творчестве одного из выдающихся алтайских писателей — Павла Васильевича Кучника.

Уже в первых своих поэтических опытах П. В. Кучник обращается к ленинской тематике. Будучи слушателем Коммунистического университета трудящихся Востока, он приступил к написанию поэмы «Арбачи» (1928 г.) о судьбе алтайской девушки. Сюжет поэмы несложен. Героиня поэмы Арбачи — дочь бедняка. Ее отбирает бай у родителей за долги и намеревается женить на ней своего малолетнего сына. Но пока сын подрастет, Арбачи будет жить в семье бая как рабыня. Однако замыслам феодала не удалось сбыться. Грянул гром Великого Октября. До горных анлов докатилось эхо Октябрьской революции. Народ узнал о Ленине, вместе с угнетенными народами за светлые идеалы борются алтайские бедняки, в том числе и женщины, в прошлом забитые и угнетенные, лишенные всяческих прав. В их рядах мы видим Арбачи — героиню поэмы.

Помимо героини в произведении постоянно присутствует и сам автор. Из глубины души поэта идут вдохновенные слова о том великом человеке, который указал простому, обездоленному народу путь к освобождению и счастью, о вожде и друге бедняков — Владимире Ильиче Ленине.

В этом произведении П. В. Кучник показал животворную силу ленинских идей в освобождении ранее угнетенных народов. Освободившись от гнета и притеснения со стороны баев и зайсанов, народ в лице героини поэмы — Арбачи выражает свою признательность великому Ленину, отмечая его выдающиеся заслуги перед человечеством.

Апофеозом поэмы являются строки, посвященные В. И. Ленину:

Его знают повсюду и старый и малый,
Это имя на всех языках прозвучало,
В миллионах легенд, сказок, песен, поэм
Ленин — радость рабочим, крестьянам.
Ленин — счастье забитым рабам,
Ленин — знамя, восстание, борьба,
Ленин — смерть кулакам и зайсанам.
Ленин — смелый защитник бедных,
Ленин — самый большой большевик,
Ленин — мудр. Ленин прост и велик
Ленин нас приведет к победе.¹³

Поэма «Арбачи» пользовалась большим успехом у народа потому, что поднятые автором проблемы были близки и понятны каждому. Поэма в художественной форме раскрывала немеркнущий свет ленинских идей, призывала народ к новой жизни.

Все свои успехи в строительстве новой жизни, свое счастье алтайский народ связывает с Коммунистической партией, с именем Ленина, «муд-

¹² П. А. Чагат-Строев. Стихи и поэмы. Горно-Алтайск, 1958, стр. 47.

¹³ П. Кучник. Избранные сочинения (на алт. яз.). Горно-Алтайск, 1967, стр. 43—44; П. Кучник «Золотая заря», Новосибирск, 1947, стр. 87.

рого, близкого, родного вождя», потому что партия и Ленин дали народу свободу, вывели его из темноты и невежества, заботы и угнетения. Партия и Ленин в понимании народа едины. Так, в стихотворении «Дума о партии» поэтесса А. Саруева очень образно и ощутимо передала тяжелую беспробудную жизнь народа до революции.

Нам и солнце не светило,
Нам чужими были горы.
От аила до аила
Кочевало наше горе.

И далее поэтесса продолжает:

Мчались годы. И туманы
Заволакивали дали.
Мы старели очень рано,
Слишком рано умирали.
Жили люди, солнца ждали.
Если б не великий Ленин
Мы бы солнца не видали!¹⁴

В другом стихотворении, которое называется «Имя Ленина живет в нас», А. Саруева сумела показать, как преобразился Горный Алтай, озаренный светом идей В. И. Ленина.

Мы идем весне навстречу
Богатырскими шагами.
Имя Ленина живет в нас,
Имя Ленина ведет нас.
Сердце каждого алтайца
Гордо носит это имя!¹⁵

И далее автор перечисляет успехи, достигнутые алтайским народом за годы Советской власти, отмечает преобразования, происшедшие в жизни алтайцев под влиянием неоморкующих ленинских идей. Автор посредством удачных поэтических присмов подчеркивает значение и роль Ленина в этих преобразованиях.

Встал в тайге поселок новый,
Говорим мы — это Ленин!
Едет девушка учиться
Из урочища Алтая,
Чтоб сюда врачом вернуться,
Говорим мы — это Ленин!
В Кремль героя приглашают
Из далекого Алтая,
Корабли влетают в космос,
Говорим мы — это Ленин!¹⁶

Много задушевных, горячих строк Великому Октябрю и его животворным идеям посвятил один из старейших алтайских поэтов — Ч. А. Чунижеков. Поэтическое творчество Чунижекова начиналось одновременно с творчеством П. В. Кучияка. В их поэзии много общего, тематика стихов перекликается.

¹⁴ Октябрь в нашей песне. Горно-Алтайск, 1967, стр. 152.

¹⁵ Песни голубых долин, Горно-Алтайск, 1963, стр. 135.

¹⁶ Там же, стр. 136.

памятнику идут люди, чтобы отдать дань уважения и сердечной признательности вождю. Они идут сюда, чтобы почтить великого из великих, «складут цветы с поклоном ему — отцу, учителю и другу». Свои стихотворения поэт заканчивает образными словами, которые без лишнего пафоса характеризуют величие ленинских идей, свет его разума и мудрости.

Под ясным небом
Голубеют дали.
Идет весна
В веселом перезвоне.
Он, как живой,
Стоит на пьедестале
И держит солнце
На своей ладони.²¹

Поэт сумел сказать этими скупыми поэтическими строками о главном, о силе и величии ленинских идей, которые нашли конкретное воплощение здесь, в горах Алтая. Ленин держит солнце на своей ладони. Иначе говоря, ленинские идеи освещают горы Алтая, весь мир, ибо с образом солнца люди земли связывают все самое дорогое, самое заветное.

А Адаров пишет о Ленине, как о постоянно присутствующем в горах Алтая человеке. «Ленин в горах...» Этот великий человек сегодня ушел в горы потолковать с пастухами по душам, завтра снова спустится в долину. Ленин всюду и в юрте пастуха, и в школе.

Аржан Адаров понимает, что дал Ленину его народу.

Ведет нас к свету
Ленинское имя,
Своим теплом
Нам души согревая
Когда б не Ленин,
Кем бы стал ты ныне,
Народ, живущий
На земле Алтая?²²

Алтайские поэты наделяют образ Ленина яркими народными эпитетами. Ленин — «самый смелый», «мудрый», «родной», «любимый», «самый скромный» человек. Образ Ленина и сейчас светит путеводной звездой для всех народов.

Твое легендарное имя
Опору стало для нас, — отмечает поэт

Константин Козлов. Ленин — неотделим от нас и всей нашей жизни. В его стихотворении «Ленин» есть такие строки:

Мы боремся, строим и пашем,
И нас, перестроивших жизнь,
Ты в образе партии нашей
Ведешь за собой в коммунизм.

Таким показывают нам нашего вождя поэты Горного Алтая, таким мы его представляем, так народ отметил бессмертие Ленина и выразил

²¹ Там же, стр. 9.

²² Там же, стр. 13.

свою безграничную любовь к вождю. Человек высек барельеф Ленина на почти недоступной скале, а поэт Георгий Кондаков отметил это бес-
смертие Ленина в своем стихотворении «Барельеф Ленина».

Человском в подарок родичой земле,
Что была с детства им
По-сыновьи любима,
Выбит был барельеф
На высокой скале.
На высокой скале,
Что взметнулася над Бией.
Он работал,
Не зная ни сна, ни покоя,
И стоит
Освещенная солнцем
Скала,
Словно памятник вечный
Над горной рекою.²²

Таким образом, основной чертой алтайских народных песен, легенд, стихов, посвященных Ленину, является безграничная любовь алтайского народа к партии и ее вождю. В них подчеркивается неразрывное единство партии и народа.

Впереди — великая знаменательная дата века — столетие со дня рождения В. И. Ленина. Можно не сомневаться, что алтайская литература, опираясь на весь полувековой опыт своего развития, на лучшие идейно-художественные достижения советской литературы, отметит ленинское столетие новыми высокохудожественными и высокодейными произведениями, достойными Ленинианы.

Создавая замечательную художественную биографию Ленина, молодая алтайская литература вместе с братскими литературами нашей страны запечатлелет на многие столетия величавый образ народного вождя. Звонкие и радостные песни, яркие и образные легенды и поэмы донесут до наших потомков эпоху Ленина, эпоху торжества идей коммунизма.

И лишь ему дано
Пройти сквозь годы,
Лишь только он
Для времени нетленен!
В стихах и бронзе,
И в сердцах народа
Живет и будет жить
Бессмертный Ленин!²³

²² Октябрь в нашей песне, Горно-Алтайск, 1967, стр. 94.

²³ Там же, стр. 10.

НАЧАЛО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЛЕНИНСКОГО КООПЕРАТИВНОГО ПЛАНА В ГОРНОМ АЛТАЕ

Одной из важнейших составных частей ленинского плана построения социализма в нашей стране является коллективизация сельского хозяйства.

Развивая идеи К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин научно доказал, что единственным путем постепенного вовлечения широких масс крестьянства в социалистическое строительство является кооперация, которая в условиях диктатуры пролетариата обеспечивает наиболее легкий, доступный и выгодный для крестьянства путь к социалистическим формам хозяйства.

В. И. Ленин подчеркивал, что «... положение кооперативов в корне принципиально меняется со времени завоевания государственной власти пролетариатом, с момента приступа пролетарской государственной власти к систематическому созданию социалистических порядков. Тут количество переходит в качество. Кооператив, как маленький островок в капиталистическом обществе, есть давочка. Кооператив, если он охватывает все общество, в котором социализирована земля и национализированы фабрики и заводы, есть социализм».¹

Первый опыт социалистического преобразования сельского хозяйства был обобщен в Программе партии, разработанной В. И. Лениным и принятой VIII съездом РКП(б) в марте 1919 г. В Программе, рассчитанной на построение социализма, подчеркивалось, что Советская власть, осуществив полную отмену частной собственности на землю, стала переходить к проведению в жизнь ряда мер, направленных на организацию крупного социалистического земледелия. Важнейшими из них явились устройство советских хозяйств, всемерная поддержка товариществ по общественной обработке земли, организация государственного засева всех пустующих земель, государственная мобилизация сил для энергичных мер по повышению сельскохозяйственной культуры, поддержка сельскохозяйственных коммун.

Процесс социалистического преобразования сельского хозяйства в национальных республиках и областях имел некоторые особенности, обусловленные конкретно-историческими условиями различных районов. Исходя из этого, местные партийные организации, наряду с проведением общих политических установок на победу социализма, выработывали специфические приемы руководства социалистическим строительством. Социалистическое преобразование сельского хозяйства Горного Алтая, как и во всей стране, осуществлялось на основе ленинского кооперативного плана и имело решающее значение в переходе алтайского народа к социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

В предлагаемой статье делается попытка осветить некоторые стороны деятельности Горно-Алтайской областной партийной организации по подготовке широких масс крестьянства к массовой коллективизации.

¹ В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 36, стр. 161.

В результате гражданской войны и разгула бандитизма сельскому хозяйству области и особенно его главной отрасли — животноводству, был нанесен огромный ущерб. поголовье крупного рогатого скота в 1922 г. по сравнению с 1916 г. сократилось на 49%, лошадей — на 48,9%, посевные площади — на 29%.² Характеризуя тяжелое положение алтайцев, уполномоченный Наркомнаца при Сибирском сообщал, что «... бандитами, оперирующими в Алтайских горах, разрушены хозяйства, уведены скот и отнято охотничье оружие».³ В это тяжелое время Коммунистическая партия и Советское правительство оказали огромную помощь трудящимся алтайцам. В феврале 1921 г. Советское государство приняло на полное снабжение в течение 5 месяцев 30 тыс. голодающих алтайцев.⁴ Трудящиеся-алтайцы получили значительные льготы по сельскохозяйственному налогу, а маломощные полностью освобождены от налога.

Конкретная программа экономического и культурного возрождения народностей Сибири содержалась в решениях X съезда РКП(б) по национальному вопросу. В принятой съездом резолюции выдвигалась в качестве важнейшей практической задачи ликвидация фактического неравенства в прошлом угнетенных народов национальных окраин, развитие и укрепление советской государственности с учетом национальных особенностей этих народов, создание очагов современной промышленности, формирование кадров рабочего класса и народной интеллигенции из коренного населения, налаживание хозяйственного сотрудничества между трудящимися отсталых и передовых народов. Успешное решение этой задачи было возможно лишь на основе исторической активной помощи со стороны пролетариата наиболее развитых советских наций, прежде всего русской нации.

В соответствии с ленинской национальной политикой и решениями X съезда РКП(б), 1 июня 1922 г. Президиум ВЦИК издал декрет об образовании Горно-Алтайской автономной области.

С образованием области трудящиеся массы Горного Алтая впервые за свою многовековую историю получили свою государственность, перед ними открылись широчайшие возможности для ликвидации экономической и культурной отсталости, унаследованной от прошлого.

1 мая 1923 г. в день Международного праздника трудящихся в с. Уладе (ныне г. Горно-Алтайск) начал работу первый съезд Советов Горного Алтая. Он избрал Областной Исполнительный Комитет, первая сессия которого утвердила председателем облисполкома Иванова-Меджит Н. Ф.

В принятой резолюции делегаты съезда выразили искреннюю благодарность Коммунистической партии (большевиков), практически осуществившей право народов на самоопределение, и заверили Советское правительство в том, что будут последовательно проводить в жизнь все мероприятия по укреплению Советской власти.

В обращении областного съезда Советов к трудовому народу Горного Алтая говорилось: «Первый областной съезд Советов ойротских народов своим постановлением положил конец национальной вражде, посеянной врагами трудового народа, и объявил, что отныне Ойротская автономная область не увидит не только плодов национальной розни,

² Государственный архив Горно-Алтайской автономной обл. ф. 33, оп. 1, л. 909, л. 36. (ГАГААО).

³ История Сибири, т. 4, Л. 1968 г., стр. 297.

⁴ История Сибири, т. 4, Л. 1968 г., стр. 297.

⁵ С июня 1922 г. область называлась Ойротской. Но в силу того, что это наименование не было исторически правильным и противоречило самоназванию алтайцев, с 7 января 1948 г. область стала называться Горно-Алтайской.

но корни ее должны быть уничтожены без остатка». Съезд Советов призывал трудовое население Ойротии «сплотиться вокруг рабоче-крестьянской власти и ее руководителиницы РКП(б) для укрепления позиций трудящихся, завоеванных Октябрьской революцией».⁶

Первая областная партийная конференция, состоявшаяся 25 февраля 1923 г., выдвинула конкретную программу по восстановлению животноводства и поднятию его продуктивности, кооперированию сельского хозяйства, налаживанию советского государственного аппарата, ликвидации неграмотности, развертыванию культурной работы на местах, вовлечению в активную работу широких масс трудящихся-алтайцев.

Важная роль в восстановлении сельского хозяйства и подготовке условий для сплошной коллективизации принадлежала кооперации. Крестьянские массы на основе добровольности, при всесторонней помощи со стороны Советского государства вовлекались первоначально в кооперативные объединения потребления и сбыта, а затем и производственные. Простейшие виды кооперации вносили в хозяйственную деятельность крестьянина первые элементы коллективизма, экономически связывали его личные материальные интересы с интересами других крестьян, с интересами всего общества.

В условиях отсталой окраины, какой являлся Горный Алтай, кооперация играла более значительную роль, чем в развитых районах страны. Она способствовала не только выработке коллективных навыков ведения хозяйства, но и развитию классового сознания национального крестьянства, создавала благоприятные условия для борьбы с патриархально-родовыми пережитками, являвшимися серьезным тормозом на пути социалистического переустройства национального урочища.

Первые кооперативные объединения в Горном Алтае были созданы после разгрома колчаковщины. Но, не успев организационно и материально окрепнуть, они почти все прекратили свое существование в результате разгрома бандитизма в 1921—1922 гг. Во второй половине 1922 г. начала разворачиваться в Горном Алтае потребительская кооперация. Однако по различным причинам она не в состоянии была сразу охватить все население и удовлетворить его потребительские нужды. Значительная часть деревень и урочищ совершенно не обслуживалась Алтгубсоюзом.⁷ В декабре 1923 г. был организационно оформлен Горно-Алтайский областной союз кооперативов, объединивший потребительские, кредитные, сельскохозяйственные и промышленные первичные кооперативы.

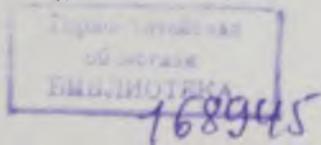
Первые результаты деятельности потребкооперации рассмотрела III областная партийная конференция, состоявшаяся в декабре 1924 г. Количество потребительских обществ увеличилось с 25 в 1923 г. до 40 в 1924 г. В течение 1923 г. было кооперировано 14% хозяйств, в 1924 г. — 39%, увеличился паевой капитал потребительской кооперации.⁸ Конференция также вскрыла недостатки в работе потребкооперации и предложила партийным организациям усилить внимание к кооперативному строительству.

Дальнейшее усиление хозяйственно-организаторской и культурной работы потребительской кооперации осуществлялось на основе решений XIV партийной конференции РКП(б) «О потребительской кооперации». Областные партийные и Советские органы последовательно добивались укрепления существующей кооперативной сети, улучшения ее работы, более активного вовлечения в кооперацию алтайского населения.

⁶ Борьба трудящихся Горного Алтая за установление Советской власти. Горно-Алтайск, 1957 г., стр. 269.

⁷ ГАГААО, ф. 5, оп. 1, д. 365, л. 140.

⁸ Партийный архив Горно-Алтайского обкома КПСС (ПАГАО), ф. 1, д. 373, л. 69.

Трудящиеся-крестьяне, объединившись в потребительские общества, получили возможность приобретать промышленные товары по твердым государственным ценам и тем самым улучшить свое материальное положение. Например, в потребительском обществе «Смычка» с. Улалы за период с 1 октября 1925 г. по 1 июня 1926 г. цены на товары были ниже в среднем на 8%, чем у частного торговца.⁹ Потребительская кооперация уверенно вытесняла с рынка частного. В 1926—1927 гг. удельный вес частного в торговом обороте области составил лишь 11,6%.¹⁰

Реальная выгодность кооперативной торговли служила основой быстрого вовлечения в потребительские общества всего трудового населения области как русского, так и алтайского. В 1926 году потребительской кооперацией было охвачено 46,9%, в 1928 г. — уже 90% хозяйств области. Кооперативы в торговом обороте все больше привлекали средств самого населения. Средний размер пая в 1925 г. составил 2 руб. 66 коп., в 1928 г. — 7 руб. 33 коп.¹¹ Хотя потребкооперация не оказывала непосредственного воздействия на производственную деятельность крестьянина, она создавала первые предпосылки для более глубокого кооперирования деревни, готовила почву для развития производственной сельскохозяйственной кооперации.

В подготовке поворота широких масс крестьянства к массовой коллективизации особая роль принадлежала сельскохозяйственной кооперации. Перед ней ставилась задача: продолжая кооперирование сферы обращения, основную тяжесть работы перенести из объединения крестьян в сфере сельскохозяйственного производства. Развернутая программа деятельности кооперативных организаций была намечена XIII съездом РКП(б), принявшим постановление «О кооперации». В нем подчеркивалось, что «кооперация должна организовать крестьянина и как производителя, и с этой точки зрения развитие сельскохозяйственной кооперации имеет колоссальное значение».¹² Следом выказалась против объединения потребительской и хозяйственной коопераций. До 1924 г. преобладали универсальные кооперативы, которые обслуживали пайщиков во всех отношениях. По мере того как восстанавливались производительные силы сельского хозяйства и росла его товарность, стали возникать производственно-бытовые кооперативы, которые уделяли основное внимание обслуживанию той или иной ведущей отрасли хозяйства своих членов. Это вызвало необходимость организации специальных союзов и кооперативных центров. Учтя этот положительный факт, XIII съезд РКП(б) потребовал от коммунистов обратить особое внимание на развитие уже складывающихся производственно-бытовых форм, организацию артельных, коллективных форм ведения сельского хозяйства. Дейтельность кооперации должна быть направлена на восстановление производительных сил сельского хозяйства, на высвобождение бедняцко-середняцких масс крестьянства от кулацко-байковой кабалы.

В июне 1924 г. в Горном Алтае создается сельскохозяйственная кредитная кооперация в виде кредитных товариществ с ссудными и снабженческо-заготовительными посредническими операциями за счет привлеченных государственных средств. Первый областной съезд уполномоченных сельскохозяйственных объединений в своем решении подчеркивал, что «лишь сельскохозяйственная кооперация сможет вывести сельское хозяйство области из того тупика, в котором оно находится до настоящего времени».¹³ Съезд призвал широкие массы крестьянства и всех

⁹ «Ойротский край», орган обкома и облисполкома, 28 июля 1926 г.

¹⁰ Вопросы хозяйственного строительства, Улала, 1926, стр. 18.

¹¹ Там же, стр. 32, 35.

¹² КПСС в резолюциях и решениях съездов и конференций, и пленумов ЦК, ч. 1, изд. 7, стр. 845.

¹³ ГАГААО, ф. 42, оп. 1, д. 444, л. 23.

членов сельскохозяйственных объединений принять самое активное участие в налаживании работы сельскохозяйственной кооперации. На съезде принят Устав сельскохозяйственной кооперации.

Областная партийная организация, опираясь на огромную помощь Центрального Комитета и Сибирского крайкома ВКП(б), Советского государства, последовательно проводила курс на организацию коллективных форм ведения хозяйства. IV пленум обкома партии в апреле 1926 г. принял решение, обязывающее партийные организации всю организационно-массовую работу направить на кооперирование бедняцко-средняцких хозяйств. Постоянное внимание областных партийных и советских органов кооперативному строительству обеспечило значительный рост сельскохозяйственной кооперации. В апреле 1925 г. в 8 кредитных и 23 сельскохозяйственных кооперативах было охвачено 21,3% крестьянских хозяйств области, а в июле 1927 г. в 103 простейших производственных объединениях находилось — 36,1%¹⁴ хозяйств, из них (9,1% — бедняцких, 30,4% — средняцких и 0,5% — зажиточных.¹⁵

Усиленное развитие сельскохозяйственной кооперации в Горном Алтае было тесно связано с общим подъемом сельского хозяйства и промышленности в стране и в Сибири. Крестьянское хозяйство больше стало применять сельскохозяйственных машин. Количество усовершенствованных сельскохозяйственных машин из года в год росло, прадедовские выданы и абыл (простейшие земледельческие орудия алтайцев) уступали место новой технике. В 1925 г. в область было ввезено сельскохозяйственных машин и инвентаря на сумму 57249 руб., в 1926 г. — на 85 тыс. руб.¹⁶

Через сельскохозяйственную кредитную кооперацию за 8 месяцев 1925—1926 гг. населению области было продано 3 трактора фордзон, 8 дисковых сеялок, два культиватора, 6 сложных молотилок, 16 жаток.¹⁷ Предоставление различных льгот членам сельскохозяйственных кооперативов в приобретении сельскохозяйственных машин и инвентаря на практике убеждало крестьян в преимуществах коллективного сбыта, снабжения и производства.

Созданию условий производственного кооперирования способствовали кооперативы сельскохозяйственного кредита. Областные партийные и советские органы повседневно занимались вопросом кредитования, обеспечивая правильное распределение льготных кредитов по классовому признаку. Но в некоторых аймаках допускались извращения в кредитной политике. Но Шебалинскому кредитному товариществу, например, удельный вес бедняцких хозяйств составил всего лишь 33,25%. В Онгудаискм кредитном товариществе не по назначению израсходовали 30% соуды.¹⁸ В то же время кредитным товариществам и артелям здесь не уделялось должного внимания, что снижало значение кредита, как важнейшего средства подъема сельскохозяйственного производства.

Несмотря на отдельные недостатки, кредит оказывал благотворное влияние на восстановление и укрепление бедняцко-средняцких хозяйств. За 1926—1928 гг. на развитие сельского хозяйства и промыслов было отпущено средств в пределах 882 тыс. руб. кредита.¹⁹ В результате количество хозяйств в кредитных товариществах значительно возросло. В 1925 г. кредитными кооперативами было охвачено 27,74% хозяйств области, в 1927 г. — 73%.²⁰ Успешно развертывалась деятельность кре-

¹⁴ ГАГААО, ф. 1, оп. 1, д. 732, л. 23

¹⁵ «Ойротский край», 2 июля 1927 г.

¹⁶ ГАГААО, ф. 33, оп. 1, д. 140, л. 101.

¹⁷ «Ойротский край», 3 июля 1926 г.

¹⁸ Вопросы хозяйственного строительства, стр. 30.

¹⁹ ГАГААО, ф. 33, оп. 1, д. 79, л. 33

²⁰ Там же, ф. 42, оп. 1, д. 1261, л. 62.

дитной кооперации среди алтайского населения. Из приведенного выше числа кооперированных хозяйств 42,1% составляли алтайские.²¹

Сельскохозяйственная кредитная кооперация вела значительную работу по организации заготовок и сбыта сельскохозяйственных продуктов. За 8 месяцев 1925—1926 гг. кредитными товариществами области было заготовлено 20 тыс. пудов ореха, около 700 голов скота, 3 тыс. пудов зерна.²² Сельскохозяйственная кооперация вызвала в свою очередь к жизни ряд других объединений, которые обслуживали крестьянские хозяйства по совместному использованию машин, скота, земли, по сбыту продуктов животноводства и промысла.

Широкое распространение в Горном Алтае получила молочная кооперация. Ко времени образования автономной области работало всего 16 маслозаводов, находившихся в ведении областной потребительской операции. Это были мелкие сезонные предприятия, оборудованные ручными сепараторами, производительностью 200—300 литров в час, деревянными чанами емкостью до одной тонны для производства сыров и самодельными маслобойками рабочей емкостью до 50 литров.

В течение 1923—1924 гг. была осуществлена ряд мероприятий по организационному и хозяйственному укреплению молочной кооперации. В марте 1925 г. была организована секция молочной кооперации при облпотребсоюзе, которая непосредственно руководила организацией мелартелей. К октябрю 1925 г. в 26 вновь созданных молочных артелях объединилось 3500 крестьянских хозяйств.²³ Возросшая деятельность молкооперации усиливала интерес алтайского населения к развитию молочного животноводства и повышению его доходности, а это, в свою очередь, требовало увеличения маслоделательных и сыроваренных заводов и приемных пунктов. В 1926—1927 гг. при активной помощи Сибмолсоюза в области было построено 11 маслозаводов и несколько десятков приемных пунктов.²⁴ С развитием и укреплением сети молкооператива в ноябре 1927 г. секция молочной кооперации при облпотребсоюзе преобразуется в областной союз молочной кооперации, объединивший 23 маслозавода и 79 пунктов переработки молока. В районе их действия было кооперировано 70,5% русских и 65% алтайских хозяйств.²⁵

Облмолсоюз занимался не только сбытом молока и молочной продукции, но и снабжением молартелей необходимым инвентарем, улучшенными кормами и осуществлял мероприятия агрокультурного характера, направленные на подъем товарности крестьянских хозяйств. В молочной кооперации объединялись, главным образом, бедняцкие и середняцкие слои крестьянского населения. На 1 октября 1926 г. в состав молочных артелей входило: бескоровных хозяйств — 6,7%, однокоровных — 17,3%, двухкоровных — 29%, трехкоровных — 28%, четырехкоровных — 18%, пятикоровных и более — 14%, таким образом, хозяйства до трех коров включительно составляли 68%.²⁶

Успешно функционировали первые молочные артели, организованные в национальных урочищах. Чеповская сырартель, например, по всем показателям была признана лучшей в области. В с. Нигуреке по инициативе членов молочной артели были сделаны котлованы под ледник и подвал, заготовлен лесоматериал.

Облмолсоюз всячески содействовал развитию молочного животноводства и улучшению качества выработки молочных продуктов. С этой целью в 1927 г. было проведено два показательных кормления, три кон-

²¹ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 732, л. 23.

²² «Ойротский край», 3 июля 1926 г.

²³ ГАГААО, ф. 42, оп. 1, д. 842, л. 16.

²⁴ ГАГААО, ф. 1, оп. 1, д. 939, л. 2.

²⁵ Там же, л. 28.

²⁶ ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 732, л. 23.

курса из чистоту молока и качество масла, распределено среди членов артелей 165 экземпляров специальной литературы, послано на курсы маслосыроделов 11 человек.²⁷ Проводимые мероприятия содействовали укреплению и росту молочной кооперации. К 1 октября 1928 г. было кооперировано 5938 хозяйств, в том числе около одной трети хозяйств алтайского населения.²⁸

Немалую роль в восстановлении сельского хозяйства и вовлечении бедняцко-средняцких масс крестьянства в кооперацию сыграли комитеты крестьянской взаимопомощи (кредкомы). Начало их организации на селе положил подписанный В. И. Лениным декрет СНК РСФСР от 14 мая 1921 г. «Об улучшении постановки дела социального обеспечения рабочих, крестьян и семейств красноармейцев»,²⁹ в котором вскрыты основные социально-экономические причины, вызвавшие к жизни массовую крестьянскую организацию взаимопомощи. Первые комитеты крестьянской взаимопомощи были созданы в Горном Алтае в 1922 г. Они организовались в селах и урочищах, их объединения имелись в аймаках и областях. Первоначально кредкомы оказывали помощь малоимущим крестьянским хозяйствам и являлись по преимуществу организациями социального обеспечения. Их роль в кооперировании определил XIII съезд РКП(б) (май 1924 г.), подчеркивающий, что комитеты общественной взаимопомощи «... на базе их нынешней соборной работы... собирая малоимущих как основное ядро, вместе с тем включая в свой состав и среднее крестьянство, могут и должны стать организацией, помогающей кооперированию огромного большинства деревни и развитию работы по распространению коллективов».³⁰

25 сентября 1924 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили новое положение о кредкомах, в котором подтверждалась необходимость привлечения к делу взаимопомощи не только отдельных групп населения, но и широких масс крестьянства. Кредкомы реорганизовались в крестьянские комитеты общества взаимопомощи (КОВ), основной задачей и главным содержанием деятельности которых была организация хозяйственной помощи и всемерное кооперирование крестьян.

В начале декабря 1924 г. состоялся III съезд крестьянских обществ взаимопомощи Горно-Алтайской автономной области, рассмотревший отчет о деятельности облкредкома в течение года. С декабря 1923 г. кредкомы проделали значительную работу по защите прав малоимущих хозяйств и представлению им установленных законом льгот. Было достигнуто соглашение с облземуправлением о бесплатном отпуске леса, выдаче семенной посуды, отводе земельных участков. Через сельхозкредит для обслуживания малоимущих хозяйств кредкомы приобрели 3 сенокосилки и одну жатку. Остро нуждающиеся крестьянские хозяйства получили возвратных и безвозвратных денежных ссуд на общую сумму 9 183 руб. Большую часть безвозвратных кредитов получили Улаганский и Кош-Агачские кредкомы. Кроме того, была оказана трудовая помощь бедноте на сумму 3744 руб.³¹ Съезд подчеркнул, что комитеты общественной взаимопомощи должны всячески содействовать развитию кооперации и укреплению влияния бедноты, помогать малоимущим крестьянским хозяйствам в получении кредита для поднятия своего хозяйства, избавить бедноту от эксплуатации со стороны кулацко-байских элементов.

В 1925—1927 гг. кулачество пыталось активизировать подрывную деятельность против мероприятий, проводимых партийными и совет-

²⁷ Там же ф. 1, оп. 1, д. 939, л. 31.

²⁸ Вопросы хозяйственного строительства, стр. 33.

²⁹ Журнал «Вопросы истории КПСС», № 12, 1968, стр. 72.

³⁰ КПСС в резолюциях..., ч. II, 1954, стр. 48.

³¹ ГАГААО, ф. 49, оп. 2, д. 22, л. 327, 329.

скими органами по ограничению его экономического развития и влияния на остальные слои крестьянства. В некоторых случаях кулацко-байской верхушке удавалось подчинить своему влиянию часть бедняцко-средняцкого населения и сорвать организацию кресткомов. В селах Верх-Уймон и Бузалаево Уймонского аймака часть бедности и середняков голосовала против создания кресткомов.³²

Для улучшения работы кресткомов, укрепления их руководства были проведены перевыборы, которые сопровождались большой разъяснительной работой. Все это позволило к февралю 1925 г. значительно усилить руководящие органы кресткомов. В 10 аймачных и 103 сельских комитетах общественной взаимопомощи было избрано бедняков — 535 чел., середняков — 171 чел., из них коммунистов — 85, комсомольцев — 33.³³

Под руководством партийных и советских органов кресткомы занимались организацией взаимопомощи, ведали распределением государственных и общественных оредств, которые отпускались на социальное обеспечение, активно участвовали в укреплении всех видов кооперации. Для оказания материальной помощи бедноте кресткомы учреждали специальные фонды, создаваемые путем самообложения, отчислений от прибылей арендованных и собственных предприятий, доходов с общественной запашки. К декабрю 1928 г. кресткомы Горного Алтая имели 47 предприятий,³⁴ 1154 га пашни, 114 сложных сельскохозяйственных машин.³⁵

Заметные сдвиги в производственной деятельности кресткомов развивали производительные силы, увеличивали фонды, необходимые для оказания помощи бедноте, помогали ограничению эксплуататорских тенденций кулацко-байской верхушки.

Кресткомы проводили широкую массово-разъяснительную работу среди крестьянства, оказывали материальную помощь при вступлении в кооперацию. За 1926—1927 гг. за счет оредств кресткомов было кооперировано 84 маломощных крестьянских хозяйства.³⁶

Большое содействие они оказывали в организации производственных кооперативов простейших видов по коллективному использованию сельскохозяйственного инвентаря и машин, рабочего скота, в организации различного рода трудовых сезонных артелей — по заготовке и сплаву леса, выгонке дегтя, перевозке грузов. При активном участии кресткомов в 1927—1928 гг. в области было организовано 47 подобного рода артелей и коллективов.³⁷

Воцелая крестьянские массы в кооперативы простейших видов, областные партийные и советские органы одновременно решали ряд сложных и важных задач, связанных с переводом кочевого и полукочевого населения на оседлость.

Наличие кочевого и полукочевого хозяйства у значительной части алтайского населения создавало дополнительные трудности на пути социалистического преобразования сельского хозяйства Горного Алтая. Без перевода кочевого и полукочевого населения на оседлость невозможно было в короткие сроки успешно осуществить коллективизацию, преодолеть хозяйственную и культурную отсталость алтайского населения, приобщить его к социалистическому строительству. Поэтому перевод на оседлость являлся одной из важнейших хозяйственно-политических за-

³² ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 669, л. 30, 31.

³³ ГАГААО, ф. 49, оп. 2, д. 23, л. 38.

³⁴ Там же, ф. 33, оп. 1, д. 79, л. 70.

³⁵ ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 935, л. 39, 40.

³⁶ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 935, л. 41.

³⁷ Там же, л. 42.

дач социалистического переустройства сельского хозяйства в Горном Алтае.

В апреле 1926 г. пленум областного комитета партии, проанализировав причины маломощности хозяйств кочевников-бедняков, пришел к выводу о необходимости перевода кочевых и полукочевых хозяйств на оседлость. Он постановил: «Создать специальный фонд для кредитования хозяйств кочевников, содействуя их оседлости». Этот вывод был одобрен пленумом на основе глубокого изучения настроений масс. Произведенный опрос в 1926 г. в Кош-Агачском и Улаганском аймаках дал следующий результат: из 253 опрошенных хозяйств за переход на оседлость высказались — 96, против — 81, и 76 не определили своего отношения к данному вопросу.³⁸

Переход на оседлость был связан с крутой ломкой уклада жизни алтайского урочища, где пережитки родовых отношений были настолько сильны, что немало бедняков и середняков находилось под влиянием баев и шаманов. Вот почему потребовалась большая массово-разъяснительная работа, которую и проводили партийные и советские органы. В урочищах и других пунктах оседания проводились собрания бедноты, женщины и общие собрания трудящихся, на которых обсуждались вопросы кооперативного строительства, переустройства хозяйств кочевников. На общем собрании граждан урочища Бешпельтир Шебалинского аймака, например, была принята следующая резолюция: «Наша темнота и неграмотность, а главная причина — наша разбросанность... тормозит нашу работу по сельскому хозяйству, нет возможности нашим детям учиться грамоте, а поэтому необходимо с нынешнего года начать строить общую посковую и выезжать всем в центр урочища Бешпельтир к сельскому Совету и переходить на оседлость...»³⁹

В соответствии с решением V областного съезда Советов, население, переходящему на оседлость, предоставлялся льготный кредит на приобретение скота, инвентаря, семян, бесплатно отпускался лесоматериал для возведения жилых и надворных построек. На эти цели в 1925—1926 гг. государством было отпущено кочевому населению области кредит в размере 62935 руб. С помощью полученного кредита, например, в урочище Кайрлык 35 хозяйств кочевников построили избы.⁴⁰

Первый опыт оседания кочевого населения показал, что переход населения на оседлый образ жизни во многом зависит от правильного разрешения земельного вопроса. Необходимо было ликвидировать наследие царской колониальной политики. Исключительно важно было устранить путаницу, неорганизованность, неустойчивость, покончить с феодально-родовыми пережитками и эксплуататорской тенденцией кулако-байской верхушки в землепользовании.

В постановлении V областного съезда Советов подчеркивалось: «Чрезвычайная запутанность земельных отношений, создавшаяся в результате политики дореволюционного периода, является причиной еще неизжитой национальной розни, служит основным препятствием к дальнейшему развитию сельского хозяйства области. Поэтому быстрейшее и полное проведение землеустройства является первоочередной задачей, без разрешения которой немыслима работа по дальнейшему укреплению и развитию сельского хозяйства».⁴¹

В начальный период землеустройство в основном сводилось к регистрации прав крестьянских обществ на землепользование и проведению других мер, отражавших государственное регулирование земельных

³⁸ ПАГАО, оп. 1, оп. 1, д. 630, лл. 2, 3.

³⁹ «Ойротский край», 16 мая 1925 г.

⁴⁰ ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 785, л. 8.

⁴¹ Постановление V областного съезда Советов Ойротской автономной области, Ульда, 1927, стр. 4.

отношений. При этом главное внимание направлялось на землеустройство алтайских урочищ и смешанных селений. Например, в 1925—1926 гг. было землеустроено 64 алтайских урочища, 16 смешанных и 17 русских селений.⁴² Всего межселенным землеустройством к 1927 г. было охвачено 233 земельных общества, или 75% земель трудового пользования.⁴³ Межселенное землеустройство заметно укрепляло хозяйства маломощных крестьян. В с. Уйбогане бедняки до землеустройства заготавливали 20—30 копен сена, после землеустройства — 60—100 копен.⁴⁴

Проводимые аграрные преобразования содействовали планомерному переходу на оседлость. А переход на оседлость являлся важнейшим условием социалистического преобразования сельского хозяйства в кочевых и полукочевых районах Горного Алтая. Следовательно, коллективизация и переход на оседлость — это единый и всеохватывающий процесс.

Решение задач социалистического строительства требовало дальнейшего укрепления и оживления работы местных Советов, еще более широкого вовлечения в их деятельность бедняцко-средняцких масс. Необходимо было укрепить организации бедноты и батрачества, усилить их позиции в Советах и кооперативах, сплотить бедняцко-средняцкий актив, изолировать классово-чуждые элементы.

Все эти вопросы были обсуждены ноябрьским (1926 г.) пленумом областного комитета партии, наметившим мероприятия по разворачиванию работы во время перевыборов сельских Советов.

Ход подготовки к перевыборам сельских Советов неоднократно обсуждался на пленумах и заседаниях бюро аймкомов партии, расширенных собраниях деревенских избирательных комиссий. Проводились собрания бедноты по селам и урочищам, на которых обсуждалась вопросы внутренней и международной жизни, заслушивались отчеты сельсоветов, кооперативов, кресткомов, выдвигались кандидатуры в новый состав Советов.

Обком партии командировал 30 ответственных работников, которые оказали значительную помощь партийным организациям в проведении перевыборов в Советы и разворачивании кооперативного строительства. В Уймонском аймаке инструкторской группой обкома партии при участии местного актива было кооперировано 118 бедняцких хозяйств.⁴⁵ Количество проводимых собраний бедноты в этот период резко увеличилось. Впервые широко использовались для повышения активности бедноты пригласительные билеты. В области было проведено в период предвыборной кампании 1926—1927 гг. 439 собраний бедноты, на которых присутствовало 20,7% середняков-активистов.⁴⁶

Усиление массово-политической работы в деревнях и урочищах способствовало повышению активности избирателей. Явка на выборы возросла с 34,5% в 1925—1926 гг. до 61,95% в 1926—1927 гг., тогда как по Сибири в 1927 гг. процент участия избирателей в перевыборах составил 50,6%.

В результате перевыборов улучшился социальный состав сельских Советов. Удельный вес батраков и других сельскохозяйственных рабочих в сельских Советах увеличился с 0,5% в 1925—1926 гг. до 5,2% в 1926—1927 гг.⁴⁷ Возросла партийная прослойка во вновь избранных Советах. Вместо 94 членов ВКП(б) в прошлом составе, в новый состав Советов было избрано 275 членов партии, что составляло около полови-

⁴² В. А. Демидов. Переход алтайцев на оседлость. Барнаул, 1968, стр. 38.

⁴³ ГАГААО, ф. 42, оп. 1, д. 895, л. 11.

⁴⁴ Вопросы хозяйственного строительства, стр. 28.

⁴⁵ ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 732, л. 34.

⁴⁶ Там же, л. 28.

⁴⁷ Там же, л. 36.

ны коммунистов сельских партийцек. Число комсомольцев-депутатов сельсоветов выросло с 14 до 137 человек.⁴⁴

При сельских Советах, комитетах общественной взаимопомощи, в кооперативах создавались группы бедноты, основной задачей которых являлась защита интересов бедняцко-средняцких слоев деревни от байства и кулачества. На заседаниях групп бедноты предварительно решались все важнейшие вопросы жизни деревни и урочища, затем они выносились на обсуждение членов сельсовета, кресткома, правления кооператива. Вся работа групп бедноты проходила под непосредственным руководством партийных ячеек. Группы бедноты явились опорой сельских партийных организаций в их деятельности по сплочению бедняцко-средняцких слоев вокруг партийных и советских органов.

Переборы сельских Советов в Горном Алтае протекали в условиях ожесточенного сопротивления кулацко-байских элементов. Используя свое экономическое преимущество и патриархально-родовые пережитки, кулацко-байская верхушка всячески пыталась проникнуть в Советы или протащить туда своих ставленников. На собраниях кулацко-байские защитники заявляли: «Мы одинаковы общественники, нас нечего делить на богатых и бедных, мы все равны...» или «Они, кулаки, дают бедному алтайцу хлеба и работу».⁴⁵ При обсуждении кандидатур в некоторых сельсоветах имели место выступления кулацкой части деревни со своими списками. В с. Аюге Чемальского аймака группа защиточных выдвинула список своих кандидатов в сельский Совет. В Шебалинском аймаке были случаи спавания бедняков самогоном с тем, чтобы они проголосовали на выборах за кандидатуры кулаков.⁴⁶ Но происки враждебных элементов были своевременно пресечены.

Всесторонняя помощь, оказанная Советским государством в виде кредитования маломощных крестьянских хозяйств, освобождения от сельскохозяйственного налога, организации машинноснабжения, проведения землеустройства укрепила хозяйственные позиции бедноты, обогатила борьбу с кулацко-байскими элементами и создавала необходимые предпосылки для перехода к коллективным формам хозяйства.

Всемерно развивая прелестьшие производственные объединения, партия и Советское государство постоянно подчеркивали, что простая кооперация — это еще не социализм, это лишь необходимый этап для перехода к социализму. Главная, основная форма кооперации, которая решает задачу социалистической переделки единоличного крестьянского хозяйства, — производственная кооперация «Если крестьянское хозяйство может развиваться дальше, — говорил В. И. Ленин, — необходимо прочно обеспечить и дальнейший переход, а дальнейший переход неминуемо состоит в том, чтобы наименее выгодное и наиболее отсталое, мелкое, обособленное крестьянское хозяйство, постепенно объединяясь, организовало общественное, крупное земледельческое хозяйство...»⁴⁷

Опираясь на ленинские указания о необходимости перевода крестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства, XV съезд ВКП(б), состоявшийся в декабре 1927 г., со всей остротой поставил задачу социалистического переустройства сельского хозяйства.

XV съезд указал, что в настоящий период вопросы объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должны быть поставлены в качестве основной задачи партии в деревне. Он отметил, что коллективизация сельского хозяйства необходима в интересах технической перестройки деревни, повышения

⁴⁴ Там же, л. 39.

⁴⁵ ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 833, л. 4.

⁴⁶ ГАГААО, ф. 65, оп. 1, д. 65, л. 464.

⁴⁷ В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 43, стр. 148.

благополучия трудящихся масс крестьянства и преодоления капиталистических элементов. Учитывая возросшую мощь социалистического сектора и укрепление командных высот Советского государства в народном хозяйстве, съезд признал необходимым усилить хозяйственное наступление на капиталистические элементы города и деревни. В резолюции съезда указывалось, что Коммунистическая партия, опираясь на беззастенчивую поддержку со стороны рабочего класса, пользуясь всей мощью хозяйственных органов, должна «развивать дальнейшее наступление на кулачество и принять ряд мер, ограничивающих развитие капитализма в деревне и ведущих крестьянское хозяйство по направлению к социализму».³² Выработанная XV съездом партии политика коллективизации сельского хозяйства исходила из объективных экономических законов развития производства, выражала наивысшие потребности материальной жизни общества и коренные интересы рабочего класса и трудового крестьянства.

Выполняя решения XV съезда, областная партийная организация развернула большую работу по изучению и пропаганде решений съезда. Январский пленум обкома партии (1928 г.) обсудил и одобрил решения XV съезда партии и выразил большое удовлетворение по поводу того, что съезд решил «уделить особое внимание вопросам подъема экономики и культуры отсталых национальных окраин и отсталых районов, исходя из необходимости постепенной ликвидации их экономической и культурной отсталости, соответственно предусматривая более быстрый темп развития их экономики и культуры, исходя из увязки нужд и потребностей этих районов с нуждами и потребностями Союза».³³ Пленум призвал областную парторганизацию к изучению и претворению в жизнь решений съезда.

Важную роль в осуществлении решений XV съезда партии в Горном Алтае сыграл расширенный пленум обкома партии, состоявшийся в марте 1928 г. Пленум обсудил доклад о производственном кооперировании и колхозном строительстве в области и утвердил развернутую программу практического осуществления коллективизации. В резолюции пленума сказано: «Незначительное количество в области простейших производственных объединений и колхозов и их недостатки неустранимости ставит перед парторганизацией задачу — решительно усилить темпы колхозного строительства как путем укрепления и пополнения новыми членами существующие объединения, так и организацией новых простейших и сложных колхозов, максимально используя для этого в первую очередь период подготовки и проведения весенних сельскохозяйственных работ».

Пленум предложил «закончить в течение апреля месяца пересмотр существующих товариществ и артелей. Оформить все здоровые объединения соответствующими уставами и организационно-производственными планами работ, доведя в мелких артелях и товариществах членский состав до уставных норм (не менее 7—10 хол-в) путем приема членов или слияния нескольких однородных объединений, находящихся в одном селе, урочище».³⁴

С учетом специфики Горного Алтая пленум обкома определил формы и методы коллективизации сельского хозяйства. Исходными формами производственного кооперирования могли стать сельскохозяйственный кооператив с животноводческим направлением, поселковые товарищества, артельные объединения с целью постройки теплых дворов для содержания скота и заготовки кормов.

³² КПСС в резолюциях..., ч. II, стр. 475.

³³ КПСС в резолюциях и решениях..., ч. II, стр. 463.

³⁴ ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 856, л. 62.

Руководствуясь решениями XV съезда и мартовского пленума (1928 г.) обкома партии, областная парторганизация развернула большую работу по организационному укреплению существующих колхозов, по переводу простейших объединений в более сложные и организационно-хозяйственному укреплению их при помощи кредитов, первоочередного снабжения сельскохозяйственными машинами, семенами. Для оказания финансовой помощи бедноте при вступлении в производственные объединения постановлением бюро ОК ВКП(б) от 15 мая 1928 г. при отделении сельскохозяйственного банка создавался специальный фонд производственного кооперирования, а при сельскохозяйственных кредитных товариществах — аймачные фонды.⁵⁸

В начале июля 1928 г. состоялся первый областной съезд колхозников, рассмотревший ряд вопросов колхозного строительства. Съезд полностью одобрил взятый XV съездом партии курс на коллективизацию сельского хозяйства. Вместе с тем в докладах и резолюциях съезда отмечалась слабость колхозного движения в области, заключающаяся в малочисленности, экономической немощи и организационной неформальности колхозов, в недостаточной степени обобществления средств производства и труда. В силу указанных причин некоторые колхозы быстро распадались, даже не приступив к практической деятельности. В целях развертывания колхозного движения на заседании фракции коммунистов-делегатов съезда было оформлено колхозбюро по руководству колхозным строительством в области.⁵⁹

После областного съезда колхозников усилилось внимание партийных и советских органов, а также всей общественности к колхозному строительству. В 1926—1927 гг. сельскохозяйственных машин и инвентаря было ввезено в область на сумму 85 тыс. руб., в 1928 г. — на 125 тыс. руб. Получены государственные кредиты соответственно 88675 руб. и 215251 руб. Развертывалась работа по поднятию продуктивности животноводства как путем завоза племенного скота (с этой целью в 1928 г. было завезено 110 голов племенных баранов), так и путем перехода к улучшению ухода за скотом и его содержания. Первые теплые дворы были построены и коммунах «Красный Алтай» с. Бирюле на 75 голов и «Свободный путь» Лебелского аймака на 30 голов.⁶⁰

Проводимые мероприятия содействовали быстрому росту всех форм простой кооперации и колхозов. В начале октября 1927 г. в области действовало 8 колхозов и 76 простейших объединений, на ту же дату 1928 г. — колхозов 31, простейших объединений — 107.⁶¹

Ширилось производственное кооперирование в кочевых и полукочевых районах области. К декабрю 1928 г. было организовано 50 товариществ и артелей, объединивших около 600 хозяйств алтайского населения. Первый опыт коллективизации кочевого населения показал, что при правильном осуществлении на практике ленинского кооперативного плана коллективные формы хорошо воспринимаются бывшими кочевниками. В материалах обкома партии того времени отмечалось, что там, где партийное руководство колхозным строительством осуществлялось на должном уровне, алтайские коллективные хозяйства были в организационном и хозяйственном отношении устойчивее некоторых русских подобных же объединений.⁶² Но коллективизация алтайских хозяйств была сопряжена с большими трудностями ввиду низкой производительности труда кочевников, невозможности применения в ряде мест сельскохозяйственных машин из-за сильно пересеченной местности, крайне-

⁵⁸ Там же, д. 858, л. 331.

⁵⁹ ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 921, л. 22.

⁶⁰ «Ойротский край», 7 ноября 1928 г.

⁶¹ ПАГАО, ф. 1, д. 933, л. 147.

⁶² Вопросы хозяйственного строительства, стр. 39.

го недостатка организаторов и вработников, знающих алтайский язык.⁶⁰

Определяя пути преодоления отсталости коренного населения, обком партии в материалах к VI областной партийной конференции указывал, что «коллективизация — главнейший путь раскрепощения алтайской бедноты, ликвидации хозяйственной, общественной и культурной отсталости национального урочища».⁶¹

Подготовка условий массовой коллективизации проходила в обстановке острой классовой борьбы. Кулаки и бан в своей антиколхозной агитации стремились использовать культурную отсталость населения, родовые пережитки и недостаточную в ряде сел и урочищ политико-воспитательную работу среди деревенской бедноты. Враждебные элементы вели усиленную агитацию против колхозного строя, призывали бедняков и середняков не вступать в колхозы, всячески старались посеять национальную рознь между русскими и алтайцами, распространяя самые недобрые слухи.

Несмотря на усиление классовой борьбы, лозунг «Деревня, вперед к крупному коллективному хозяйству!» — нашел широкую поддержку со стороны бедняcko-середняцких масс Горного Алтая.

Это подтверждается фактом нарастания темпов колхозного строительства. В октябре 1928 г. в колхозах было объединено 2,54% крестьянских хозяйства, а в октябре 1929 г. — 6,3%.⁶² Обобществлено рабочего скота — 30,4, коров — 30,6%, посевов — 8,9%.⁶³

Всесторонняя помощь Советского государства, постепенное внедрение навыков коллективного ведения сельскохозяйственных дел, борьба с байством и кулачеством, развертывание землеустроительных работ, положительный опыт первых коллективных хозяйств — все эти мероприятия подготавливали крестьянские массы к переходу на колхозный путь.

Таким образом, под руководством и благодаря помощи Центрального Комитета ВКП(б) и Сибирского крайкома партии областная партийная организация добилась значительных успехов в осуществлении ленинского кооперативного плана в Горном Алтае.

⁶⁰ Там же, стр. 39.

⁶¹ Там же, стр. 39.

⁶² ГАГААО, ф. 33, оп. 1, д. 462, л. 55.

⁶³ Там же, д. 861, л. 62.

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ В ГОДЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА (1920—1927 гг.)

Завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, после того, как отгремели последние бои на фронтах гражданской войны, можно было упрочить путем восстановления народного хозяйства и создания социалистической экономики на новой хозяйственной основе.

Отдельные страницы из истории восстановления и дальнейшего хозяйственного строительства в Горном Алтае не раз являлись темой научного исследования.¹ Однако, пока нет специальных статей или монографий, посвященных социально-экономическому развитию этого района страны.

В предлагаемой статье автор ставит цель — дать краткую характеристику тех социально-экономических сдвигов, которые произошли в Горном Алтае за годы восстановления народного хозяйства.

Процесс восстановления хозяйства осуществлялся в Горном Алтае на основе общих закономерностей социалистического строительства в условиях переходного периода от капитализма к социализму и их важнейшей составной части — новой экономической политики.

Конкретно-исторические особенности восстановительного процесса в Горном Алтае характеризовались весьма низким уровнем развития производительных сил, разрухой народного хозяйства, как следствия гражданской войны и борьбы с бандитизмом.

До победы Великой Октябрьской социалистической революции Горный Алтай был одним из отсталых районов царской России. Основой хозяйства коренных жителей-алтайцев издавна являлось кочевое скотоводство и охота. Полеводство русского старожильского крестьянского населения имело товарное значение лишь в отдельных районах (Уймон, частично Онгудай, Майма). В целом по Горному Алтаю оно было дефицитным. Промышленности не было. Значительное распространение имели промыслы (охота, орешный промысел, заготовка леса и др.).

¹ В. С. Яковлевский и П. В. Абоимов. Животноводство в Ойротском крае. Новосибирск, 1929. А. Эдоков. Ойротская автономная область. М. 1931. П. Я. Гордиенко. Ойротия. Новосибирск, 1931. М. Ф. Саруев. Горный Алтай за годы Советской власти. Сб. ст. 40 лет советскому Горному Алтаю. Горно-Алтайск, 1957. В. К. Савинко. Из истории борьбы за хлеб в Алтайской губернии в первые годы после восстановления Советской власти. Барнаул, 1957. Г. А. Павлов. Челушманская коммуна. Горно-Алтайск, 1959. Л. П. Поталов. Из истории Горно-Алтайской автономной области. «Ученые записки» Горно-Алтайского научно-исследовательского института. Вып. 3. 1960. А. Н. Ларина. Алтай в период восстановления народного хозяйства. Барнаул, 1961. В. А. Демидов. К вопросу о коллективизации сельского хозяйства в Горном Алтае. «Ученые записки» Горно-Алтайского научно-исследовательского института. Вып. 5. 1962. Он же. Образование Горно-Алтайской автономной области. В кн. Вопросы истории социально-экономической жизни Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. Вып. 1967 г.

Богатства края — земля, леса, пастбища и скот — находились в руках царской казны, местных богачей — баев.²

После победы Октябрьской революции баи потеряли свои привилегии господствующего класса. Но наличие в их руках земли и скота оказывало влияние на жизнь алтайского народа. Баи держали бедняков-алтайцев в кабале в силу экономической слабости последних. Родо-племенные пережитки прикрывали, затушевывали эксплуататорский смысл отношений баев к бедняку-алтайцу, сдерживали развитие классовой дифференциации в среде алтайского крестьянства.

Восстановление народного хозяйства Горного Алтая, как и в стране в целом, тормозила хозяйственная разруха: общая посевная площадь в 1922 году сократилась по сравнению с 1916 годом на 35%.³

Большой ущерб был нанесен животноводству. Реквизиция царским правительством огромного количества лошадей и крупного рогатого скота на нужды армии в годы первой мировой войны, угон баями и скотопромышленниками своих стад за границу после победы Советской власти в Горном Алтае, хищнические действия контрреволюционных бело-гвардейских отрядов — все это привело к тому, что к концу 1922 года общее поголовье скота сократилось более чем наполовину по сравнению с довоенным уровнем. В 1916 году здесь насчитывалось 577500 голов скота, в конце 1922 года — 254100.⁴

Важнейшая особенность восстановительного периода в Горном Алтае была связана с земельным вопросом.

Проводя в жизнь советское законодательство, местные органы власти ликвидировали царское и монастырское землевладение. Беднейшие хозяйства получили земельные наделы. Однако земля, а вместе с ней скот и сельскохозяйственный инвентарь не были изъяты у кулаков и крупных баев.

Чрезвычайно осложняло обстановку в начальные годы мирного строительства окраинное положение Горного Алтая. В августе 1921 года на 2/3 территории все еще продолжалась борьба с контрреволюционными отрядами белобандитов. Несмотря на то, что в 1920 году были разгромлены основные силы колчаковцев и каракорумцев — местных националистов, во второй половине 1921 года началось новое наступление белобандитов со стороны Монголии.

Если в Европейской части РСФСР кулацкий бандитизм был в основном ликвидирован в течение 1921 года⁵, то в Горном Алтае выступления бандитских отрядов продолжались до октября 1922 года. Действия этих банд усиливали разруху, тормозили восстановление народного хозяйства.

Коммунистические ячейки и Советы Горного Алтая, наряду с восстановлением разрушенного народного хозяйства, вынуждены были проводить все новые и новые мобилизации трудящихся на борьбу с остатками контрреволюционных банд, выступление которых явилось прямым выражением сопротивления эксплуататорских классов диктатуре пролетариата.

Несмотря на имеющиеся трудности, вместе со всей Советской страной на основе проведения новой экономической политики решали зада-

² Подробная характеристика общественного строя алтайцев в дореволюционный период дана Л. П. Потаповым в кн. Очерки по истории алтайцев М., 1953 г., стр. 304, 306, 312. Он же. О сущности патриархально-феодалных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. Вопросы истории, № 6, 1954 г., стр. 82—83, стр. 85—87.

³ Партийный архив Горно-Алтайской автономной области (ПАГААО), ф. 1, оп. 1, д. 179, л. 8.

⁴ Государственный архив Горно-Алтайской автономной области (ГАГААО), ф. 5, оп. 1, д. 203, л. 6.

⁵ Ю. А. Поляков. Переход к изпу и советское крестьянство. М., 1967, стр. 458.

чи восстановления, дальнейшего хозяйственного строительства и грядущие Горного Алтая.

Переход к новой экономической политике в 1921 году — один из ярких примеров дальновидности Коммунистической партии, основывающей свою деятельность на познании объективных экономических законов развития общества, на анализе конкретно-исторических условий.

Сущность новой экономической политики, как известно, была сформулирована В. И. Лениным во многих произведениях, и, в частности, в резолюции X съезда РКП(б) «О замене разверстки натуральным налогом», в которой сказано, что замена разверстки продналогом предпринимается для обеспечения правильного и спокойного ведения хозяйства на основе более свободного распоряжения земледельцем своими хозяйственными ресурсами, для укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности.⁶

В тот период на территории Сибири высшим государственным органом власти был Сибирский революционный комитет (Сибревком), созданный постановлением ВЦИК от 27 августа 1919 года как чрезвычайный орган диктатуры пролетариата. Высшим партийным органом являлось Сибирское бюро ЦК РКП(б), образованное в декабре 1919 года.⁷

1 апреля 1921 года в газете «Советская Сибирь» было опубликовано постановление Сибревкома «О свободном обмене хлеба», принятое 21 марта того же года. Согласно этому постановлению, Революционный комитет представлял некоторой части уездов и районов Сибири, выполнивших продовольственную разверстку полностью или не менее, чем на 75 процентов, право свободного обмена, продажи и покупки хлеба, фуража.

Такое право было дано по Алтайской губернии Рубцовскому и Бийскому уездам.

Вопрос о переходе к новой экономической политике в Горном Алтае обсуждался на второй уездной партийной конференции в июле 1921 года.⁸ Одобрив переход к новой экономической политике, конференция предложила коммунистам немедленно включиться в активную работу по сбору продналога и восстановлению народного хозяйства, «... точно руководствуясь циркулярами ЦК партии и других партийных органов». Она обратилась с призывом к рабочим и крестьянам сплотиться вокруг РКП(б) для борьбы на фронте труда с разрухой и голодом.⁹

Выполнение разверстки на продукты животноводства в Горном Алтае проходило успешно. «Как общее правило, — сообщала газета «Красный Алтай» 1 апреля 1921 года, — для всего Горно-Алтайского уезда характерно хорошее выполнение разверстки на продукты животноводства». Хуже обстояло дело с хлебозаготовками. Дело в том, что в 1921 году из 24 волостей, входивших в уезд, земледельческими являлись только 6 — Алтайская, Айская, Сарасинская, Куяганская, Катадинская и Уймонская волости. Значительная часть населения удовлетворяла свои потребности в продовольствии за счет обмена продуктов животноводства на зерно в степных районах уезда и губернии.

К тому же в 1920 г. в Горном Алтае урожай был неудовлетворительным, он исчислялся не более 20 пудов с десятины.¹⁰ Большинство крестьян

⁶ КПСС в резолюциях и решениях, часть 1, М., 1953, стр. 563.

⁷ Сибирский Революционный комитет (Сибревком). Сборник документов и материалов, Новосибирск, 1959 г., стр. 29.

⁸ В 1920 году по Постановлению ВЦИК от 3 октября 1920 г. на территории Горного Алтая был образован Горно-Алтайский уезд.

⁹ ПАГАО, ф. 1, оп. 2, д. 179, л. 8.

¹⁰ Газета «Красный Алтай» орган Алтайского Губисполкома и Алтайского Губкома РКП(б), 1 апреля, 1921 г.

¹⁰ ПАГАО, ф. 1, оп. 2, д. 179, л. 8.

ян было не в состоянии платить налоги собственными запасами хлеба и вынуждено было, — а таких оказалось не менее 25 процентов, — приобрести хлеб на стороне, продавать скот, сельскохозяйственный инвентарь. Около 40 процентов населения отдавали все зерно и оставались совершенно без семян и только 35 процентов населения имело семенной запас после расчета по продналогу.¹¹

Баи, кулаки и крепкие середняки, располагавшие хлебом, скотом, прятали продовольствие, угоняли скот, оказывали всяческое сопротивление Советской власти.

Отрицательно влияли разбросанность и отдаленность населенных пунктов Горного Алтая от линии железной дороги и пристаней. Все это привело к тому, что трудящиеся уезда не справились с разверсткой хлеба к 11 марта 1921 года, как это было предложено постановлением Совета Народных Комиссаров.

В соответствии с постановлением Сибревкома от 1 апреля 1921 года, основная тяжесть по сдаче хлеба по продразверстке ложилась на кулацкие хозяйства, что вызвало у кулаков глухое недовольство, а в августе 1921 года открытое контрреволюционное выступление против Советской власти.

В целях успешного проведения продналоговой кампании Укомом РКП(б) в 1921 году были посланы в уезд наиболее ответственные работники, проведена мобилизация 50 процентов рядовых членов партии, 81 человек из советских учреждений был направлен для работы в продналоговых органах.¹² На волостных съездах, беспартийных крестьянских конференциях, собраниях женщины коммунисты неустанно разъясняли массам сущность новой экономической политики. Первый Горно-Алтайский уездный съезд Советов (сентябрь 1921 года) в воззвании к трудящимся уезда признал продовольственную работу ударной.¹³ Он призвал все трудовое крестьянство Горного Алтая — как русское, так и алтайское — одновременно и полно выполнить натуральные налоги. Местные партийные ячейки на собраниях активно обсуждали задачи осуществления новой экономической политики, делались первые опыты. Коммунисты Паспаульской волости, например, заслушав доклад о Нэпе, приветствовали все решения, принятые на X партийном съезде.¹⁴

Еще в январе 1921 г., в соответствии с постановлением пленума Алтайского губернского комитета партии, в Горном Алтае были организованы при волостных и сельских ревкомах посевные комитеты, которые призваны были справедливо и целесообразно распределять семенной материал. В состав посевных комитетов входили представители местных Советов, партийных ячеек и других общественных организаций. Распределение семян проходило по классовому принципу: прежде всего снабжались семенами для посева семьи мобилизованных коммунистов, красноармейцев и партизан, ушедших добровольно на борьбу с бандами, а затем семьи маломощных крестьян.

Кроме того, посевные комитеты занимались организацией ремонта сельскохозяйственного инвентаря, проводили государственные запашки и посевы для нужд красноармейских семей. Каталинский волостной революционный комитет через местный посевком в 1921 году засеял семьям красноармейцев 142 десятины пашни и 52 десятины для государственных нужд.¹⁵

Созданию семенного фонда способствовала организация по инициативе партийных ячеек Алтайской губернии общественных амбаров. Их

¹¹ ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 270, л. 12.

¹² Там же, д. 39, л. 19.

¹³ Партийный архив Алтайского края (ПААК), ф. 1061, оп. 1, д. 55, л. 5.

¹⁴ Партийный архив Новосибирской области (ПАНО), ф. 1, оп. 1, д. 258, л. 11.

¹⁵ ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 304, л. 15.

создание позволяло правильно распределять семена, помогало развивать и крестьянских массах взаимопомощь. Весь семенной фонд деревни собирался в общественные амбары и во время весеннего сева распределялся между крестьянскими хозяйствами. Вносили в эти амбары свой вклад под нажимом бедноты и середняков и кулаки. Так создавался семенной фонд для бедняков, не имеющих своих запасов. Общественные амбары были организованы и в Горном Алтае. Волостные революционные комитеты строго следили за выполнением декрета Совнаркома от 2 января 1921 года, в котором указывалось на необходимость строгой охраны семенного фонда и его распределения только перед началом посева.¹⁴ Кулаки сеяли смуту среди крестьян, заявляя, что хлеб собирают для того, чтобы его увезти в город или в другие волости. В марте 1921 года, разоблачая происки кулачества, Горно-Алтайский уездный комитет и возмущая заверил крестьян, что все собранное крестьянское зерно пойдет только для посева на крестьянских полях.¹⁵

Большую роль в подъеме сельского хозяйства призваны были сыграть земельные отделы волостных ревкомов, в обязанность которых входило решение вопросов землеустройства, ремонта и снабжения сельхозмашинами, проведение посевных кампаний, пропаганда сельскохозяйственных знаний.

Первые земотделы Горного Алтая были образованы еще в 1920 году при Чемальском и Чойском волостных революционных комитетах.¹⁶ Несмотря на сложную обстановку в Горном Алтае, весной 1921 года на ремонте сельскохозяйственного инвентаря работало 86 кузниц с 300 кузнецами.¹⁶ К весне 1921 г. в уезде имелось 7000 плугов, 18543 бороны.²⁰

15 марта 1921 года уездным комитетом партии была проведена первая Горно-Алтайская сельскохозяйственная конференция, главной целью которой являлась пропаганда агрознаний. В феврале и марте месяце того же года организуются уездные и волостные курсы по ликвидации сельскохозяйственной неграмотности. Для наглядного убеждения крестьян в необходимости рационального ведения хозяйства в 1921 году около села Улалы на семи десятинах земли было создано первое опытно-показательное поле с посевом пшеницы, проса, овса с клевером.²¹

Практически осуществляя ленинскую национальную политику, Алтайский Губернский исполнительный комитет дважды ходатайствовал перед советским правительством о выделении семян для населения Горного Алтая, в результате чего было отпущено 22000 пудов зерна.²² Уездный посевной комитет, исходя из оказанной помощи советским правительством и учитывая наличие у населения сельскохозяйственного инвентаря, семян, лошадей, нашел возможным увеличить в 1921 году задание посева с 46 тыс. до 56 тыс. десятин.²³

Все это дает основание утверждать, что в Горном Алтае в борьбе за хлеб удалось найти правильные формы и методы осуществления первых шагов новой экономической политики, и, несмотря на имевшиеся трудности, достигнуть определенных успехов.

Образование в 1922 году Горно-Алтайской автономной области создало реальные условия для более быстрого восстановления разрушенного хозяйства.

¹⁴ ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 91, л. 29.

¹⁵ Там же, оп. 42, д. 117, л. 9.

¹⁶ ГАГААО, ф. 42, оп. 1, д. 35, л. 6, 7.

¹⁷ В. К. Савенко. Из истории борьбы за хлеб в Алтайской губернии в первые годы восстановления Советской власти в 1920—1922 г., Барнаул, 1957, стр. 17.

¹⁸ ГАГААО, ф. 42, оп. 1, д. 35, л. 6, 7.

¹⁹ ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 179, л. 11.

²⁰ Там же, д. 82, л. 5.

²¹ ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 209, л. 7.

В условиях новой экономической политики государство всемерно содействовало развитию государственной и кооперативной торговли. Последняя была призвана экономически связать крупную социалистическую промышленность с мелкотоварным крестьянским хозяйством. В связи с усилением торговли в стране, наряду с единым натуральным налогом, были введены денежные налоги: подворно-денежный, единовременный на восстановление сельского хозяйства и ряд местных налогов.

Областной революционный комитет,⁷⁴ рассмотрев вопрос налоговой политики, принял постановление от 20 сентября 1922 года, по которому освобождались от уплаты налогов семьи, не имеющие трудоспособных лиц мужского пола и семьи, члены которых находились на службе в Красной Армии и флоте,⁷⁵ а также хозяйства коммунистов, мобилизованных в отряды частей особого назначения.⁷⁶

Для сведения на ист посреднической роли кулаков, наследие могло сдавать сельхозпродукты специально организованным приемным пунктам.⁷⁷

При обложении натуральным, а с 1924 года и единым сельскохозяйственным налогом местные органы Советской власти строго придерживались классового и национального принципов.

Так, например, были понижены нормы определения доходности хозяйства на 25 процентов для национальных скотоводческих районов. На основании постановления Сибирского революционного комитета от 11 июня 1924 года были освобождены от уплаты сельхозналога маломощные скотоводческие хозяйства, имевшие не более 5 голов скота (в пересчете на крупный).⁷⁸

В отчете обкома партии V областной партийной конференции приведены материалы, свидетельствующие о должном внимании со стороны партийных органов к вопросу освобождения от уплаты налогов бедняцких и маломощных хозяйств. В 1925—26 годах было освобождено от налогового обложения 5516 бедняцких хозяйств, в 1926—1927 гг. — 8226; в 1927—1928 гг. — 7872. Таким образом, в 1927—1928 гг. в Горном Алтае получили налоговые льготы около 40 процентов крестьянских хозяйств.⁷⁹

Сопротивляясь налоговой политике Советской власти, кулацко-байская верхушка широко практиковала отгон скота в соседние аймаки и отдачу его на хранение бедноте.

Комсомольцы Усть-Канского аймака обнаружили укрытый от налога скот онгудайского бая Аргымая. На территории Онгудайского аймака комсомольцы нашли стада скота усть-канских баев.⁸⁰ Не останавливались кулацко-байские элементы перед угоном тысяч голов скота за границу — в Монголию.

Новая экономическая политика основным своим политическим содержанием была направлена на укрепление союза рабочего класса и крестьянства, на строительство социализма. И уже первые шаги ее осуществления благотворно влияли на подъем сельского хозяйства. Она позволила в течение 1922 г. покончить с бандитизмом. С 1923 года в

⁷⁴ Согласно решению первого областного съезда Советов (1 мая 1923 г.) вся полнота власти на рук революционного комитета была передана областному исполнительному комитету, а на местах — Советам рабочих, крестьянских, красноармейских и инородческих депутатов.

⁷⁵ ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 610, л. 239.

⁷⁶ ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 295, л. 23.

⁷⁷ Там же, д. 264, л. 52.

⁷⁸ ПАНЮ, ф. 1, оп. 1, д. 315, л. 42.

⁷⁹ ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 733, л. 5.

⁸⁰ ГАГААО, ф. 33, оп. 1, д. 6, л. 47.

Горном Алтае происходит постепенное восстановление экономических ресурсов, как в области животноводства, так и в земледелии.

Но восстановление хозяйства шло сначала неравномерно. В скотоводческих районах, более всего пострадавших в годы гражданской войны и борьбы с бандитизмом, восстановление проходило медленнее, нежели в северных районах, в которых преобладал земледельческий тип хозяйствования.

Динамику восстановления посевных площадей можно проследить на следующих сравнительных данных: если взять посев 1916 года за 100%, то посевные площади 1920 года составляли 88 процентов, 1922 года — 65 процентов, 1923 года — 80 процентов, 1924 года — 95 процентов, 1925 года — 86,2 процента³¹ и 1926 года — 104 процента.³²

На сокращение посевных площадей в 1922 году повлияла борьба с бандитизмом, а в 1925 году — неурожай в связи с поздней, холодной весной и ранними заморозками.³³ Рост посевных площадей с 1923 года завершился достижением довоенного урожая в 1926 году.

Вместе с увеличением посевных площадей менялось соотношение в них культур. Включительно до 1923 года главные зерновые культуры — пшеница, ячмень, овес, рожь из-за недостатка семян уступали место крупяным — просу и гречихе. Увеличение общей посевной площади в 1923 году произошло, главным образом, за счет малоценных культур. Например, посев проса возрос от 0,39% общего посева 1920 года до 20,3% посева 1923 года.³⁴

С 1924 года, наравне с общим увеличением посевных площадей, происходило расширение посева зерновых культур. Вот некоторые данные для подтверждения этого положения:

Таблица № 1

	1916	1920	1927
Рожь озимая	0,4%	0,1%	0,6%
Пшеница яровая	5,7	8,9	11,3
Все технические культуры	—	—	1,6

Начиная с 1926 года увеличиваются посевы кормовых трав и технических культур. Так, в 1926 году кормовые травы составляли 0,4%, и 1927 году — 1,6% всего посева.³⁵ Увеличение посевов кормовых культур объясняется потребностью развивающегося животноводства.

В годы восстановления народного хозяйства в полеводстве Горного Алтая появились озимые культуры, отличающиеся большим постоянством своих средних урожаев; производство этих культур требовало меньшей затраты труда.

Основной отраслью хозяйства области являлось животноводство. О развитии животноводства на протяжении рассматриваемого периода можно судить на основании годовых отчетов сельскохозяйственного отдела облисполкома.

³¹ Там же, д. 79, л. 29.

³² Там же, ф. 61, оп. 1, д. 522, л. 4.

³³ Центральный партийный архив института марксизма-ленинизма (ЦПАИМЛ), ф. 17, оп. 15, д. 1118, л. 197; ф. 17, оп. 16, д. 1034, л. 176.

³⁴ Там же, д. 118, л. 82.

³⁵ ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 735, л. 33.

(Количество скота в тысячах голов)

Виды скота	1916		1922		1925		1926		1927	
	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%
Лошадь	148,6	100	74,9	50,4	82,9	55,1	83,9	56,4	91,5	61,5
Крупный рогатый скот	128,9	100	75,5	58,6	130,4	101	149,4	116	161,2	125
Овцы	219,8	100	88,3	40,2	184,4	84	22,18	100	287,5	130,8
Свиньи	6,8	100	3,9	57,3	10,5	154,4	14,4	212,0	15	220,0
Маралы	1,8	100	1,6	88,9	1,7	88,9	1,7	94,4	2,3	127,8
Общее поголовье	577,3	100	254,1	44	468,8	81	517,5	89	624,4	108

Из приведенных данных следует, что восстановление дореволюционного уровня развития животноводства произошло к 1927 году, за исключением коневодства. Отставание данной отрасли животноводства объясняется тем, что до революции оно было сосредоточено, главным образом, в кулацко-байских хозяйствах, имевших табуны по несколько сот и тысяч голов. В крестьянских хозяйствах, в связи с нехваткой текстильных и шерстяных изделий, продуктов питания, многих предметов первой необходимости, экономически важнее было заниматься разведением овцеводства и молочного животноводства.

Таким образом, земледелие быстрее восстанавливало свои ресурсы, нежели животноводство, зависимое от кормовой базы и полеводства. По мере расширения посевных площадей восстанавливалась и основная отрасль сельского хозяйства в Горном Алтае — животноводство.

Одновременно с восстановлением народного хозяйства был превзойден дореволюционный уровень по многим показателям. Сопоставление приведенных цифр с уровнем сельского хозяйства в годы разрухи показывает, что посевы по сравнению с 1922 годом увеличились на 7459 десятин, поголовье скота — на 370300 голов. Таким образом, всего за 3—4 года основная отрасль хозяйства совершила такой скачок, темпы которого были в несколько раз большими, чем до Великой Октябрьской революции.

Успехи в восстановлении народного хозяйства явились результатом последовательного осуществления новой экономической политики в условиях Горного Алтая.

В ходе восстановления сельского хозяйства, подъема производительных сил области происходили изменения в соотношении классовых сил в деревне.

XII съезд партии отмечал необходимость выполнения в деревне двухсторонней задачи: «продолжать добиваться дальнейшего максимального возможного увеличения продукции сельского хозяйства и в то же время развивать все в большем размере поддержку маломощных элементов деревни в условиях поднятия их хозяйства и ограничения эксплуататорских тенденций кулака».³⁶

Впервые в истории мелкое крестьянское хозяйство испытывало огромное экономическое и политическое воздействие социалистического пролетарского государства, которое во всех своих действиях в деревне руководствовалось классовыми соображениями, оказывало поддержку бедняцко-средняцким слоям в противовес кулачеству.

Новая экономическая политика сняла преграды, поставленные системой военного коммунизма, и крестьянское хозяйство получило широкие возможности и стимулы для развития товарного производства.

³⁶ «КПСС в резолюциях», ч. II, М., 1954 г., стр. 45.

В силу этих причин сохранившееся имущественное неравенство в деревне должно было усилиться.

XIII съезд партии в мае 1924 года подчеркнул, что факторами расслоения стала «не столько земля, сколько торговля, скот, инвентарь, превращающиеся в орудие накопления и средство эксплуатации мало-мощных элементов».³⁷

В русских крестьянских хозяйствах Горного Алтая распространенной формой эксплуатации в годы восстановления народного хозяйства являлась сдача в аренду сельскохозяйственного инвентаря, который находился, как правило, в руках эксплуататорской верхушки. Вот данные отдельных обследований 1925—1926 гг.: по селу Верхний Уймон из 13 сельскохозяйственных машин 8 находились в руках кулаков, 4 — середняков, и только одна машина в руках маломощного хозяйства. В пяти сельских Советах Шебалинского и Чемальского аймаков с преобладающим русским населением в руках кулаков было сосредоточено 30,2% всего сельскохозяйственного инвентаря, при их удельном весе в хозяйстве 3,3%. При этом в кулацких хозяйствах сельскохозяйственный инвентарь занимал 62,6% всех средств производства, в середняцкой группе — 17,3%, бедняцкой — 7,4%. Материалы весеннего опроса 1927 года 3625 хозяйств (20 процентов всех хозяйств) свидетельствовали о том, что 67,7 процентов их не имели пахотного инвентаря.

Лишь 1/4 часть сложных машин находилась в совместном пользовании, а остальные в руках главным образом кулаков и середняков.³⁸

Таким образом, наличие было неравномерное распределение сельскохозяйственного инвентаря по социальным группам деревни, причем особенно высок был процент безинвентарных бедняцких хозяйств. В связи с этим широкое распространение получили аренда сельскохозяйственного инвентаря и эксплуатация на данной базе бедноты и середняка.

Кроме аренды сельскохозяйственного инвентаря, существовали и другие формы эксплуатации — наем батраков, аренда земли.

Пользуясь хозяйственными затруднениями бедняка-алтайца, соседние русские кулаки практиковали аренду сенокоса и пашни за ничтожную плату, как то за плитку зеленого чая, за поношенную одежду и неизменно присваивали себе часть урожая бедняка. Имело место кредитование натурой (хлебом, мясом) под отработки. Условия отработок были кабальные, например, за 4 пуда хлеба поставить и вывезти 15 сажень дров.³⁹

В алтайских крестьянских хозяйствах процесс классового расслоения проходил в более сложной и противоречивой обстановке. Здесь по существу одновременно протекали два взаимно персплетавшиеся и сталкивающиеся процесса. С одной стороны, происходила напряженная борьба с остатками былой феодальной зависимости и родоплеменными пережитками, а с другой — шел интенсивный процесс классового расслоения в крестьянстве.

В условиях Советской власти патриархально-феодалные отношения выразились в общественном землепользовании, во внешне равном отношении к земле, в привязанности к сеоку (роду), в делении на своих соседичей и чужеродцев, в наличии круговой поруки, обычая послушания старшего (например, бая). Проявлялись эти пережитки и в быту — в закрепощенном положении женщины в семье, запрещении браков из одного рода-сеока и тому подобное.

Советская власть уничтожила все категории угнетенных алтайцев,⁴⁰

³⁷ Там же, ч. II, М., 1954, стр. 44.

³⁸ ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 736, л. 90.

³⁹ К VI облпартконференции (Отчетный материал Ойротского обкома ВКП(б), Ула-ла, 1928 г., стр. 19.

⁴⁰ Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, М. Л., 1953 г., стр. 277—291.

сделала их равными перед законом. Однако все еще низкий уровень развития производительных сил кочевого хозяйства, неразвитость общественного разделения труда, тяжелые экономические последствия колониального господства, культурная отсталость делали патриархально-феодалные отношения живучими.

К сожалению, автор не располагает статистическими материалами, позволяющими судить о классовом расслоении в первые годы НЭПа в Горном Алтае.

О характере и степени экономического расслоения крестьянства в пределах области с 1924 по 1928 год можно судить по следующим данным: если отнести к маломощной группе по скоту все хозяйства, имеющие до 6 голов скота, к средней — от 6 до 35 голов, и к зажиточной части населения — свыше 35 голов,⁴¹ то получается, что маломощная группа в русских хозяйствах уменьшилась за 5 лет с 4943 хозяйства до 3556, а удельный вес ее в общем числе хозяйств снизился с 50,7% до 31,5%.⁴²

Средняя группа хозяйств выросла с 4653 до 7252 хозяйства, или с 47,6% до 64,5%. Быстрее росли хозяйства, в которых имелось по 6—10 и 11—15 голов скота.

А как проходил процесс классового расслоения в рассматриваемые годы в алтайских хозяйствах? Количество маломощных хозяйств сократилось с 1250 до 725, или в удельном весе хозяйства — с 40,9% до 18%.

Средняя группа алтайских хозяйств выросла с 1641 до 2872 хозяйства и составила 72,3% всего удельного веса хозяйства. Интенсивнее шел рост хозяйств, в которых имелось 16—20 голов скота.

Уменьшение числа безлошадных, бескоровных и маломощных хозяйств, рост хозяйств средней группы — все это позволяет сделать вывод о дальнейшем классовом расслоении в крестьянстве и росте средней части населения. Однако известная часть бедности не могла сравниться с хозяйством, несмотря на помощь государства. Эта часть пролетаризировалась, пополняя ряды батраков.

В 1928 году областным комитетом партии было проведено исследование 530 бедняцких хозяйств, взятых в разных районах области по принципу механического отбора. Изучение показало, что 57% этих хозяйств крепили из года в год. Многие из них переросли маломощный уровень и перешли в середняцкую группу, 13,2% росли с колебаниями, хотя большинство из них были более способны к росту, чем к ослаблению, 19,1% топтались на месте.⁴³ Большинство хозяйств из этой группы не снизили своего уровня, около 1/3 хозяйство имели тенденции к упадку. Среди всей изученной группы 10,1% хозяйств ежегодно снижали темпы развития. Таким образом, общие направления социальных сдвигов в местном крестьянстве можно определить следующим образом: налицо было сокращение бедняцкого слоя при одновременном росте из его рядов неимущих, размывалась, распадавалась не середняцкая группа, а группа бедняцкая, выделяя часть хозяйств в середняцкую, о чем свидетельствует рост группы русских крестьянских хозяйств в которых насчитывалось 6—10 голов скота и алтайских — 16—20 голов скота, и часть в батрацкую группу. То что значительная часть крестьянской бедноты поднималась в середняцкую группу обуславливалось, прежде всего, помощью государства и было явлением новым, свойственным советской

⁴¹ Деление на группы по количеству скота было определено VI областной партийной конференцией в 1928 г. Одинаковый принцип подхода возможно объяснить тем, что за основу были взяты преобладающие в то время русские хозяйства с скотоводческо-земледельческим направлением и алтайские кочевые и полукочевые хозяйства.

⁴² Все дальнейшие вычисления по экономическому расслоению в крестьянстве составлены на основании отчетного материала к VI областной партийной конференции Улала, 1928 г.

⁴³ Вопросы хозяйственного развития Улала, 1928 г., стр. 14.

деревне. Наконец, в рассматриваемый период выросла зажиточная группа населения в русских крестьянских хозяйствах с 170 хозяйств до 432, или с 1,74% до 3,8%. Из общего количества всех хозяйств быстрее росли хозяйства, имевшие 36—50 голов скота, примыкавшие по принципу деления к середняцкой группе. Эта группа хозяйств увеличилась на 65 единиц.

Большой рост зажиточной группы наблюдался в алтайских крестьянских хозяйствах: с 130 до 330 хозяйств, или с 4,3% до 8,4%. Значительно выросли хозяйства, имевшие по 36—50 голов скота, их число увеличилось с 66 до 118 хозяйств, что составляло 3,3% удельного веса всех хозяйств.⁴⁴

Экономическое расслоение в алтайских крестьянских хозяйствах становится более резким: маломощная группа имела в среднем 3 головы скота, средняя—12 голов, а зажиточные хозяйства в среднем по 60 голов.

В Кош-Агачском аймаке в 1927 году 33 байских хозяйств владели 20% всего стада скота. Средняя стоимость скота в одном хозяйстве равнялась 13000 рублей. Это были богачи, имевшие значительное влияние на окружающую бедноту и середняка.⁴⁵

В первые годы восстановления народного хозяйства еще не был изменен взгляд бедноты на бая, как на спасителя, от которого можно было ожидать помощи в виде лошади и разъезд, коров для дойки, шкуры для подстилки у костра. В Чуйской степи Кош-Агачского аймака, где население было разбросано по громадным горно-степным просторам, особенно чувствовалось влияние кулаков и баев на бедноту. Государственная помощь была еще далеко недостаточной, ибо молодое и хозяйственно еще не окрепшее советское государство не смогло оказать алтайскому трудовому народу сразу же такую существенную поддержку, которая могла бы вырвать бедноту из эксплуататорских рук бая. Используя экономическую зависимость бедноты, бай усиливал и политическое влияние на нее, а следовательно и на все население урочища, находящегося вдали от административных центров.

«Часто в составе юрты одного бая (богача) встречались хозяйства 2—3 бедняков, во всем зависящих от бая. Такой бай имеет громадные стада овец (до 1000 и свыше голов), значительный табун лошадей (до 200 и выше голов), 15—20 голов крупного рогатого скота и 5—10 верблюдов. Окружающие бедняки имеют в большинстве случаев 20—30 овец, редко имеют 1—2 рабочих лошадей и 1—2 коровы. Бай договаривается с такими бедняками, что он предоставляет право пользоваться разъездной лошадей и продуктами (молоком, шерстью) от 30—40 овец, а за это бедняк (батрак) с семьей обязан пасти скот бая, стричь его овец, доить коров и овец, а равно выполнять все другие хозяйственные и домашние работы»⁴⁶

Вот почему очень важно было вырвать из цепких рук бая бедняка-алтайца, ликвидировать его экономическую зависимость от феодальных элементов, раскрыть смысл, эксплуататорскую сущность пережитков родовых традиций.

Приведенные ранее данные позволяют судить о том, как проходил процесс классового расслоения в крестьянстве, как в русских так и в алтайских крестьянских хозяйствах. Общим для них было то, что на фоне подъема народного хозяйства укрепилась середняцкая группа (ее зажиточная часть), сокращалась группа бедняцких, маломощных хозяйств, а

⁴⁴ Вопросы хозяйственного развития. Улала, 1928 г., стр. 14.

⁴⁵ Там же, стр. 17.

⁴⁶ В. С. Ямпольский и П. Е. Абоимов. Животноводство в Ойротском крае, Новосибирск, 1929 г., стр.30.

также росли крупные кулацкие хозяйства со значительным количеством скота. Главное отличие классового расслоения в алтайском урочище от подобного процесса в русских населенных пунктах заключалось в живучести патриархально-феодальных докапиталистических отношений. Конечно, за годы Советской власти изменилось социально-экономическое лицо алтайского хозяйства: более резким стало классовое деление, изменилось соотношение различных социальных групп, сузились возможности эксплуатации бедноты со стороны баев, да и сам бай вынужден был приспособиться к условиям новой экономической и политической обстановки, коренным образом отличающейся от дореволюционной. Улучшилось материальное положение бедноты, поднималось классовое самосознание трудящихся.

Сохранившееся неравенство в деревне и урочище порождало острую классовую борьбу в среде самого крестьянства. Классовая борьба в алтайском урочище разрывалась со значительным запозданием в силу сохранившихся патриархально-феодальных пережитков, разбросанности населения по отдельным кочевьям, почти полной безграмотности населения.

Для успешного ведения классовой борьбы против кулака и бая, необходимо было повысить степень сплоченности бедноты. Последнему могли содействовать такие мероприятия, как активное участие в проведении аграрных преобразований, организация машинных товариществ и прокатных пунктов, расширение помощи со стороны комитетов общественной взаимопомощи, увеличение государственного кредитования, вовлечение бедноты в разного рода производственные товарищества, артели.

В Горном Алтае деятельность крестьянских комитетов общественной взаимопомощи началась с 1921 года.⁴⁷ К 1925 году во всей области было создано 10 аймачных и 103 сельских комитетов. Членами комитетов на 1 января 1925 года состояли 706 человек, из них по национальному составу: русских 259, алтайцев — 447; по социальному положению: бедняков 535, середняков — 171.⁴⁸ Крестьянские комитеты объединяли, главным образом, бедняков и середняков. Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи арендовали и приобретали различные предприятия — мельницы, крупурушки, кожзаводы, пасеки. В их распоряжении имелись сельскохозяйственные машины. Бедняки и середняки могли по льготной цене молотить зерно, получать машины на прокатном пункте, ремонтировать инвентарь в кузнице комитета и пользоваться другими услугами. Комитеты крестьянской общественной взаимопомощи имели материальные и финансовые фонды, значительная часть которых передавалась в безвозмездное пользование крестьянам. Уже в 1924 году в Горном Алтае насчитывалось 888 хозяйств, получивших материальную помощь от комитетов общественной взаимопомощи. Беднейшим крестьянам, инвалидам, семьям красноармейцев, вдовам было выделено крестьянскими комитетами общественной взаимопомощи в 1924 году 3490 рублей, было открыто 2 приюта на 24 человека для нетрудоспособных стариков. На содержании этих комитетов находились два интерната областного отдела народного образования на 50 человек. Кроме того, было отправлено для бедноты в Уймонский и Кош-Агачский аймаки 1200 пудов хлеба.⁴⁹ Оказывая хозяйственную помощь беднякам и середнякам, защищая их интересы, комитеты содействовали маломощным крестьянам в их борьбе с кулачеством.

Большую помощь Советское правительство оказывало бедноте пу-

⁴⁷ ГАГААО, ф. 49, оп. 22, д. 4, л. 116

⁴⁸ Там же, оп. 2, д. 19, л. 64

⁴⁹ Там же.

тем кредитования. За три года с 1925 по 1928 год в Горном Алтае было выделено в среднем по 40 рублей на одно русское и 47 рублей на одно алтайское бедняцкое хозяйство, 58 процентов этого фонда кредитования падало на районы с преобладающим алтайским населением.¹⁰

Оказывая всемерную помощь середняцкому хозяйству, Советское правительство за три года (с 1925 по 1928 гг.) выделило субсидий на приобретение сельхозмашин, рабочего и продуктивного скота 216 тыс. руб., на земледелие и мелиорацию 117 тыс. руб., на маслоделание и сыроделание 230 тыс. руб., общая сумма субсидий составила 685 тыс. руб.¹¹

Животноводческое направление хозяйства способствовало развертыванию в Горном Алтае строительства маслозаводов. За 1926—1927 годы их сеть возросла с 21 до 40, в том числе в алтайских населенных пунктах с 2 до 9. Удовлетворяя запросы крестьянства, Советское государство увеличивало из года в год ввоз сельхозмашин и орудий и область: в 1926 году было ввезено 376 различных машин и орудий, в 1927 году — 1186, т. е. в 3 с лишним раза больше.

Характерно усиление спроса на сельскохозяйственные орудия и машины со стороны алтайских хозяйств. По Усть-Канскому аймаку спрос алтайского населения на сельхозмашины в 1927 г. по сравнению с 1926 г. увеличился в 4 раза.¹²

Благоприятно сказывалась на подъеме земледелия агрономическая помощь населению. В 1925 году в области было всего 5 агроучастков, в которых было занято 5 специалистов сельского хозяйства, в 1927 году их уже было 10 с 15 агроработниками, из них 4 специалиста-алтайца. К концу восстановительного периода расширялась агрозоотехническая пропаганда. Объявлялись конкурсы молочности — за 1926—1927 годы было объявлено 8 конкурсов выращивания молодняка, развернулось строительство теплых скотных дворов (в 1927 году было построено около 100 скотных дворов), 28 хозяйств получило за постройку лучших скотных дворов премии; проводились сельскохозяйственные выставки.¹³

Большую роль в экономическом укреплении бедняцко-середняцких хозяйств Горного Алтая и повышении общего хозяйственного уровня области сыграло проведение землеустройства.

Земельные отношения в Горном Алтае были чрезвычайно запутаны: земельный фонд перемешан с лесным, большинство наделов не имело точных границ. Общинное землепользование являлось господствующим. В первые годы Советской власти огромнейшие участки земли фактически принадлежали баям.

Сохранившиеся родоплеменные пережитки на территории Горного Алтая не позволяли Советскому государству сразу после победы Великой Октябрьской социалистической революции освободить крестьянина-алтайца от эксплуатации со стороны «собственного» бая. Необходимо было осуществить вначале такие мероприятия, которые бы позволили классовому антагонизму в алтайских хозяйствах прорваться через патриархальные покровы и постепенно разрушить феодальные формы экономической и идейно-политической зависимости трудящихся алтайцев от байских элементов.

В ходе осуществления аграрных преобразований были созданы предпосылки для победы колхозного строя в урочище и в деревне.

Алтайским губернским исполнительным комитетом Горный Алтай в смысле ведения сельского хозяйства был в свое время отнесен к скотовод-

¹⁰ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 735, л. 93.

¹¹ Вопросы хозяйственного строительства, Улала, 1928 г., стр. 8.

¹² ГАГААО, ф. 42, оп. 1, д. 511, л. 8.

¹³ Там же.

ческому типу. Исходя из направления хозяйственного развития, в 1921 году территория Горного Алтая была разбита местными земельными органами на четыре типа хозяйственных районов с соответствующими нормами наделов: земледельческо-скотоводческий, скотоводческо-земледельческий, скотоводческий и земледельческий.⁸⁴

В ходе осуществления аграрных преобразований помимо земельной регистрации проводилась переоценка земельных угодий, устранялось дальнееземелье, производился отвод школьных участков, агроучастков, земельных наделов для комитетов крестьянской взаимопомощи.

С 1927—1928 года проведение аграрных преобразований приняло новое направление, в план работы было включено, главным образом, внутрихозяйственное устройство. При распределении земельных угодий между крестьянами села, урочища земельные органы представляли лучшие по качеству, ближние и наиболее легко осваиваемые земли мало-мощному населению.

Например, в Усть-Канском и Онгудайском аймаках бедняцким группам представлялось право выбора земельных угодий. Бедняки получили лучшие земли — земли I и II сорта и небольшую часть земель III сорта; зажиточные же получали немного земель II сорта и большей частью III сорта. Бедняцким хозяйствам, расселяющимся при землеустройстве, выделялись ссуды на перенос построек.

При проведении распределения земельных участков между крестьянами в урочищах решались вопросы создания благоприятных условий для перехода алтайцев на оседлость, отводились усадьбы, обеспеченные водоснабжением, земли, пригодные для использования под огороды. По Онгудайскому аймаку, например, в связи с проводимым там землеустройством, около 70% всех земельных обществ приняли решение о переходе на оседлость.⁸⁵ Параллельно с наделением земель производилось распланирование усадеб и их распределение между дворами, при этом многоземельные урочища делились на ряд поселков.⁸⁶ Наделение алтайской бедноты землей заметно улучшило положение с кормовыми ресурсами хозяйств. Например, в урочище Ябогане Усть-Канского аймака бедняк-алтаец до землеустройства заготавливал 20—30 копен сена, а после землеустройства — 60—100 копен.⁸⁷ Кроме того, сократилась дальность земельных угодий от населенных пунктов в среднем на 1,5 км. Заметно уменьшилась чересполосица в земельных обществах. Если до землеустройства в 9 земельных обществах на одно хозяйство приходилось до 20 и больше полос, после его проведения максимальное их число сократилось до 3 полос.

Подводя общие итоги землеустройства, VI областная партийная конференция (1928 г.) отметила, что в ходе его осуществления в Горном Алтае были ликвидированы дореволюционные земельные отношения. После проведения землеустройства бай вместо прежних 9—11 гектаров на душу населения имел наравне с бедняком 3—5 гектаров земельных угодий лучшего качества.⁸⁸

Землеустроительные работы в Горном Алтае проводились за счет государства. В 1927—1928 году на землеустроительные работы бедняцких хозяйств по государственному бюджету было израсходовано 7500 рублей.⁸⁹

Таким образом, в ходе осуществления землеустройства в Горном

⁸⁴ ГАГААО, ф. 42, оп. 1, д. 733, л. 90.

⁸⁵ ПАГААО, ф. 1, оп. 1, д. 733, л. 90.

⁸⁶ Там же, д. 79, л. 31.

⁸⁷ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 738, л. 90.

⁸⁸ Там же, д. 79, л. 82.

⁸⁹ Там же, д. 633, л. 100.

Алтае ограничивалась хозяйственная основа кулацко-байской перхушки, создавались предпосылки для усиления хозяйства бедняков и середняков, условия для перехода алтайцев на оседлость и осуществления коллективных форм ведения хозяйства.

В годы восстановления народного хозяйства еще сильны были экономические позиции баев и особенно русских кулаков в сельскохозяйственной мелкой промышленности и в торговле. В руках Советской власти была сосредоточена лишь промышленная переработка молочной продукции. При комитетах крестьянской взаимопомощи действовали такие предприятия как кожзаводы, мельницы, лесопильные заводы, занимавшиеся частичной переработкой животного сырья, зерна и дерева.

В руках частного сектора находилась торговля продуктами звероловства. Если из торговли промышленными изделиями к концу восстановительного периода частник был вытеснен почти полностью (в общем торговом обороте на долю частника приходилось в 1926—1927 году 11,6%, а в 1938 году—3,8%),⁴⁰ то в заготовках пушного сырья доля частника была еще значительной. Скупая пушнину у населения на каменных условиях, частники сдавали заготовленную пушнину через подставных лиц в Госторг.

Широкое поле деятельности для кулака составляло хлебоснабжение области. Внутренние заготовки хлеба были ничтожны (до 50 тонн зерна). Внеобластные государственные заготовки почти отсутствовали, необходимо было обеспечить хлебом в первую очередь промышленные центры, города, Красную Армию и те районы, где не было совершенно другого пути получения хлеба. Поэтому местная кооперация не могла удовлетворить все нуждающееся в хлебе бедняцкое и середняцкое население, занятое, главным образом, животноводством. Большинство крестьян закупало хлеб в степных районах края. В эту шель пролезал кулак, у которого был или собственный заблаговременно заготовленный хлеб, или хлебные излишки, или свой транспорт. Вокруг кулацкого хлебоснабжения происходила сильная эксплуатация и закабаление бедноты. Задача советских органов заключалась в усилении внутренней заготовки хлеба, в улучшении кооперативного снабжения бедноты.

На территории Горного Алтая в рассматриваемый период существовали потребительская, сельскохозяйственная, кредитная кооперация с ссудными и снабженческо-заготовительными посредническими операциями и промысловая, объединявшая охотников, представителей различных ремесел.

С целью вытеснения частника из торговли пушным зверем в Горном Алтае был организован уездный Союз охотников, объединявший уже к концу 1920 года 25 артелей. Через местные органы власти члены этого кооперативного объединения получали необходимое охотничье снаряжение. Продовольственные органы в 1921 году приняли от артелей охотников до 5000 штук шкур разного зверя. В 1922 году Союз охотников объединял до 80 артелей, с общим числом членов 3000 человек. Этот кооператив издавал специальный журнал «Горно-Алтайский охотник», первый номер которого вышел в 1922 году.⁴¹

В распоряжении единого потребительского общества Горного Алтая в 1923 году находилось две лавки, маслозавод, мельница. Только за один месяц 1923 года потребительским обществом было принято от населения молока 717 пудов, пущено в переработку 602 пуда 33 фунта, выработано масла 25 пудов, из них отправлено на продажу 8 пудов, 114 пудов заго-

⁴⁰ Вопросы хозяйственного строительства к VI облпартконференции (отчетный материал Ойротского обкома ВКП(б) Улала, 1928 г., стр. 18.

⁴¹ Государственный архив Алтайского края (ГААК), ф. 10, оп. 1, д. 696, л. 92.

товленного молока потребительское общество распределило между своими членами по сниженным ценам.⁶⁷

К середине 1927 года в сельскохозяйственной кредитной кооперации Горного Алтая состояло более трети (36,1%) всех крестьянских хозяйств, из них 61,1% — бедняцких, 30,4% середняцких и 0,5% зажиточных хозяйств.⁶⁸

Сельскохозяйственная кредитная кооперация успешно развертывала работу среди алтайского населения. Из общего числа кооперативных хозяйств 42,1% было алтайских.⁶⁹ За три года 1925—1928 на равнине сельского хозяйства и промыслов было отпущено 882 тысячи рублей краткосрочных и долгосрочных кредитов. В 1925 году населению было продано сельскохозяйственного инвентаря на 57385 рублей, а в 1927 году на 90272 рубля.⁷⁰ На 1-е января 1925 года в области имелось 8 кредитных товариществ с общим балансом 49588 рублей и числом членов 4581 человек.⁷¹

Большой популярностью среди населения пользовалась потребительская кооперация, объединявшая в 1927 году 90,7% всех хозяйств области.⁷²

Производственные коллективные хозяйства в форме коммун и сельскохозяйственных артелей создавались в основном после изгнания с территории Горного Алтая колчаковцев и каракорумцев. Всего к началу мая 1921 года в Горном Алтае насчитывалось 14 коммун и 15 сельхозартелей.⁷³ Коллективные хозяйства объединяли, главным образом, бедноту. Характерным в этом плане является протокол коммуны «Красный луч» села Дмитриевки от 26 сентября 1920 года. В нем было записано: «Слушали: О снабжении членов коммуны обувью. Постановили: поручить членам Совета коммуны проверить всю обувь и определить ее годности или негодности; обувь, требующую ремонта, починить и в первую очередь удовлетворить просьбы тех членов коммуны, которые идут на работу».⁷⁴

Коммуны и артели начинали свою работу в чрезвычайно трудной обстановке. Нехватало самого необходимого: сельхозинвентаря, рабочего скота. В мае месяце 1921 года в 29 коммунах и сельхозартелях было лошадей 741, нерабочих — 446; коров — 668, телят — 249, овец — 824; из сельхозмашии: косилок годных — 20, негодных — 10, самосбросок — 5, негодных — 2; молотилок годных — 2, негодных — 1.⁷⁵ Земельные участки для создающихся сельхозартелей и коммун отводились с большим опозданием. Такое обстоятельство явилось одной из причин распада коммун «Из тьмы к свету» в селе Россоши и «Светлый путь» в селе Каяиче.⁷⁶

Не могло не сказаться на положении коммун отсутствие соответствующей подготовки сознания трудящихся масс к обобществлению средств производства, а в некоторых коммунах («Свободный труд», в Челушманской долине) проходило обобществление даже домашних вещей, что вызывало законное проявление недовольства, особенно у женщин.

Отсутствие опыта работы у местных партийных и советских работ-

⁶⁷ ГАГААО, ф. 33, оп. 1, д. 80, л. 38.

⁶⁸ «Обротский край», № 50, 2 июля 1927 г. Орган ОК КПСС и облсполкома.

⁶⁹ ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 83, л. 24.

⁷⁰ Центральный Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 135, оп. № 104, д. 993, л. 71.

⁷¹ ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 535, л. 80.

⁷² Там же, д. 736, л. 180.

⁷³ В. А. Демидов «К вопросу о коллективизации сельского хозяйства в Горном Алтае. «Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института», вып. 5, стр. 69.

⁷⁴ ГАГААО, ф. 42, оп. 1, д. 798, л. 69.

⁷⁵ Там же, д. 126, л. 11.

⁷⁶ ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 33, л. 17.

ников, необходимой технической базы, специалистов, умения ведения коллективного хозяйства приводило к тому, что, несмотря на численный рост артелей и коммун, они не были устойчивыми.

Производственное движение в первые годы восстановления народного хозяйства находилось в самой начальной стадии своего развития. Первые коммуны, артели были маленькими островками в океане одинолических крестьянских хозяйств.

Ни по своему экономическому значению, ни по воздействию на окружающее единоличное крестьянство они не играли еще сколько-нибудь значительной роли. Однако все это ни в коей мере не может умалить факты появления и развития первых коллективных хозяйств. Создание социалистического уклада в сельском хозяйстве было чрезвычайно важным завоеванием революции. Несмотря на имеющиеся трудности, первые коммуны являлись собой образцы энтузиазма, мужества и стойкости в борьбе за новую жизнь. Вдохновляющим примером в этой борьбе стала Челушманская коммуна, чей подвиг останется навсегда в памяти трудящихся Горного Алтая и будет всегда живым примером беззаветной преданности идеям коммунизма.

Разгром бандитизма и образование автономной области создали наилучшие условия для развития экономики и культуры Горного Алтая. В 1925—1926 годах в ряде аймаков были организованы производственные кооперативы, главным образом, в форме машинных и молочных товариществ.

Партизаны куладинцы, сражавшиеся против белобандитов, организовали в 1925 году первую алтайскую сельскохозяйственную артель в селе Кузаде Онгудайского аймака. Это коллективное хозяйство объединяло 12 юрт.⁷² В этом же году было основано машинное товарищество «Саптан» с целью совместного приобретения и использования сельскохозяйственных машин и орудий.⁷³ Нередко алтайцы животноводы объединялись в товарищества для приобретения и кредит сельхозинвентаря.

Молочные, машинные товарищества создавались и среди русского населения в Майминском, Шебалинском и других аймаках области. Только в Шебалинском аймаке в 1925—1926 годах число товариществ в течение года увеличилось вдвое.⁷⁴

Идея создания колхозов уже овладевала крестьянами, на собственном опыте они убеждались в выгоде коллективного ведения хозяйства. Об этом свидетельствуют цифры роста членов производственных объединений из числа алтайского населения; в 1920 году в коммунах, сельхозартелях и товариществах насчитывалось 38 алтайцев, в 1926 году—462, что составляло одну пятую всех членов сельскохозяйственных кооперативов.

Главной формой производственных сельскохозяйственных объединений становятся сельскохозяйственные и животноводческие товарищества — в этом отличительная черта кооперирования сельского хозяйства 1925—1926 годов.

Итак, в годы новой экономической политики, рассчитанной В. И. Лениным, Коммунистической партией на создание фундамента социалистического строительства, на территории Горного Алтая были проведены большие социально-экономические преобразования.

В условиях дальнейшего классового расслоения и осереднячивания сельского населения партийные ячейки и местные советские органы власти, используя комитеты крестьянской взаимопомощи, различные виды кооперации, оказывали практическую помощь беднейшей части на-

⁷² ГАГААО. ф. 42, оп. 1, д. 526, л. 3, 4.

⁷³ ПАГАО. ф. 1, оп. 1, д. 300, л. 7.

⁷⁴ Там же, д. 548, л. 7.

селения в их освобождении от эксплуатации зажиточной частью населения.

Осуществление аграрных преобразований и переход к организации производственных сельскохозяйственных артелей являлись необходимым условием для дальнейшего роста хозяйственного уровня области и благосостояния трудящихся.

В период с 1920 по 1927 год был осуществлен ряд мероприятий, позволивших эти условия превратить в действительность. Земельные преобразования, начатые в 1924 году, подрывали экономические устои бабства, укрепляли классовую самостоятельность беднейшей части населения и поднимали их политическую активность.

К 1927 году был восстановлен и по ряду показателей превзойден довоенный уровень сельского хозяйства Горного Алтая. Первые успехи в утверждении новых производственных отношений в алтайских урочищах и русских селах закладывали основу для коренной социалистической реконструкции сельского хозяйства. Перестройство сельского хозяйства и его техническое перевооружение, создавали необходимые условия для практического решения задачи ликвидации фактического неравенства алтайского народа.

ГОРНО-АЛТАЙСКАЯ ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В БОРЬБЕ ЗА ЛИКВИДАЦИЮ НЕГРАМОТНОСТИ ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ

За годы Советской власти в Горном Алтае достигнуты большие успехи в культурном строительстве. Некоторые проблемы культурных преобразований в Горном Алтае в период строительства социализма получили отражение в ряде опубликованных работ Л. П. Потапова¹, А. М. Варченко², В. А. Демидова³, М. Ф. Саруевой⁴ и других исследователей. Но вопрос о ликвидации неграмотности взрослого населения Горного Алтая до сего времени изучен недостаточно, а в статье А. М. Варченко содержатся неточные сведения. Автор утверждает, что в 1932 году неграмотности среди взрослого населения Горного Алтая полностью была ликвидирована, между тем, документально подтверждается, что в 1957 г. грамотность населения области составляла 86%.

В данной статье автор пытается обобщить накопленный Горно-Алтайской партийной организацией опыт борьбы за ликвидацию неграмотности и малограмотности среди взрослого населения в период с 1920 по 1937 гг., показать формы и методы работы с учетом национальных особенностей автономной области.

В ряду первоочередных задач ленинской социалистической культурной революции особое место занимала ликвидация неграмотности и малограмотности взрослого населения.

Неграмотность народных масс мешала им быть сознательными, инициативными, активными строителями нового, социалистического общества. Она являлась тормозом не только строительства социалистического хозяйства, но и политического просвещения.

В. И. Ленин на III Всероссийском съезде политпросветов говорил, что победить народом безграмотным, некультурным — нельзя, и отмечал, что «После всякого переворота народу нужно много времени для того, чтобы этот переворот себе усвоить. И вот тут стоит вопрос — сознал ли народ те уроки, которые были ему даны. К глубокому сожалению, на этот вопрос можно ответить, что нет. Если бы это было так, то тогда мы пришли бы гораздо скорее, гораздо короче к созданию крупной промышленности. После решенной задачи величайшего в мире политического переворота, перед нами стали совсем новые задачи — задачи культурные»⁵.

Советское правительство уже 26 декабря 1919 года, несмотря на

¹ Л. П. Потапов. Краткий очерк культуры и быта алтайцев. Горно-Алтайск, 1948 г.

² А. М. Варченко. К истории народного образования в Горно-Алтайской автономной области. Горно-Алтайск, 1962 г., Горно-Алтайский государственный пединститут, Вып. 1, Горно-Алтайск, 1956.

³ В. А. Демидов. Краеведческий материал по истории Горно-Алтайской автономной области. Горно-Алтайск, 1962 г.

⁴ М. Ф. Саруева. Горный Алтай за годы Советской власти. Сб. 40 лет Советскому Горному Алтаю (1917—1957). Горно-Алтайское книжное издательство, 1957.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 168.

тяжелое экономическое положение страны и продолжавшуюся войну, приняло историческое постановление «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», подписанное В. И. Лениным⁶. Для осуществления этого декрета по инициативе В. И. Ленина в июле 1920 г. была создана Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по ликвидации безграмотности, на которую возлагалось непосредственное руководство осуществлением этой задачи. Такие же комиссии создавались на местах.

Ликвидация неграмотности и малограмотности взрослого населения была одной из первоочередных задач, стоящих перед уездной партийной организацией, так как грамотность, по данным демографической переписи 1920 г., в Горном Алтае составляла среди кочевников-алтайцев 1,3%, казахов — 2,1% и среди оседлой части алтайцев — 8%.

Работа по борьбе с безграмотностью среди взрослого населения в Горном Алтае сначала проводилась уездным революционным комитетом, а затем — созданной в декабре 1920 г. уездной чрезвычайной тройкой во главе с коммунистом Крузе.⁷

Из трех инструкторов по внешкольному образованию два работали в районах и один в уезде. Они инструктировали учителей по вопросам организации учебы неграмотных и малограмотных, а также информировали педагогов и население о мероприятиях Советского правительства.

Под руководством чрезвычайной тройки был проведен учет неграмотных, открыты школы грамоты, привлечены местные учителя для работы в них, заготовлены и распределены писчая бумага, карандаши, учебники.

Деятельность советских органов по ликвидации неграмотности находилась в центре внимания уездной партийной организации. 17 февраля 1921 г. в решении уездного бюро РКП(б) была подчеркнута необходимость содействия учреждениям ликбеза⁸. Организация ликвидации неграмотности в ряде сел уезда возлагалась на местных коммунистов. 9 мая 1921 г., например, Горно-Алтайское уездное бюро РКП(б) назначило ответственным за обучение взрослого населения в с. Алтайском коммуниста Литвинова.

Быстро росло количество пунктов ликбеза: если в марте 1920 г. было открыто в с. Улале 5, а в Горно-Алтайском уезде 18 школ грамоты, то в 1920—21 учебном году работало уже в с. Улале — 7, а в уезде около 100 ликпунктов, в основном среди русского населения. Горно-Алтайская уездная партийная конференция в июле 1921 г. отмечала, что главной причиной жизни пунктов по ликвидации неграмотности являлось преобладание в них молодежи и коммунистов.⁹

Борьба с бандитизмом в Горном Алтае приостановила начатую работу по ликвидации неграмотности. Все силы и средства направлялись на борьбу с бандитизмом. В области осталось всего 10 ликпунктов (5 в с. Улале и 5 в других селах уезда), или 2,3% к ранее существовавшему, в которых обучалось 103 человека.¹⁰

Говоря об упадке работы по ликвидации неграмотности в Сибири, А. В. Луначарский отмечал: «В конце 1921 г. мы имели стремительное

⁶ Директива ЦК ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917—1947 гг., вып. 5, АПН РСФСР, М.-Л., 1947, стр. 118.

⁷ Государственный архив Горно-Алтайской автономной области (ГАГААО), ф. 55, оп. 1, д. 131, л. 143.

⁸ ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 260, л. 14.

⁹ Партийный архив Алтайского крайкома КПСС (ПААК), ф. 2, оп. 1, д. 253, л. 28. Материалы первой Горно-Алтайской уездной партийной конференции, проходившей 23—31 июля 1921 г.

¹⁰ ПАНО, ф. 1053, оп. 1, д. 717, л. 5. Анкета Ойротского облполитпросвета на 1 мая 1923 г.

патение, по существу, сама ликвидация была ликвидирована, и Сибирский ОНО прямо констатировала необходимость ликвидировать эту работу».¹¹

С начала 1923 г., несмотря на трудное время ИЭП-а, по мере роста и укрепления бюджета в стране вновь развернулась систематическая, планомерная работа по ликвидации неграмотности.

Этому способствовали решения X и XI съездов партии, после которых Второй Всероссийский съезд по ликвидации неграмотности 20—25 мая 1923 г. в резолюции по организационному вопросу отметил новую фазу в кампании по ликвидации неграмотности — усиление работы на местах, укрепление местного бюджета.

Съезд решил перейти в новое наступление и постановил ликвидировать неграмотность среди населения страны Советов в возрасте от 18 до 35 лет к десятилетию Октябрьской революции.¹²

В соответствии с этим решением местные партийные организации стали конкретно разрабатывать планы ликвидации неграмотности. В Горном Алтае проведение этой работы было сопряжено с большими трудностями. Кочевой и полукочевой образ жизни большей части коренного населения препятствовал организации ликпунктов, почти не было учителей и ликвидаторов неграмотности, знавших язык и специфику работы среди алтайцев. В с. Мишарге, например, в 1923 г. подготовили помещение для занятий, провели занес неграмотных, желающих обучаться, но пункт не открылся из-за отсутствия учителя.¹³ Сашком мало было учебных пособий на русском языке и полностью отсутствовали они на алтайском языке. На родном языке не было даже букваря, а изданная небольшим тиражом в 1924 г. книга для чтения «Кызыл Ойрот» оказалась далеко не совершенным учебным пособием. Пункты по ликвидации неграмотности в Горном Алтае работали без какой-либо помощи со стороны Наркомпроса и Сибирского отдела народного образования.

Все это привело к тому, что намеченные областным отделом народного образования планы ликвидации неграмотности не выполнялись. В 1923—24 учебном году по заданию Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по ликвидации неграмотности в области планировалось открыть 26 ликпунктов, в том числе 23 на алтайском языке, удалось открыть только 3 для алтайского населения. Правда, для русского населения вместо 3 было открыто 23 ликпункта.¹⁴ В такой обстановке бюро обкома ВКП(б) вынуждено было всю работу по руководству ликвидацией неграмотности сосредоточить в своих руках, подключив областные газеты и партийку.

Газета «Ойротский край» 4 января 1924 г. писала, что по переписи 1920 г. в области имеется более 22 тысяч неграмотного населения в возрасте от 14 до 40 лет и, чтобы его обучить, потребовалось бы около 200 ликпунктов и два десятка букварей. Усилий одних органов народного просвещения слишком мало, чтобы к сроку закончить работу по ликвидации неграмотности в Горном Алтае.¹⁵ Газета призывала население, все общественные организации, интеллигенцию области включиться в борьбу с безграмотностью, создать в каждом селе общество «Долой неграмотность», члены которого должны были иметь одну цель — выполнить наказ В. И. Ленина.

¹¹ А. В. Луначарский. Задачи учебного года. «Народное просвещение», 1923 г., № 9, стр. 19.

¹² «Ликвидация неграмотности». Сб. статей и программы для руководителей ликпунктов и школ малограмотных Сибирского полтпросвещения. Ковониколаевск, 1923, стр. 7.

¹³ ГАГААО. ф. 55, оп. 1, д. 455, л. 53.

¹⁴ Там же, оп. 1, д. 40, л. 152. Протокол заседания II сессии Ойротского областного исполкома 5 марта 1924 года.

¹⁵ «Ойротский край», 4 января 1924 г.

Исключительно большое значение в походе за грамотность взрослого населения имела помощь советской общественности. Организационной формой, в которой наиболее полно и эффективно осуществлялось участие общественности в борьбе с неграмотностью, формой мобилизации сил и средств трудящихся служило общество «Долой неграмотность». Это общество было учреждено в конце 1923 года. Основной его задачей было оказание содействия ликвидации неграмотности: ведение учета неграмотных, организация ликпунктов, вовлечение в обучение населения. С людьми, окончившими ликбез, ячейки ОДН обязаны были проводить дальнейшую работу, помогать им закрепить полученные знания и навыки чтения, письма, счета. В этих целях создавались кружки (школы) малограмотных, общеобразовательные курсы.

В Горном Алтае это общество было создано в марте 1924 г.¹⁰ В его ячейки входили наиболее подготовленные коммунисты и комсомольцы. Работа общества протекала под лозунгом: «Каждый член общества должен обучить одного неграмотного», а в дальнейшем — «Каждый грамотный должен обучить одного неграмотного». Всего в Горном Алтае в 1924/25 учебном году работало на бюджетные средства 32 ликпункта, а на средства ОДН — 51 ликпункт. На 83 ликпунктах обучалось 2249 человек, в том числе 860 алтайцев.¹¹

Кочевой образ жизни алтайцев вызвал своеобразные формы работы по ликвидации неграмотности среди них. Областной комитет партии в 1924/25 учебном году организовал 4 передвижных ликпункта. Опыт их работы показал, что это наиболее целесообразная форма борьбы с неграмотностью в отдаленных урочищах Горного Алтая. В передвижных ликпунктах в рассматриваемом учебном году обучалось 168 человек. Одним из активных работников передвижного ликпункта была Александра Чичинова, назначенная, как тогда называли, «кочующим» ликвидатором неграмотности Онгудайской комсомольской ячейкой еще в 1920 г.¹²

Для обобщения и распространения опыта работы ликпунктов обком партии и областным отделом народного образования были созданы опорные пункты по ликвидации неграмотности, которые проводили работу в аймаках, и обобщали опыт деятельности всех культурно-просветительных учреждений. В 1924/25 учебном году в области насчиты-

¹⁰ ПАГАЛО, ф. 2, оп. 1, д. 120, л. 101. Из материалов II пленума Горно-Алтайского обкома ВКП(б) IV созыва (1926 г.)

¹¹ П. Н. Иванов. Развитие культуры нерусских народов Сибири (1920—1925 гг.). СА. Культурное строительство в Сибири в 1917—1960 гг. Сибирское отделение АН СССР. Вып. 1. Новосибирск, 1962 г. стр. 95.

¹² Г. Ульянов. Просветительная работа среди алтайских народностей. «Народное просвещение», 1926 г., № 12, стр. 122.

¹³ Чичинова Александра Дорифеевна родилась в 1903 г. в с. Онгудай. До революции она окончила церковно-приходскую школу. В первые же годы Советской власти в Горном Алтае 17-летняя Саша Чичинова была женоргом и передвижным ликвидатором неграмотности среди кочевого и полукочевого взрослого алтайского населения Онгудайской волости.

Прослушав в 1924 г. годичные алтайские педагогические курсы в с. Уалле, А. Д. Чичинова работала учителем начальной школы в Шебалинском аймаке: с 1925 по 1929 гг. — в урочище Агайры, с 1930 по 1937 г. — в с. Бешпельтир. Александра Дорифеевна одновременно проводила большую политико-воспитательную и культурно-массовую работу: днем занятия в школе, а по вечерам — беседы, лекции, обучение женщин кройке и шитью, навыкам передового быта.

С 1939 г. по 1959 г. А. Д. Чичинова работала учителем в школах Горно-Алтайска. Уже будучи пенсионеркой, Александра Дорифеевна руководила комиссией при горном полкоте по делам несовершеннолетних, организовала совет учителей-пенсионеров при Доме учителя, была внештатным методистом по пионерской работе.

А. Д. Чичинова награждена медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», неоднократно награждалась Почетными грамотами и похвальными листами.

тывалось 9 таких опорных пунктов.¹⁸ Много внимания уделялось подготовке и переподготовке работников ликпунктов и методической работе с ними. Основной формой подготовки и переподготовки работников ликвидации неграмотности являлись курсы. В 1925 году в с. Уладе курсы ликвидаторов неграмотности окончили 29 человек, из которых 20 были направлены на работу в ликпункты среди алтайского населения. Главной силой в ликвидации неграмотности были учителя, которые работу среди взрослого населения вели на общественных началах.

Улучшению постановки работы по ликвидации неграмотности способствовали активизация деятельности общества «Долой неграмотность», особенно после специального постановления Центрального Комитета Коммунистической партии о работе ОДН, принятого в мае 1925 г.

Выполняя указания ЦК, первичные звенья общества «Долой неграмотность» в Горном Алтае заметно оживили свою работу. Ячейки ОДН проводили широкий сбор средств на оборудование и содержание ликпунктов, ибо Советское государство не имело тогда еще возможности полностью обеспечить культурные нужды населения ассигнованиями из государственного бюджета. В 1925/26 учебном году на средства ОДН в Горном Алтае содержалось уже 92 ликпункта из 102.¹⁹

В 1926/27 учебном году, наряду с ликпунктами, утвердилась своеобразная форма индивидуально-группового обучения как среди алтайского, так и среди русского населения, что позволило более рационально расходовать денежные средства и почти вдвое увеличить количество обучающихся алтайцев.²⁰

Селькор Соколов в газете «Ойротский край» сообщал: «У нас налаживается работа по ликбезу. В с. Каяиче учащиеся в ликпункте 15 человек, в том числе 13 алтайцев. Занятия проводятся регулярно, ежедневная посещаемость 12—13 человек. Одновременно в урочище проводится индивидуально-групповое обучение, где учится 10 человек. Занятия посещают аккуратно. Кроме того, в урочище Первая Каяича организовалась еще одна группа при школе с 12 учащимися. Групповоды работают на добровольных началах».²¹

Успешной ликвидации неграмотности способствовала активная поддержка со стороны населения решений Коммунистической партии и Советского правительства в этой области. Примером может служить Успенский аймак, где благодаря активному вступлению населения в члены ОДН в 1926 г. было открыто 16 ликпунктов, в том числе 4 алтайских. В этих ликпунктах обучались 339 человек в возрасте от 14 до 49 лет. Ликпунктами руководили 12 учителей и 4 ликвидатора неграмотности, среди них была хорошо организована методическая работа. В течение 1925/26 учебного года прошли две конференции, на которых были заслушаны отчеты руководителей ликпунктов и решены некоторые методические вопросы, связанные с участием в работе по ликвидации неграмотности работников и актива красных уголков и изб-читален. В феврале 1926 г. в Успенском аймаке был сделан первый выпуск 15 человек из ликпункте с. Успенке, а затем 22 человека в с. Верх-Учек, 16 человек в с. Кузе Ыныргинского сельсовета; в с. Адыбан из 31 слушателя-ал-

¹⁸ ГАГААО, ф. 1, оп. 1, д. 120, л. 101. Из материалов II Пленума Горно-Алтайского обкома ВКП(б) IV созыва (1926 г.). Г. Ульянов. Просветительная работа среди алтайских народностей. «Народное просвещение», 1926, № 12, стр. 122.

¹⁹ Партийный архив Горно-Алтайского обкома КПСС (ПАГАО), ф. 1, оп. 1, д. 195, л. 213.

²⁰ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО), ф. 1053, оп. 1, д. 927, л. 41.

²¹ «Ойротский край», 13 апреля 1927 г.

тайца ликпункт окончило 28 человек. Остальные ликпункты Успенского аймака сделали выпуск весной 1926 г.²⁰

Проделанная работа привела к значительному повышению удельного веса грамотных среди населения области. В 1922 г. грамотных по области было 14%,²¹ в 1926 г. уже 23,1%,²² причем среди обученных заметно возрос процент алтайцев: в 1925-26 учебном году они составляли 34,4%, в 1926-27 — около 50% от общего количества обученных.²³ И все же процент грамотности по Горному Алтаю (23%) был значительно ниже общесибирского и союзного уровня: в 1926 г. в Сибири он составлял 31,03%, а по СССР — 39,5%.²⁴ Эти цифры говорят о том, что темпы ликвидации неграмотности, несмотря на большие достижения, были недостаточны и задача, поставленная на XI съезде Советов — ликвидировать в Республике к десятой годовщине Октября неграмотность населения до 35-летнего возраста, — в Горном Алтае, как и по всей стране, не могла быть выполненной.²⁵

Для решения этой задачи не было достаточного количества работников, не хватило материальных средств. Местный бюджет недостаточен, а город не в состоянии был оказать необходимую помощь деревне. Кроме того, на сознательную борьбу за всеобщую грамотность не поднялись еще широкие народные массы. Как указывал В. И. Ленин, дело борьбы с неграмотностью, бескультурностью необходимо было превратить в дело самих трудящихся масс. Одной из серьезных причин тормозящих рост грамотности среди населения Горного Алтая, продолжала оставаться слабо развитая школьная сеть. Охват всех детей школьного возраста обучением в Горном Алтае в 1927 г. равнялся лишь 39%.²⁶ Это приводило к тому, что каждый год ряды неграмотных пополнялись за счет подрастающего поколения. Кроме того, не было достаточных условий, которые позволили бы малограмотным закрепить навыки чтения и письма, а поэтому часть из них вновь становилась неграмотными. С тем чтобы предотвратить рецидивы неграмотности были организованы школы и кружки малограмотных, школы взрослых второй ступени, координировалась деятельность ликпунктов с работой культурно-просветительных учреждений. Но эта работа, по существу, находилась в стадии развертывания. Темпы ликвидации неграмотности снижались из-за кампанейского, временного характера работы по обучению неграмотных. Некоторые местные партийные и советские работники слишком формально относились к решению этой важнейшей задачи.

С этим положением нельзя было мириться в условиях перехода к социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. II Коммунистическая партия приняла действенные меры, направленные на улучшение всего дела ликвидации неграмотности. Программой культурного строительства советской страны явились решение

²⁰ «Ойротский край» 12 мая 1926 г.

²¹ М. Ф. Саруева, Горный Алтай за годы Советской власти. Сб. 40 лет советскому Горному Алтаю. Горно-Алтайск, 1957, стр. 105.

²² Развитие народного хозяйства Горно-Алтайской автономной области (Проект статистического сборника к 25 летию Горно-Алтайской автономной области), д. 17, л. 13. Архив Горно-Алтайского областного управления Л. И. Боженико. Борьба за ликвидацию неграмотности среди населения Сибири (1920—1925 гг.) «Ученые записки Томского университета им. В. В. Куйбышева», № 34, Томск, 1963 г., стр. 82. Возраст и грамотность населения СССР. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Крайние сведения Центр. статистич. упр. СССР. Выпуск VII. М., 1928 г., стр. 61.

²³ ГАГААО, ф. 33, оп. 1, д. 79, л. 61 а; Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 21, д. 78, л. 139. Материалы V Горно-Алтайской областной партийной конференции (1927).

²⁴ Л. И. Боженико. Борьба за ликвидацию неграмотности среди населения Сибири (1920—1925 гг.). «Ученые записки Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева», № 34, Томск, 1963, стр. 82.

²⁵ М. П. Ким. 40 лет советской культуры. М., 1957 г., стр. 120.

²⁶ ГАГААО, ф. 33, оп. 1, д. 462, л. 53.

XV съезда ВКП(б) (декабрь 1927 г.) В резолюции «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства» съезд подчеркивал прямую связь культурного строительства с политикой индустриализации страны. В основу плана культурного строительства должны быть положены те задачи народного образования, которые обеспечивают культурный рост широких масс трудящихся: всеобщее обучение, ликвидация неграмотности, массовое профтехническое обучение.³⁰

Коммунистическая партия неоднократно подчеркивала, что решать проблему ликвидации неграмотности можно лишь подняв и организовав широчайшие массы народа на борьбу с этим позорным наследием капитализма, показав народу необходимость знаний для успешной работы, для расширения жизненного кругозора. Тогда массы выдвинут и создадут много эффективных форм борьбы за грамотность, и лишь тогда будет обеспечен успех в этой борьбе. «Самое важное — правильно организовать дело, от этого зависит успех. А в вопросе организации могут сыграть крупную роль сами обучающиеся массы»,³¹ — писала Н. К. Крупская.

Подлинным движением трудящихся масс за грамотность явился культурный поход, который был начат по инициативе и при широком участии молодежи. В начале августа 1928 г. ЦК ВЛКСМ на основе решения VIII съезда комсомола принял постановление о проведении Всесоюзного культурного похода. Основными задачами его были ликвидация неграмотности и борьба с бескультурьем в личном и общественном быту. Все комсомольские организации готовились провести Всесоюзный субботник в помощь школе. «Война, беспощадная война объявлена невежеству, безграмотности, пьянству, грязи и лени», — писал о культурном походе М. И. Калинин.³²

Ликвидация неграмотности была важнейшей, но не единственной задачей культурного похода, одновременно нужно было уничтожить агрономическую безграмотность, оздоровить быт, улучшить библиотечное дело, содействовать всеобщему школьному обучению. В борьбе с бескультурьем нельзя было ставить вопрос о какой-то его части, проблема вставала в целом. «Надо вскрыть социальные корни неграмотности, — отмечала Н. К. Крупская в статье «Смысл и значение культпохода», — связать ее ликвидацию с остатками угнетения, бесправия, переустройством быта, тогда борьба с безграмотностью примет более глубокий, революционный характер, захватит, увлечет массы».³³

В целях успешного развития культурного похода очень важно было объединить усилия всех советских учреждений и массовых организаций для совместного наступления на культурном фронте, мобилизовать общественность вокруг культурного строительства. В начале октября 1928 г. постановлением областного комитета партии была создана специальная организационная комиссия, куда входили представители от обкома ВКП(б), облоно, обкома ВЛКСМ, женотдела обкома партии.³⁴ Комиссия составила единый план культурного похода для всей области. В нем было намечено, какую часть работы должна выполнять та или иная организация. Это позволило централизовать и мобилизовать все местные силы и ресурсы. Единый план культурной работы доводился до сведения всех местных партийных, советских, общественных организаций. Существование его не обезличивало работу отдельных организаций, а, наоборот, подвергало общественному контролю. Единый план

³⁰ КПСС в резолюциях... ч. II, изд. 7, стр. 345.

³¹ Н. К. Крупская. Сб. «Ликвидация неграмотности», НКП, РСФСР 1938, стр. 6.

³² Журнал «За грамоту», 1928, № 9, стр. 3.

³³ «Правда», 13 октября 1928 г.

³⁴ ПАГАО, ф. 1, отд. проп., д. 154, л. 134.

повсеместно сыграл положительную роль в укреплении культурной работы, в усилении борьбы за ликвидацию неграмотности.

В целях мобилизации масс для активного участия в культпоходе обком партии в своем органе «Обротский край» широко пропагандировал проведение культпохода, кроме того, он выпустил однодневную газету и специальное воззвание к населению в количестве 500 экземпляров на русском и алтайском языках.

С тем, чтобы подчеркнуть важность работы, на местах были созданы комиссии по ликвидации неграмотности и малограмотности — культштабы. В культштабы входили представители от сельских Советов, партийных и комсомольских ячеек, ОДН и других сельских общественных организаций. Культштабы налаживали обучение, организовывали социалистическое соревнование, занимались о подготовке ликвидаторов неграмотности, разъясняли сущность культпохода среди колхозников, бедняков, на совещаниях актива, проводили учет неграмотного населения, изыскивали помещения под ликпункты, проводили ремонт помещений для занятий, занимались мобилизацией финансовых средств населения.

Мобилизация и объединение сил советских учреждений и массовых организаций, создание стройной системы руководства культурным походом способствовали его успешному развитию и превращению борьбы с безграмотностью в широкое массовое движение. В г. Улале, например, в период культпохода было проведено 30 собраний с общим количеством присутствующих 2650 человек; перед началом киносеансов проводилось чтение лекций о необходимости ведения борьбы с безграмотностью; при городском клубе выпускалась трехдневка — сводка по охвату ликпунктами безграмотных.

Улалинская городская комиссия записала 163 человека, желающих работать в ликпунктах, в том числе 40 учащихся 8—9 классов средней школы.³⁵ Посещаемость в городских ликпунктах и школах неграмотности в начале учебного года была удовлетворительной, но затем началось отсев обучающихся. Чтобы привлечь внимание жителей к ликвидации неграмотности, был проведен культкарнавал,³⁶ после которого число обучающихся значительно увеличилось. Во время культпохода в г. Улале было охвачено учебой 52% общего количества неграмотного и малограмотного населения.

Такая же работа по ликвидации неграмотности разворачивалась в аймачными и сельскими культштабами. Онгудайский аймачный партийный комитет для мобилизации общественного мнения и средств провел 4 собрания партийного актива в Онгуде и 16 по селам и урочищам аймака. В результате было организовано дополнительно 4 ячейки ОДН, в которые вступило 178 человек, ликвидаторами неграмотности записалось 85 человек, был проведен учет неграмотных и малограмотных и начато обучение большей части их. Участниками культпохода являлись учащиеся Онгудайской ШКМ. Они организовали две школы малограмотных и один ликпункт, проводили в них обучение, устраивали выезды в урочища аймака, давали спектакли на алтайском языке.³⁷ В результате активного руководства аймачного штаба и участия населения планированного обучения неграмотных Онгудайского аймака был перевыполнен: вместо 1000 человек по плану обучалось 1248 человек неграмотных и вместо 170 малограмотных посещало школу 242 человека.³⁸

Активными участниками культпоходов были комсомольцы области. Во всех комсомольских организациях была создана атмосфера нетерпимого отношения к комсомольцам-дезертирам с фронта ликбеза. Комсо-

³⁵ ПАГАО, ф. 1, оп. 1, отд. проп., д. 154, л. 134.

³⁶ ГАКЮ, ф. 47, оп. 1, д. 611, л. 22; ПАГАО, ф. 1, оп. 1, отд. проп., д. 193, л. 112.

³⁷ «Обротский край», 12 января 1929 г.

³⁸ Там же, 17 декабря 1929 г.

мольцы проявляли много молодого энтузиазма и инициативы в разрешении различных проблем, вставших в борьбе с неграмотностью. По инициативе комсомольцев силами общественности была проведена на местах перепись неграмотного населения. Комсомольцы выясняли причины непосещения школ, помогали бороться с отсевом учащихся, работали культурармейцами (в г. Улале, например, 50 человек, в Майминском аймаке — 40,³⁹ в Шебалинском — 70⁴⁰). Комсомольцы Чойской ШКМ занимались с неграмотными в своей школе, Туэктинская ячейка ВЛКСМ Ойгудайского аймака обучала 40 человек, Каракольская ячейка того же аймака — 50.⁴¹ Комсомольцы из своей среды направляли культурармейцев в самые отдаленные урочища Горного Алтая для ликвидации неграмотности среди кочевого и полукочевого алтайского населения.

Замечательным явлением этих лет было участие в борьбе за грамотность тех, кто окончил школу грамоты или ликпункт. Пройдя необходимую методическую подготовку, они добровольно включались в работу по распространению грамотности. Например, Ярдаш Микишкин, сам в прошлом неграмотный, взялся в урочище Чичке Чемальского аймака бесплатно обучать взрослых алтайцев.⁴²

Трудящиеся области, воодушевленные культурным походом, передавали церкви под ликпункты и школы. В деревне Юстик Коксинского аймака до 1929 г. не имелось ни школы, ни избы-читальни. Когда объявили культпоход, неграмотному населению негде было заниматься. На собрании жители села, по совету членов культштаба, решили отдать церковный дом под ликпункт, который и работал весь 1928-29 учебный год. Посещало его 42 человека. В течение учебного года с обучавшимися и со всеми верующими велась антирелигиозная работа. В результате общее собрание граждан постановило закрыть церковь и здание ее передать под школу. Областная газета об этом писала: «Молодежь теперь ликует. Раньше ребятам негде было почитать, поиграть. Многие из них пьянствовали, а теперь свободное время у жителей села проходит весело и интересно. Так шаг за шагом вырастает новое в быт трудящихся Горного Алтая».⁴³

Подобные примеры полностью подтвердили мысль В. И. Ленина о том, что трудящиеся массы тянутся к свету, что они кровно заинтересованы в поднятии культуры, так как поняли, что знания являются орудием в их борьбе за новую жизнь, что теперь от них самих зависит сделать просвещение общедоступным.

Деятельность партийных и комсомольских организаций области по ликвидации неграмотности сочеталась с большой и трудной работой по раскрепощению женщины от униженного и бесправного положения в семье и быту, по освобождению их от патриархально-феодалных и религиозных обычаев и предрассудков. Женщина-алтайка иногда не шла на ликпункт, если ликвидатором неграмотности был мужчина.⁴⁴ Для обучения женщины в некоторых селах создавали специальные женские ликпункты. В 1929 г., например, успешно работал алтайский женский ликпункт Куладинской коммун Ойгудайского аймака, руководителем которого была девушка-комсомолка. На ликпункте одновременно с ликвидацией неграмотности среди женщин проводилась работа по внедрению навыков санитарии. При женском ликпункте был организован кру-

³⁹ ГАГААО, ф. 1, отд. проп., д. 154, л. 46. Из Обзора участия ВЛКСМ в культмассовой работе в Горном Алтае (1925—1928).

⁴⁰ ПАГААО, ф. 1, оп. 1, д. 193, л. 114.

⁴¹ Там же.

⁴² «Ойротский край», 12 января 1929 г.

⁴³ Там же, 12 июля 1929 г.

⁴⁴ П. Е. Тадыев. Реакционная сущность шаманизма и бурханизма Горно-Алтайск. 1935 г., стр. 5.

жок домоводства, причем для него отремонтировали швейную машинку. Члены кружка обучались не только кройке и шитью, но и как выпекать хлеб, как содержать в чистоте жилое помещение. Подобная работа по коренной ломке устоявшихся традиций и старого быта и внедрению элементов социалистического быта проводилась не только на ликпунктах Ойгудайского, но и других аймаков.

Делу ликвидации неграмотности среди женщин алтаек области служили делегатские собрания. В результате значительно увеличилось количество обучавшихся женщин. В 1925-26 учебном году было обучено 362 женщины области,⁴⁵ в 1928-29 учебном году — 1814.⁴⁶ Грамотных женщины выдвигали на руководящие должности. В 1929 г., например, была назначена председателем Сайдысского сельсовета Майминского аймака коммунистка Устигешева.⁴⁷

В период культпохода оживилась в Горном Алтае, как и во всей Сибири, деятельность общества «Долой неграмотность».⁴⁸ Это подтверждается данными, сведенными в таблицу:

Наименование края, области	Количество ячеек ОДН		Количество членов ОДН	
	на 1.1. 1929 г.	на 1.7. 1929 г.	на 1.1. 1929 г.	на 1.7. 1929 г.
В Сибири	1857	2965	46811	85408
В том числе в Горном Алтае	27	136	3170	6125

Таким образом, в течение полугода культпоход дал уже существенные результаты.

Деятельность пунктов по ликвидации неграмотности в период культпохода перестала носить замкнутый характер. Ликпункты стали координировать свою работу с деятельностью культурно-просветительных учреждений, особенно библиотеками, избами-читальнями, юртами-перебивками. И это не случайно, так как нельзя было ликвидировать неграмотность в отрыве от всей политико-просветительной работы. Многие ликпункты Горного Алтая работали при избах-читальнях, красных уголках и народных домах, приобретенные навыки грамоты закреплялись чтением газет, книг, просмотром спектаклей работой в кружках. В Катандинской трудовой земледельческой артели «Бедняк» Уймонского аймака в 1928-29 учебном году все члены артели обучались грамоте. В артели одновременно работали кружки текущей политики, сельскохозяйственный, безбожников, кройки и шитья.⁴⁹

Несмотря на большую работу, проводимую партийными, советскими и другими общественными организациями, не все население области включилось в культпоход, имели место факты срыва в работе из-за отказа неграмотных посещать ликпункты. В таких случаях райисполкомы и сельсоветы часто допускали ошибки вместо общественного воздействия, разъяснительной работы и усиления борьбы с кулачеством, агитировавшим против ликбеза, они прибегали к голому администрированию. В с. Кош-Агаче, например, в 1928 г. в обязательном порядке собрали на ликпункт свыше 100 человек неграмотных в возрасте от 14 до 28 лет,

⁴⁵ ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 84, л. 119, ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 78, л. 191. Отчет о работе среди женщин Горного Алтая за период с сентября 1925 г. по сентябрь 1927 г. на V Горно-Алтайской областной партийной конференции (1927 г.).

⁴⁶ Подсчитано по докладной записке на обл. бюро «О ликвидации неграмотности и малограмотности Ойротской автономной области за 1928-29 уч. год. ПАГАО, ф. 1, оп. 1, д. 193, л. 114.

⁴⁷ «Красная Ойротия», 29 декабря 1935 г.

⁴⁸ В. Пупышев. Некоторые итоги и выводы о работе ОДН в крае «Просвещение в Сибири», 1929 г., № 7-8, стр. 38.

⁴⁹ Ойротский край, 22 марта 1929 г.

поставили вооруженных дневальных и в порядке военной дисциплины проводили обучение грамоте.³⁰ Подобные явления встречали решительное осуждение со стороны общественности.

Несмотря на трудности, усилия партийных, комсомольских и советских организаций Горного Алтая превратили 1928-29 и 1929-30 учебные годы в массовый поход за грамотность и обеспечили его успех. Если в 1927-28 учебном году было обучено 1700 неграмотных,³¹ то в первый год культпохода — 1928-29 учебном году — 4500, в том числе 965 человек неграмотных, а во второй год культпохода — 1929-30 гг. — 7477.³² Грамотность населения области повысилась с 31,6% в 1928-29 учебном году до 48,7% — в 1929-1930.³³ Тем самым была достигнута значительная победа не только на культурном, но и на политическом фронте. Оценивая работу по обучению неграмотных в этот период, М. И. Калинин говорил, что таких темпов культурного строительства не знала ни одна историческая эпоха, не знает ни один культурный народ.

Повышение грамотности сыграло определенную роль в усилении темпов коллективизации в Горном Алтае. В октябре 1928 г. в колхозах области было объединено 2,54% крестьянских хозяйств, а в октябре 1929 г. — 6,3%, т. е. за один год культпохода процент коллективизации увеличился почти в 2,5 раза.³⁴ Это был несомненный успех областной парторганизации в борьбе за осуществление ленинского плана социалистической реконструкции сельского хозяйства.

В 1929 г., и особенно к 1930 г. в стране были созданы необходимые предпосылки для перехода в решительное наступление против неграмотности, против темноты и невежества. К этому времени страна окрепла экономически, определялись первые успехи индустриализации, выросли кадры, способные расширить масштабы и ускорить темпы культурной революции, Партия и народ подходили к историческому рубежу в жизни советской деревни — сплошной коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса на этой основе. Партия при этом руководствовалась указаниями В. И. Ленина, что без громадного повышения культуры масс нельзя осуществить поголовного кооперирования населения. И, наконец, к этому времени в широких народных массах усилилась тяга к культуре, к образованию. На собственном опыте массы убеждались в огромном значении знания, культуры для успеха того дела, которое было начато в октябре 1917 года.

Исходя из этого, ЦК ВКП(б) в мае 1929 г. в постановлении «О работе по ликвидации неграмотности» выдвинул задачу уже в 1929/30 учебном году увеличить размах работы по ликвидации неграмотности в два раза и значительно расширить сеть школ малограмотных.

Для успешного строительства социализма, осуществления коллективизации в Горном Алтае даже такие темпы в ликвидации неграмотности были явно недостаточны. VI Горно-Алтайская партийная конференция в декабре 1929 г. отмечала, что безграмотность и общая культурная отсталость населения области являются главным препятствием в успешной борьбе за социалистический путь развития в деревне. Конференция особо обратила внимание партийной организации на усиление работы по ликвидации неграмотности.

³⁰ Там же, 18 декабря, 1928 г.

³¹ ГАГЛАО, ф. 33, оп. 1, д. 154, л. 20. Материалы II сессии Горно-Алтайского областного исполкома IV созыва (1929 г.).

³² П. Николаев. Опротив в борьбе за культурную революцию. «Просвещение национальностей», 1931 г., № 11-12, стр. 29.

³³ ГАГЛАО, ф. 33, оп. 3, д. 37, л. 28.

³⁴ В. А. Демидов. К вопросу коллективизации сельского хозяйства в Горном Алтае. Записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Вып. 5, Горно-Алтайск, 1962 г., стр. 76.

Культурное строительство в Горном Алтае тормозилось известной недооценкой отдельными работниками политического значения ликбеза. Бюро областного комитета ВКП(б) 16 декабря 1930 г. отметило ослабление деятельности аймачных культштабов, ячеек ОДН, облоно. Областной комитет партии обязал аймачные партийные комитеты в период сплошной коллективизации принять решительные меры к оживлению работы по ликвидации неграмотности взрослого населения в возрасте от 18 до 50 лет и предложил областному отделу народного образования в трехдневный срок пересмотреть план по ликвидации неграмотности и довести его до каждого сельсовета.¹⁴

Западно-Сибирский краевой исполнительный комитет, признав в 1931 г. ликвидацию неграмотности в крае, в том числе в Горном Алтае, неудовлетворительной, постановил ускорить темпы ликбеза и перевести работу по ликвидации неграмотности на непрерывный учебный год. Введением непрерывного учебного года преследовалась цель — не допустить возрождения неграмотности, закрепить успехи, достигнутые зимой, охватить большое количество неграмотных ликбезом. В связи с этим предстояло выработать подвижные, гибкие формы работы, позволяющие продолжать обучение в школе, не мешая производству. Партийные организации мобилизовали все средства для того, чтобы обеспечить нормальный ход летних занятий.

Ликвидация неграмотности осуществлялась в условиях развернутого наступления социализма по всему фронту, важнейшим направлением которого являлась сплошная коллективизация. Массовое объединение крестьян в колхозы и борьба за культуру были тесно взаимосвязаны и разрешали одну, особой важности задачу — перестройку социально-экономического уклада деревни, сложившегося на протяжении столетий. Успех коллективизации в значительной мере зависел от размаха культурной работы.

Одним из важных средств в улучшении постановки работы по ликбезу являлось внедрение социалистического соревнования и ударничества. В 1930/31 учебном году из учеников 650 культармейцев 340 были ударниками.¹⁵ В 1932 г., в связи с подготовкой к празднованию десятилетия Ойротской автономной области, создавались культотряды, ликпункты имени 10-летия области.

Успех ликвидации неграмотности зависел и от наличия работников ликбеза, ряды которых непрерывно росли. В 1930/31 учебном году в области было 650,¹⁶ а в 1931/32 гг. — 1321 ликвидатор неграмотности.¹⁷ Уже к февралю 1932 г. в числе культармейцев ликбеза работало 549 комсомольцев Горного Алтая.¹⁸ Культармейское движение сыграло видную роль в осуществлении культурной революции в нашей стране, в том числе и в Горном Алтае.

Областная партийная организация, ведя борьбу с неграмотностью, создавала соответствующие материальные условия и, в первую очередь, резко увеличила издание учебников для взрослых, особенно на алтайском языке. В 1932/33 учебном году были впервые полностью обеспечены учебниками ликпункты и школы малограмотности не только на русском, но и на алтайском и казахском языках.

Широчайшее массовое движение за ликвидацию неграмотности в

¹⁴ ПАНО, ф. 3, оп. 3, д. 278, л. 94—95.

¹⁵ ГАГААО, ф. 55, оп. 1, д. 454, л. 175. Тезисы доклада в наркомпросе на тему «Просвещение нацмен Ойротской автономной области» (1932 г.).

¹⁶ ГАГААО, ф. 55, оп. 1, д. 454, л. 175. Тезисы доклада в Наркомпросе на тему «Просвещение нацмен Ойротской автономной области».

¹⁷ ПАГАО, ф. 1, оп. 1, отд. проп., д. 217, л. 79. Из докладной записки культпропа Горно-Алтайского обкома ВКП(б) о подготовке к новому 1932/33 уч. году.

¹⁸ «Ойротский комсомолец», 17 февраля 1932 г.

1929/32 годах имело огромное значение. С 1924 по 1929 гг. (за 5 лет) было обучено грамоте 7838 человек, т. е. в среднем по 1567 человек в год.⁶⁰ В 1930/31 г. было обучено 11664 человека.⁶¹ Ранее неграмотные, темные люди стали успешно овладевать новой техникой. Рост грамотности, а вместе с этим и политической активности трудящихся имел величайшее значение в социалистическом переустройстве страны. СССР к началу второй пятилетки добился решающих побед в ликвидации неграмотности среди взрослого населения. В Горном Алтае грамотность к тому времени составляла 77%.⁶²

Но работа еще не была закончена, необходимо было полностью завершить ликвидацию неграмотности. Успешное осуществление программы социалистической индустриализации и коллективизации создало мощную материально-техническую базу для дальнейшего развертывания культурной революции. XVII съезд ВКП(б) в резолюции «О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР» наметил программу повышения материального и культурного уровня рабочих и крестьян, в которой одной из первоочередных задач выдвигалось завершение ликвидации неграмотности и малограмотности среди населения Советского Союза.

Руководствуясь решениями XVII партсъезда, бюро Горно-Алтайского обкома, президиум обласполкома и обласпрофа 8 февраля 1934 г. приняли развернутое постановление о завершении ликвидации неграмотности в период второй пятилетки. В постановлении предлагалось всем аймпарткам совместно с политпросветом горкома ВКП(б), обкомом ВЛКСМ, аймакисполкомам и аймпрофсоветами разработать конкретные мероприятия по завершению ликвидации неграмотности и обеспечить их выполнение; предлагалось уделить особое внимание обучению кочевого и полукочевого алтайского населения, а также допризывников, облпотребсоюз обязан был обеспечить ликпункты и школы малограмотных керосином, лампами, фитилями; областное издательство должно было обеспечить издание и доставку из г. Новосибирска необходимых учебных пособий, предлагалось усилить деятельность ячеек общества «Долой неграмотность».⁶³

Особое внимание партийные и советские органы продолжали уделять ликвидации неграмотности среди молодежи призывных возрастов. На местах проводился учет неграмотных и малограмотных допризывников, создавались для них ликпункты и школы малограмотных. В 1934/35 учебном году из учтенных неграмотных допризывников были охвачены обучением 87%, малограмотных — 80%. Энергично велась работа в Турчакском аймаке, где допризывники в течение нескольких недель обучались в двух ликпунктах.⁶⁴ Практиковалось и области создание аймачных школ для допризывников с отрывом от производства.

Для вовлечения в школу взрослых проводились массовые собрания на предприятиях, в колхозах и совхозах с докладами о задачах ликвидации неграмотности, заключались договоры об обеспечении явки обучающихся на занятия с предприятиями и учреждениями. В 1934/35 учебном году было заключено 212 таких договоров.⁶⁵ Оживилась работа

⁶⁰ Подсчитано автором См. П. Николаев «Ойротия в борьбе за культурную революцию». Просвещение национальностей», 1931, № 11—12, стр. 29. П. И. Иванов «Развитие культуры нерусских народов Сибири. (1920—1927 гг.) ПАГАО, ф. 1, оп. 1, отд. проп. д. 193, л. 110. П. Рубашкин «Культурное стро-во в Ойротии за 10 лет. «Просвещение национальностей», 1932 г. № 5—6, стр. 98.

⁶¹ П. Николаев. Ойротия в борьбе за культурную революцию. «Просвещение национальностей», 1932, № 11—12, стр. 29.

⁶² Там же.

⁶³ ПАНО, ф. 3, оп. 7, л. 181, л. 40.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, оп. 1, л. 181, л. 40.

ячек ОДН. В 1934 г. на средства ОДН обучалось 30% неграмотных.⁶⁶ К этому времени в области насчитывалось около 200 ячек ОДН.⁶⁷

В начале марта 1935 г. состоялся I областной съезд общества «Долой неграмотность», который подвел итоги работы и наметил пути завершения ликвидации неграмотности в Горном Алтае.⁶⁸

Наиболее широко в период второй пятилетки была развернута работа по обучению грамоте женщин. В 1935 г. В Казяхском сельсовете Кош-Агачского аймака, например, женщины-казашек обучалось: в колхозе имени Эйхе 25 человек, в колхозе «10 лет Ойротии» 40 человек, в колхозе имени Сталина 25 человек, в колхозе имени Ворошилова 15 человек. Занятия на ликпунктах этого сельсовета проводились ежедневно по 4 часа. Повышая грамотность, женщины области одновременно внедряли в жизнь элементы социалистического быта. Все это повышало культурный уровень трудящихся Горного Алтая.

Развертывание работы по ликвидации неграмотности в рассматриваемое время выражалось не только в количественном увеличении сети учреждений ликбеза, но и в улучшении организации и методики обучения. В период весенне-летних полевых работ занятия проводились в бригадах, в поле. Например, в колхозе «Ойрот» Усть-Коксинского аймака летом 1936 г. занятия по ликвидации неграмотности проводились ежедневно после работы по 2 часа в культстане полеводческой бригады, где обучалось 50 неграмотных и малограмотных колхозников.⁶⁹ В культстане ежедневно выходила стенгазета и проводились громкие читки газет и книг и таким образом стимулировалось желание у слушателей скорее научиться читать.

Завершение ликвидации неграмотности было поставлено под строгий партийный контроль. В период с сентября по декабрь 1936 г. были заслушаны на бюро областного комитета ВКП(б) отчеты Чойского, Ойрот-Турицкого и Усть-Каинского райкомов партии. Ход ликвидации неграмотности обсуждался на совещании заведующих аймоно, осенних учительских конференциях, президиуме облисполкома, областном совещании председателей сельсоветов. В помощь аймоно были командированы работники обкома ВКП(б), облоно.⁷⁰ Бюро Ойрот-Турицкого райкома ВКП(б) 23 октября 1936 г. обязало инструкторов райкома систематически проверять и помогать партиейкам и организации ликпунктов.⁷¹

В начале 1936/37 учебного года в области был проведен ряд мероприятий для скорейшего завершения ликвидации неграмотности, особенно среди алтайского населения. При облоно прошли курсы ликвидаторов неграмотности 80 человек, которых затем направили для работы в алтайские ликпункты и школы малограмотных. Методический отдел при облоно издал программы на алтайском языке, учебные планы для школ взрослых и разослал их на места. Кроме того, аймачные отделы народного образования совместно с местными партийными и комсомольскими ячейками дополнительно выделили 305 учителей и 447 культурмейцев.

Для ликвидации неграмотности допризывников были организованы специальные аймачные и кустовые школы.

Все это позволило партийным и советским органам в период второй пятилетки достигнуть значительных результатов по ликвидации неграмотности и малограмотности населения Горного Алтая.

⁶⁶ ГАГЛАО, ф. 55, оп. 1, д. 685, л. 91.

⁶⁷ «Красная Ойротия», 6 марта 1935 г.

⁶⁸ Там же, 4 декабря 1935 г.

⁶⁹ Там же, 30 июля 1936 г.

⁷⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 88, л. 41. Отчет о работе Ойротского обкома ВКП(б) за сентябрь-декабрь 1936 г.

⁷¹ ЦПАК, ф. 1, оп. 1, д. 191, л. 5.

О количестве обученных по годам за две пятилетки и вместе с тем о значительном подъеме грамотности населения свидетельствуют следующие данные.⁷²

Годы	Обучено неграмотных			Обучено малограмотных		
	Всего	Алтайцев	Русских	Всего	Алтайцев	Русских
1929—1932	25419	12079	13340	11593	4174	7419
1932—1936	19522	9795	9227	14999	7361	7638
Всего	44941	21874	23067	25592	11535	15057

В результате борьбы с неграмотностью и введения всеобщего начального обучения грамотность населения Горного Алтая в возрасте от 8 до 50 лет в 1937 г. составила 86%. Вне обучения оставались, в основном, пастухи, охотники, некоторые домохозяйки и престарелые.

Ликвидация неграмотности в Горном Алтае в известной мере сдерживалась искусственным переводом в 1928 г. алтайской письменности на латинизированный алфавит (дыаналиф), практическое применение которого показало, что он стал помехой для дальнейшего развития культуры алтайского народа.

Ликвидация неграмотности и малограмотности среди взрослого населения была одним из решающих достижений начального этапа культурной революции и важным условием дальнейшего культурного подъема трудящихся.

Итоги огромных преобразований в области духовной жизни трудящихся Горного Алтая были подведены в дни празднования 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Школьная сеть области выросла за годы Советской власти в 4,3 раза, а число учащихся увеличилось в 36 раз, достигнув к 1967 г. 41680 человек.

Осуществлен переход к всеобщему обязательному восьмилетнему образованию. Для детей, родители которых заняты на отгонном животноводстве, открыто 52 интерната. В них живут на полном государственном обеспечении 2700 учащихся.

В области функционирует государственный педагогический институт, в котором обучается на очных факультетах более полутора тысяч студентов и более двух тысяч — заочно.

Кадры средней квалификации готовятся в специальных средних учебных заведениях: зоопеттехникуме, технологическом техникуме, педагогическом и медицинском училищах, кооперативной школе, в которых в 1966/67 учебном году обучалось 3610 учащихся.

Изучением истории алтайского народа и проблемами дальнейшего развития языка и литературы занимается научно-исследовательский институт истории, языка и литературы, укомплектованный национальными научными кадрами.

Горно-Алтайская автономная область располагает большой сетью культурно-просветительных учреждений. В настоящее время их насчитывается около шестисот, в том числе 141 библиотека, 202 клубных учреждения, 254 киноустановки, музыкальная школа, отделение кинопроката с фильмобазой.

В быт трудящихся прочно вошли печать и радио. Почти каждый

⁷² Центральный Государственный архив Октябрьской революции, (ЦГАОР), ф. 1235, оп. 132, д. 4, л. 76. Докладная записка о результатах проверки работы Советов Ойротской автономной области — апрель 1937 г.; М. Ф. Саруев в Горный Алтай за годы Советской власти, 40 лет советскому Горному Алтаю Горно-Алтайск, 1957 г., стр. 105. В. А. Демидов Краеведческий материал по истории Горно-Алтайской области, г. Горно-Алтайск, 1962, стр. 60.

второй житель области выписывает газеты и журналы. Все это способствует неуклонному повышению культурного и политического уровня трудящихся Горного Алтая.

Неуклонный рост социалистической культуры советского Алтая стал возможен благодаря работе и руководству Ленинской Коммунистической партии и Советского правительства, бескорыстной братской помощи русского и других народов СССР.

Строительство коммунизма предполагает дальнейший расцвет экономики и культуры всех национальностей Советского Союза. Почву для этого создает социализм, который не только не уничтожает национальных различий и особенностей, а наоборот, обеспечивает всестороннее развитие и расцвет экономики и культуры всех народов страны. Подъем экономики и культуры СССР — одно из необходимых условий успешного строительства коммунистического общества.

На примерах величайших достижений малых народов нашей страны в строительстве самой передовой и демократической культуры учатся миллионы трудящихся народно-демократических стран. Этот опыт воодушевляет трудящихся колониальных и зависимых стран мира на борьбу за свое освобождение от ига капитализма, за лучшее будущее.

ВОПРОСЫ ЗАКОННОСТИ И ОБОСНОВАННОСТИ ОБВИНЕНИЯ И АРЕСТА ГРАЖДАН В ТРУДАХ В. И. ЛЕНИНА

Деятельность В. И. Ленина, как вождя правящей партии и первого в мире социалистического государства была многогранной. Он руководил всеми сторонами жизни Советской Республики, решал политические, хозяйственные, военные, культурные и правовые вопросы. Осуществлять все это было нелегким делом, ибо создаваемое Советское государство было первым государством социалистического типа.

В. И. Ленин стоял у истоков советского социалистического права. Не найдется, пожалуй, ни одного сколь-нибудь важного закона первых лет Советской власти, который не готовился бы при самом активном участии Владимира Ильича. Большинство законопроектов было написано или отредактировано им лично. В. И. Ленин вел настойчивую борьбу за строгое соблюдение социалистической законности. В этом еще раз проявился талант и компетентность В. И. Ленина как юриста.

В. И. Ленин по своей натуре был гуманным человеком, но принципиальным, умел и власть проявить и сурово наказать, когда это вызывалось необходимостью, интересами дела, когда нарушался советский закон. При этом он подчеркивал, что наказание может быть и не строгим, иногда может быть достаточно и выговора, но необходимо разрушить убеждение в ненаказуемости виновного.

«В страхе, которая обнищала, — говорил В. И. Ленин, — либо погибнут те, которые не могут подтянуться, либо вся рабоче-крестьянская республика. И выбора здесь нет и быть не может, так же, как не должно быть и никакой сентиментальности. Сентиментальность есть не меньше преступления, чем на войне шкурничество. Тот, кто отступает теперь от порядка, дисциплины, тот пускает врагов в свою среду».¹

В. И. Ленин был решительным и беспощадным в борьбе с классовыми врагами, бюрократами, волокитчиками и взяточниками, вел суровую борьбу с анархизмом, расхлябанностью, нарушителями дисциплины и социалистической законности.

7 декабря 1917 года в записке к Ф. Э. Дзержинскому Ленин подчеркнул: «Необходимы экстренные меры борьбы с контрреволюционерами и саботажниками» и предложил принять специальный декрет об организации ВЧК, проект которого был изложен в той же записке.² «Для нас важно, — говорил В. И. Ленин, — что ЧК осуществляют непосредственно диктатуру пролетариата, в этом отношении их роль неоценима. Иного пути к освобождению масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров, — нет. Этим и занимаются ЧК, в этом их заслуга перед пролетариатом».³

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 166—167.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 157.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 418.

В Симбирской губернии работники бездушно отнеслись к делу снабжения рабочих центра хлебом. Возмущенный этим фактом, В. И. Ленин в январе 1919 года Симбирскому губпродкомиссару писал: «Комитет 42 организаций голодающих рабочих Петрограда и Москвы жалуется на Вашу нераспорядительность. Требую максимальной энергии с Вашей стороны, неформального отношения к делу и всесторонней помощи голодающим рабочим. За неуспешность вынужден буду арестовать весь состав Ваших учреждений и предать суду».⁴

В. И. Ленин рассматривал борьбу с волокитой как политическое дело. В письме Д. И. Курскому 4 ноября 1921 года Ленин пишет: «...Обязательно этой осенью и зимой 1921—1922 гг. поставить на суд в Москве 4—6 дел о московской волоките, подобрав случаи «порче» и сделав из каждого суда политическое дело.»⁵ В. И. Ленин в борьбе с взяточничеством видел следующее условие соблюдения законности. Он говорил, что «Хуже будет от закона, если практически он будет применяться в условиях допустимости и распространённости взятки». При наличии взяточничества в советском аппарате, говорил он, «нельзя делать политики, потому что все меры останутся висеть в воздухе и не приведут ровно ни к каким результатам».⁶ В. И. Ленин требовал сурового наказания взяточников. Узнав, что Московский ревтрибунал приговорил взяточников — работников следственной комиссии, к 6 месяцам тюрьмы, Ленин очень возмутился и написал в ЦК РКП(б) письмо, в котором поставил вопрос об исключении из партии судей. «Вместо расстрела взяточников, — писал он, — выносить такие издевательские слабости и мягкие приговоры есть поступок позорный для коммуниста и революционера».⁷ В тот же день в записке Д. И. Курскому он писал: «тотчас, с демонстративной быстротой, внести законопроект, что наказания за взятку (лихонметство, подкуп, сводка для взятки и пр. и т. п.) должны быть не ниже 10 лет тюрьмы...»⁸

По свидетельству Л. А. Фотисевой — секретаря В. И. Ленина, — бывали случаи, когда Владимир Ильич, обнаружив невыполнение какого-либо постановления правительства, давал указание о домашнем аресте виновного на два или три дня и при этом прибавлял: «Арестовывать по праздникам, а в будни освобождать, чтобы не страдала работа».⁹ В. И. Ленин предложил посадить под домашний арест составителей «Атласа России», подготовленного к выпуску в Петрограде. При издании атласа было допущено много недостатков и ошибок, неправильно были внесены страницы. Владимир Ильич поручил «Посадить под домашний арест, кто несет за это ответственность, и пусть они переклеят страницы во всем тираже».

Председатель Архангельского Губисполкома назвал «нелепым» распоряжение центральной Советской власти. Ленин послал ему телеграмму следующего содержания: «Я объявляю Вам официально выговор за это и заявляю, что если Вы не возьмете обратно столь недопустимого выражения, то я подниму вопрос о предании Вас суду, ибо если мы добросовестно учим дисциплине рабочих и крестьян, то мы обязаны начать с самих себя».¹⁰ Когда В. И. Ленин узнал, что продкомиссар Петроградской трудовой коммуны А. Е. Бадаев уже неоднократно не испол-

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 238.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 1.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 174.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 282.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 70.

⁹ Л. А. Фотисева. О ленинском стиле государственной работы. «Советское государство и право», 1967, № 6, стр. 4.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 62—63.

ль предписания Наркомпрода, Ленин в тот же день дал указание, что Бядаеву «Надо строго поставить на вид: еще одно неисполнение предписаний центра — и мы его отдадим под суд. Этим не шутят».¹¹

Советское государство не заинтересовано в ошибочном, ненужном обвинении и заключении граждан под стражу. Поэтому законность и обоснованность привлечения граждан к уголовной ответственности и избрания в отношении их меры пресечения является актуальной проблемой в уголовно-процессуальной теории. Настоящая проблема теснейшим образом связана с гарантией прав личности. В социалистическом обществе законные интересы и права граждан обеспечиваются экономическими, политическими, идеологическими, общественными и юридическими гарантиями, которые взаимно дополняют друг друга и действуют в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. В советском уголовном процессе речь идет, в первую очередь, об обеспечении юридических гарантий прав личности.

В разработку вопроса о юридических гарантиях прав личности в социалистическом государстве неоценимый вклад внес Владимир Ильич Ленин. Для уголовно-процессуальной науки и практики представляет большой интерес законы, принятые при жизни В. И. Ленина, его теоретические воззрения и практические указания, касающиеся законности и обоснованности обвинения граждан и заключения под стражу. Работы В. И. Ленина, которые содержат глубокий анализ отдельных форм и институтов уголовного процесса буржуазных государств, имеют всемирно-историческое значение, поскольку они служат трудящимся в борьбе за справедливый и демократический процесс.

Еще в 1903 г. В. И. Ленин писал: «Социал-демократы требуют, чтобы без суда полиция не смела никого сажать в тюрьму. За произвольный арест чиновники должны быть строго наказываемы».¹² Ленинские указания легли в основу ряда бережно сохранных советским законодателем институтов судопроизводства, в том числе гарантии от необоснованного обвинения и ареста обвиняемого.¹³

После победы Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин проявлял большой интерес к следственным делам, следил за соблюдением законности в стадии предварительного расследования. Он настойчиво требовал всестороннего извешивания, глубокой проверки фактов, материалов, обстоятельств, послуживших основанием для привлечения лица к уголовной ответственности или ареста, объективного расследования дела, т. е. он требовал соблюдения законности и безусловной обоснованности обвинения и ареста граждан. При этом исключительное большое значение им придавалось соблюдению установленных законом гарантий неприкосновенности личности советских граждан.

В проекте Постановления СНК РСФСР по вопросу о деятельности следственной комиссии, составленном В. И. Лениным 21 января 1918 года, предлагалось «работать быстрее и энергичнее, дабы иметь возможность скорее выделить тех, невиновность коих, в силу явной недобросовестности оговоров, уже очевидна».¹⁴

Постановление НКЮ РСФСР от 15 декабря 1917 года «О мерах заключения задержанных и об учреждении в тюрьмах следственных комиссий, проверяющих правильность и законность ареста»¹⁵ обязывало следственные комиссии в течение 48 часов проверять законность и обоснованность задержания доставленных в тюрьму граждан и решить, пе-

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 293.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 168.

¹³ СУ РСФСР 1919 г. № 31—32, ст. 326.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 388.

¹⁵ СУ РСФСР 1917 г. № 9, стр. 146.

редать ли дело на них в суд или же освободить (п. 4). Это же правило распространялось и на арестованных (п. 5).

В. И. Ленин отраждал граждан от произвола отдельных личностей. Соблюдение гарантий неприкосновенности личности граждан и их жилища он усматривал в вынесении специального мотивированного процессуального акта-ордера на арест и обыск. Он был противником ареста граждан, обысков и вымоков по усмотрению отдельных должностных лиц. Эти требования В. И. Ленина нашли свое яркое отражение в Постановлении НКЮ РСФСР от 16 декабря 1917 года «О производстве арестов, обысков, вымоков и всяких иных следственных действий только по ордерам следственных и судебных учреждений»¹⁶

В. И. Ленин предостерегал ВЧК против выдачи мандатов на «аресты по усмотрению», против применения арестов тогда, когда можно ограничиваться иными мерами пресечения. 2 июня 1921 г. В. И. Ленин запросил заместителя председателя ВЧК И. С. Ушляхта о причинах ареста некоторых профессоров в Петрограде, бывших членов кадетской партии, и избрания ареста в качестве меры пресечения. Он писал: «Что является причиной ареста и почему именно арест избран мерой пресечения — они не убегут ведь». В. И. Ленин запрашивал, «выдаются ли ВЧК, Губчека или другими Чека мандаты не на персональные аресты, а на аресты «по усмотрению» и если выдаются, то каким именно (степень ответственности, должность, политическая зрелость) сотрудникам». На полученном сообщении со списком арестованных профессоров В. И. Ленин следил против ряда фамилий пометки: «Нельзя ли де хоть домашний арест? Нельзя ли иные меры пресечения средств уклонения? Они же не бегают ведь». Тогда же В. И. Ленин написал следующую записку:

- 1) в последнее время дается мандат «арестовать по усмотрению»
- 2) желательно персональные мандаты»¹⁷

Таким образом, В. И. Ленин видел обеспечение гарантий прав личности не только в вынесении следственными и судебными органами специальных процессуальных актов-ордеров или мандатов, но и в строгой индивидуализации их в отношении конкретных лиц.

Различные документы, записки и телеграммы В. И. Ленина, включенные в полное собрание его сочинений, свидетельствуют о том, что он чрезвычайно осторожно подходил к каждому факту привлечения к уголовной ответственности. С особой требовательностью, подходил к проверке фактов, послуживших основанием для ареста лица.

В апреле 1921 года В. И. Ленин писал по делу специалистов Свиры-строя: «По делу арестованных строителей гидростанции на Свири надо узнать:

- 1) в чьих руках и в какой стадии;
- 2) освобождены ли те, к которым не предъявлено до сих пор окончательного обвинения;
- 3) — тоже те, кого можно освободить условно;
- 4) солидно ли поставлена техническая экспертиза обвинения?»¹⁸

Арест обвиняемого допускается лишь при очевидной виновности и лишь при условии, если есть достаточные основания полагать, что оставленный на свободе обвиняемый скроется сам или может скрыть следы преступления.¹⁹ В одном из документов В. И. Ленин писал, что «останить в тюрьме можете только тех, против кого имеете улики»²⁰

В. И. Ленин относился исключительно чутко и внимательно к рас-

¹⁶ СУ РСФСР 1917 г. № 9, ст. 145.

¹⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 52, стр. 244.

¹⁸ Там же, стр. 178—179.

¹⁹ СУ РСФСР 1919 г. № 31, 32, ст. 326.

²⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 50, стр. 216.

смотрению многочисленных заявлений граждан, подвергшихся обвинениям и аресту. Причем он установил строжайший порядок прохождения жалоб в аппарате СНК 18 января 1919 года. Ленин писал Управляющему делами Совета Народных Комиссаров: «Предписываю Вам немедленно докладывать мне о всех жалобах, поступающих в Управление делами Совета Народных Комиссаров, на все правительственные места и лица, причем жалобы, поступающие в письменном виде должны быть мне докладываемы в течение двадцати четырех часов, устные — в течение сорока восьми часов».²¹ В ответ на жалобу Чернышова, Сорокина, Семенова и Германа о том, что они сидят 5 месяцев в тюрьме без следствия Ленин поручил 9 апреля 1919 года Казанскому губисполкому немедленно проверить жалобу и представить объяснения.²²

Чуткость и внимательность, а также человечность и гуманность проявляется во многих указаниях и высказываниях Ленина по уголовным делам. 7 декабря 1918 года В. И. Ленин направил телеграмму Тамбовскому губисполкому: «Получил жалобу Ивана Богданова на арест его сына Владимира, 17 лет, больного бронхитом, за саботаж. Пересмотрите дело, проверьте болезнь, неопытность, молодость арестованного, особенно расследуйте, не были ли настоящими саботажниками 30 служащих земельного комиссариата, которые отказались от работы, взвалив ее на Богданова. Результаты проверки телеграфируйте».²³

«Тон Карл Моор, швейцарец, прислал мне, — писал В. И. Ленин в телеграмме от 3 декабря 1918 года, — длинное письмо с просьбой освободить Пальчинского, ибо он де крупная техническая и организационная сила, автор многих трудов и т. п. Я слышал и читал о Пальчинском как спекуляторе и пр. во времена Керенского. Но я не знаю, есть ли теперь данные против Пальчинского? Какие? Серьезные? Почему не применен к нему закон об амнистии? Если он ученый, писатель, нельзя ли ему — в случае наличия серьезных улик против него — предоставить условия особо льготные (например, домашний арест, лаборатория и т. п.) Прошу мне ответить письменно и немедленно».²⁴

В. И. Ленин нередко лично осуществлял контроль за окончательным разрешением жалоб граждан по вопросам незаконного или необоснованного обвинения и ареста. Это наглядно видно из телефонограммы Ленина от 11 ноября 1918 года председателю ВЧК Ф. Э. Держинскому: «Я запросил сегодня утром сведений о том, почему не освобожден Кирилл Семенович Гинзбург, несмотря на то, что его берут на поруки два члена Российской Коммунистической партии большевиков — Дауге и Жуховицкий, а равно сведений о том, кто из членов ВЧК и когда заявил, будто не могут найти Гинзбурга, хотя он содержится в Бутырках. Сведения эти я затребовал к вечеру 11 ноября. До сих пор, 11 1/2 часов, ответа не имею. Повторяю еще раз требование. Пред. СНК Ленин».²⁵

В 1920 году В. И. Ленин получил телеграмму заведующего Унаробгаза из Болхова, в которой сообщалось о его аресте за предложение об исключении из партии одного из уездных работников. Он собственноручно написал на этой телеграмме: «Арестованного освободить немедленно. О причинах ареста представить объяснение по телефону, а затем и письменно прислать в Цека все материалы об этом деле».²⁶

Гуманизм В. И. Ленина проявился и в требовании шире практиковать личное поручительство взамен ареста. Постановление Совета Ра-

²¹ Там же, стр. 245.

²² Там же, стр. 278.

²³ Там же, стр. 216.

²⁴ Там же, стр. 214—215.

²⁵ Там же, стр. 203—204.

²⁶ Там же, т. 51, стр. 144.

бочей и Крестьянской обороны, принятое с учетом предложений В. И. Ленина, предоставляло народным комиссариатам, губернским и городским комитетам Российской Коммунистической партии право не только участвовать в следствии об арестованных чрезвычайными комиссиями граждан, но и освобождать из под ареста тех арестованных, за которых поручается 2 члена коллегии комиссариата или 2 члена комитета РКП. Такое же право было предоставлено городским Советам рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, местным и центральным профессиональным Союзам.²⁷ В телеграмме Казанской ЧК В. И. Ленин писал: «Сообщите телеграфно причины ареста Николая Всеволодовича Первушина, преподавателя факультета общественных наук, и ваше заключение: нельзя ли освободить под поручительство нескольких коммунистов, коих укажет его мать Залесская-Первушина».²⁸

Важную гарантию прав личности граждан В. И. Ленин видел в институте поиятых. По его настоянию на многие следственные и судебные действия принудительного характера было распространено участие поиятых.

Большое значение В. И. Ленин придавал правильно поставленному обвинению. Он считал, что для обвинения и ареста недостаточно наличие только процессуальных оснований, но требуются и фактические данные. Красной нитью через все высказывания Ленина проходит забота о соблюдении революционной социалистической законности.

В письме Курскому по делу о преступной волоките и бездеятельности в научно-техническом Отделе и Комитете по делам изобретений В. И. Ленин выражает неудовлетворение оправдательным приговором суда при доказанности вины.²⁹ По делу о хищениях из Государственного хранилища ценностей РСФСР (ГОХРАН), возбужденному по его личному указанию, В. И. Ленин 19 августа 1921 года писал: «т. Уишлихт! Прошу Вас поручить кому следует представить мне: 1. Точные справки, каковы улики и 2. Копию допроса или допросов по делу Певзанова (в Петрограде) и Шелехеса (в Москве). Я уже об этом писал. Поставьте кому следует на вид, чтобы не опаздывали впредь».³⁰

3 января 1918 года было принято сформулированное В. И. Лениным Постановление СНК РСФСР, седьмой пункт которого гласил: «Всеякие задержания должны влечь за собой обязательное предание суду, или быть прекращаемы».³¹ В этой норме сформулирован основной принцип нового уголовного процесса, гарантирующий неприкосновенность личности, обоснованность задержаний, ареста, так же обоснованность предъявления обвинения.

В. И. Ленин придавал громадное значение праву жалобы граждан на незаконные действия должностных лиц и на стеснение или незаконное ограничение прав граждан. В то же время он требовал высокой ответственности должностных лиц за допущенные нарушения прав граждан. Члену Иркутского губисполкома Баку была послана 5 декабря 1921 года телеграмма В. И. Ленина, в которой требовалось немедленно выяснить причины заключения в Иркутскую тюрьму рабочего Котова из Черемховского хозотдела. В ней далее указывалось, что если причиной ареста послужила жалоба Котова ему (т. е. Ленину) на неправильность выборов в Черемховский горсовет, то «...немедленно освободить, привлечь к суду и чистке виновников арестов, кто бы ни были».³²

²⁷ СУ РСФСР 1918 г. № 94, ст. 94.

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 154.

²⁹ Там же, т. 54, стр. 220—221.

³⁰ Там же, т. 53, стр. 130—131.

³¹ Ленинский сборник XXI, стр. 114.

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 60—61.

В. И. Ленин, несмотря на свое высокое положение в партии и правительстве, считал невозможным вмешательство в разрешение конкретных дел. «Мне нельзя, — писал В. И. Ленин, — никоим образом вмешиваться в это и подобные дела, и вся помощь, которую Вы можете оказать просителям, должна состоять в «юридической» им помощи, т. е. научить их (и помочь им) воевать за свое право по всем правилам законной в РСФСР войны за право»²². Именно в войне за свое право Ильич видел одну из гарантий обеспечения неприкосновенности личности, ограждения индивида от произвола.

Постановление VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов, «О точном соблюдении законов», принятое в ноябре 1918 года, вменяло в обязанность всем должностным лицам и советским учреждениям составлять протокол по требованию любого гражданина республики, желающего обжаловать их действия, волокиту или чинимые ему в его законных притязаниях затруднения²³.

Таким образом, к деятельности органов предварительного следствия и дознания с самого начала В. И. Лениным предъявлялись требования законности, полноты, всесторонности и объективности.

В. И. Ленин принимал личное участие в составлении первых декретов о суде № 1 и № 2, уголовно-процессуальных кодексов РСФСР 1922 и 1923 годов, положивших начало уголовному процессу социалистического типа. Особую ценность представляют для нас указания В. И. Ленина, данные им в письме Курскому, в связи с подготовкой первых советских кодексов. «Все, что есть в литературе и опыте западноевропейских стран в защиту трудящихся, взять непременно»²⁴.

Возникший новый уголовный процесс советского государства характеризовался подлинным социалистическим демократизмом с его действительными, а не формальными гарантиями прав личности в обществе.

Значение ленинских положений о гарантии прав личности заключается в том, что он показал, что обвинение и арест лица — не только вопрос юридический и процессуальный, но и вопрос большой государственной политики. Малейшее отступление от этих ленинских указаний, как об этом свидетельствует практика середины 30-х годов, приводит к грубейшим нарушениям социалистической законности и прав советских граждан²⁵.

В результате нарушения законности при производстве предварительного расследования и применения недозволенных методов следствия многие честные, преданные делу социализма граждане были необоснованно арестованы и привлечены к уголовной ответственности как враги Советской власти. В числе необоснованно репрессированных в то время лиц были партийные, государственные и общественные работники Горно-Алтайской автономной области: Хабаров Павел Семенович, Новаковский Марк Юрисович, Сафронов Сергей Сергеевич, Алагизов Иван Савельевич, Пьянков Иван Васильевич, Меджит-Иванов Никита Федорович, Ялбачев Михаил Иванович, Таушканов Леонид Павлович, Горлатов Антон Григорьевич, Толток Иван Семенович и ряд других.

В то время были также необоснованно репрессированы представители отдельных отраслей народного хозяйства и культуры Горного Алтая: писатель Чагат-Строев Павел Александрович, инженер Манеев Гри-

²² Там же, т. 53, стр. 149.

²³ СУ РСФСР 1918 г., № 90, ст. 908.

²⁴ В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 44, стр. 412.

²⁵ См. работу коллектива авторов «Теория судебных доказательств в советском уголовном процессе», под ред. Н. В. Жогина, часть общая; и статью Н. В. Жогина в журнале «Советское государство и право», 1965, № 3, стр. 22—31.

горий Николаевич, заведующий облоно Катенев Николай Григорьевич, заведующий областным архивом член ВКП(б) с 1905 года Колотов Федор Пименович и некоторые другие³⁷.

Проводя курс на дальнейшее развитие социалистической демократии, партия на XX съезде решительно осудила культ личности, который выразился «...в необоснованных репрессиях и других нарушениях социалистической законности, нанесших ущерб нашему обществу»³⁸.

Центральный комитет КПСС принял решительные меры, направленные на восстановление ленинских норм партийной и государственной жизни и на укрепление социалистической законности. Органами предварительного следствия и суда некоторые уголовные дела были пересмотрены и многие лица, в том числе указанные выше, признаны невиновными и по суду реабилитированы, т. е. им возвращено доброе имя и они восстановлены в своих правах. В соответствии с указаниями ЦК КПСС были упразднены особые совещания и другие органы внесудебной репрессии и установлен принцип, согласно которому никто не может признан виновным в совершении преступления и подвергнут наказанию, иначе как по приговору суда (ст. 7 Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик). Были отменены законы от 1 декабря 1934 года и 14 сентября 1937 года об особом порядке рассмотрения уголовных дел по политическим преступлениям.

Ленинские указания о гарантиях прав личности легли в основу той большой работы, которая проводится нашей партией и советским правительством по укреплению социалистической законности после XX съезда КПСС.

В 1958—1961 годах была проведена кодификация уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Главной особенностью этих актов является то, что в их основу положены нормы и институты, разработанные при жизни В. И. Ленина: восстановлено сочетание методов принуждения и убеждения в уголовном судопроизводстве; упразднены несудебные органы репрессии; восстановлены и расширены процессуальные гарантии прав личности граждан; восстановлен прокурорский и судебный надзор и приняты меры по усилению контроля Партии и Правительства за деятельностью органов следствия и суда.

В главах VI—XVII нового УПК РСФСР предусматривается 22 случая внесения решения, т. е. постановления органами предварительного расследования, из них в 17 случаях законодатель требует мотивировки принимаемого решения. Это соответствует указанию В. И. Ленина «поставить обвинение разумно, правильно, в меру»³⁹. В уголовном процессе это значит, что обвинение должно быть законным и обоснованным.

Обеспечение гарантий прав личности требует, чтобы акты предварительного расследования, кроме того, были мотивированными, логичными, определенными (конкретными и четкими), полными. Отсутствие в акте предварительного расследования хотя бы одного из этих моментов снижает его качество, а в отдельных случаях лишает процессуальный акт его юридической силы.

Практика работы органов предварительного расследования Горно-Алтайской автономной области за последние годы является ярким под-

³⁷ Уголовные дела в отношении указанных лиц в 1955—1956 годах Президиумом Алтайского краевого суда были пересмотрены и прекращены производством за необоснованностью предъявленного им обвинения.

³⁸ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции» Тезисы Центрального комитета КПСС, Госполитиздат, 1967.

³⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 88.

тверждением правильности генеральной линии нашей партии в области укрепления социалистической законности и охраны прав советских граждан.

Автором настоящей статьи был проведен анализ качества следственной работы в автономной области за 1956—1967 годы. Результаты изучения этого вопроса позволяют сделать вывод о том, что органами предварительного расследования в абсолютном большинстве граждане привлекаются к уголовной ответственности и заключаются под стражу на законных основаниях. Достаточно сказать, что из общего числа преданных суду лиц осуждено в 1956 году 98,4% лиц, в 1960 году — 99,0%, в 1965 году — 99,7% лиц.

Из 309 изученных автором уголовных дел, рассмотренных народным судом гор. Горно-Алтайска, по 269 делам или 86,1% выводы органов предварительного расследования и суда о вине и квалификации преступлений полностью совпали. Только по 43 делам позиции следствия и суда несколько разошлись, но и по этим делам не был вынесен ни один оправдательный приговор. Из числа арестованных лиц с санкции прокурора в автономной области были признаны виновными и осуждены судом в 1956 году 98,6%, в 1960 году — 99,3%, в 1965 году — 99,7% лиц.

Задача уголовного судопроизводства заключается не только в осуждении виновных, но и в полной реабилитации невиновных. В 1956—1967 годы органами предварительного расследования автономной области прекращалось из числа оконченных расследованием дел от 10 до 15,6 процента по мотивам отсутствия события или состава преступления.

Законное и обоснованное прекращение уголовного дела следователем — акт своевременной реабилитации невиновного, равнозначный оправдательному приговору. Следователем прокуратуры Онгудайского района было возбуждено уголовное дело по факту убийства 21 августа 1965 года гр-ки Мощенко Виталия. Расследование показало, что сам потерпевший, будучи в нетрезвом состоянии, избил жену, повалил ее в придорожную канаву и сидя на ней, дважды ударил ее ножом. Мощенко Мария (жена) вырвала у него нож и нанесла удар по бедру мужа — повредила бедренную артерию. Мощенко скончался на месте от обильного кровотечения. Следователем была дана совершенно правильная юридическая оценка деяния, совершенного гражданкой Мощенко. Ее действия признаны необходимой обороной и дело было прекращено следователем за отсутствием в действиях гр-ки Мощенко состава преступления.⁴⁰

Из года в год укрепляется законность, гарантия прав личности граждан обеспечивается по абсолютному большинству уголовных дел. Тем не менее из практики органов предварительного расследования еще не изжиты факты незаконного и необоснованного обвинения и ареста. По Горно-Алтайской автономной области в 1956 году оправдано 1,6 процента преданных суду лиц, в 1960 году — 0,9%, в 1965 году — 0,3%. Освобождено из под стражи в связи с прекращением дела в 1956 году — 1,4% арестованных, в 1960 году — 0,7%, а в 1965 году — 0,3%. Допущение следственными органами брака даже по незначительному количеству дел является нетерпимым и должно вызывать законную тревогу и озабоченность, т. к. неправильное привлечение лица к уголовной ответственности и арест опасно не только теми прямыми последствиями, которые они влекут для конкретного лица, но и отрицательными общественными последствиями: оно подрывает веру в авторитет следственного аппарата, в незыблемость социалистической законности и правопорядка. В этом можно убедиться на таких примерах. Прокуратурой Турачак-

⁴⁰ Текущий архив Горно-Алтайской областной прокуратуры. Дело № 5—25 за 1965 г., стр. 19, 38, 39.

ского района в свое время гр-ну Л. было предъявлено обвинение в умышленном убийстве инженера П. Он был арестован и суд признал его виновным и осудил к 10 годам лишения свободы. Гр-н Л. отбыл наказание, но и после этого категорически отрицал свою вину и требовал дополнительного расследования. Повторное расследование показало, что убийство инженера П. совершил не гр-н Л., а гр-н К.

Работники Кош-Агачского районного отдела милиции 10 апреля 1965 года задержали гр-на К., подозревая его в ограблении Якушнова и без санкции прокурора продержали в КПЗ в течении 6 дней. Только на 7-ой день они обратились к прокурору за санкцией, но прокурор в санкции на арест отказал, т. к. участие К. в ограблении не было доказано. Через недолгое время работники, которые возбуждали вопрос об аресте К., сами пришли к выводу, что он невиновен и дело в отношении К. прекратили производством.⁴¹

Факты незаконного и необоснованного обвинения и ареста граждан в большинстве своем допускаются в результате неполноты и необъективности проведенного следствия, когда органы предварительного расследования оставляют без глубокой проверки довод обвиняемого. В Кош-Агачском районе был арестован гр-н Б. в связи с возникшим против него подозрением в совершении им тяжкого преступления. На следствии он отрицал свою вину и выдвинул алиби, т. е. утверждал, что он не мог совершить это преступление, т. к. в это время находился в другом месте. Алиби Б. своевременно не было проверено, а позже оно подтвердилось и Б. был освобожден из-под стражи. Справедливость восторжествовала. Но Б. необоснованно содержался под стражей ровно месяц.⁴²

Некоторые следователи считают признание обвиняемого «царицей» доказательством и в силу этого не уделяют достаточного внимания проверке признательных показаний, что приводит также к исполноте следствия и к необоснованному обвинению и аресту. Органы предварительного расследования Турачакского района арестовали подростков П. и С. в подозрении на кражу вещей из детсада и детяслей. Основанием для ареста послужило только личное признание подозреваемых. Дальнейшее расследование дела показало, что в действительности эти преступления были совершены гр-кой Чупахиной, у ней же были обнаружены и изъяты похищенные вещи. Но эта «ошибка» обошлась дорого для подростков: они незаконно содержались под стражей в течение одного месяца.⁴³ В данном случае органы предварительного расследования пренебрегли элементарным требованием доказывания. Признание обвиняемого может быть положено в основу принимаемого следователем решения только в том случае, если факты, указанные в его показаниях, подтверждаются совокупностью собранных по делу доказательств.

Приведенные примеры никак не согласуются с ленинским принципом обеспечения процессуальных гарантий прав личности. Задача органов предварительного расследования заключается в том, чтобы устранить подобные недостатки в своей работе.

«Переход к коммунизму, — подчеркивается в Программе КПСС, — означает всемерное развитие свободы личности и прав советских граждан.»⁴⁴

Действительное обеспечение гарантий прав личности советских граждан вообще, и в уголовном судопроизводстве, в особенности, возможно лишь при условии глубокого изучения и использования на практике теоретических воззрений и практических указаний В. И. Ленина по этому вопросу

⁴¹ Там же. Дело № 5—22 за 1965 г., стр. 41—44.

⁴² Текущий архив Горно-Алтайской облпрокуратуры за 1965 г. Дело № 5—22, стр. 81.

⁴³ Там же. Дело № 5—22, стр. 14—15.

⁴⁴ Материалы XXII съезда КПСС, госполитиздат, 1962 г., стр. 400.

Ф. А. САТЛАЕВ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ У КУМАНДИНЦЕВ (XIX — начало XX в.)

В историко-этнографической литературе, как современной, так и дореволюционной, нет специальных работ, посвященных развитию земледелия у алтайцев. Лишь отдельные указания о мотыжном земледелии северных алтайцев находим мы в работах В. И. Вербицкого, В. В. Радлова,¹ С. П. Швецова,² Н. Б. Шерра³ и Н. Богатырева.⁴ При этом все они отмечают, что оно находилось в крайне примитивном состоянии. Изучение архивных исторических документов XIX — начала XX вв., а также некоторых литературных источников дает основание утверждать, что эта отрасль хозяйства кумандинцев в своем развитии достигла довольно высокого уровня, благодаря влиянию русской земледельческой культуры и тесному трудовому контакту с русскими крестьянами.

В историко-этнографической литературе советского периода рассматриваемой проблеме посвящены отдельные работы Л. П. Потапова.⁵

Данная работа является попыткой показать развитие земледелия у кумандинцев, пути сближения и культурные связи алтайского народа с русским. Изучение этих процессов имеет, на наш взгляд, большое научное значение и практический смысл. При написании этой статьи использованы как перечисленные выше литературные источники, так и архивные материалы XIX — начала XX вв., собранные автором в г. Томске, Барнауле, Ленинграде, а также полевые материалы, записанные от пожилых людей.

Территория, занимаемая кумандинцами, расположена в северо-восточной части Горного Алтая по среднему течению реки Бии и по ее притокам: Неня (правый приток), Коже (левый приток). Южная граница занимаемой ими территории проходит по нижнему течению реки Иши (правый приток реки Катунь). По современному административному делению они расселяются в Солтонском, Красногорском районах Алтайского края и частично в Турачакском районе Горно-Алтайской автономной области. Довольно значительная группа кумандинцев проживает в Таштагольском районе Кемеровской области. Общая численность кумандинцев по переписи 1926 года составляла 6327 чел.⁶

¹ W. Radloff. Aus Sibirien. Bd I. Leipzig, 1893.

² С. П. Швецов. Горный Алтай и его население, т. 1, вып. 1, Барнаул, 1900.

³ Н. Б. Шерр. Алтайский сб. т. V, Барнаул, 1903.

⁴ Н. Богатырев. Алтайский сб.; т. IX, Барнаул, 1906.

⁵ Л. П. Потапов. Этнографический очерк земледелия у алтайцев. Сибирский этнографический сб., т. XVIII, вып. 1, М.-Л., 1952. Разложение родового строя у племен Северного Алтая. М.-Л., 1935 г.

⁶ Всесоюзная перепись 1926 г. т. VI, М., 1928, стр. 16.

В прошлом они подразделялись на две большие группы: верхние (ёре куманды) и нижние кумандицы (алтына или түбере куманды). В основу такого разделения был положен территориальный признак. Та часть, которая жила в верхнем течении р. Бии, начиная от устья р. Лебеди вплоть до с. Макарьевка, получила название «ёре куманды»; расположенные ниже по течению Бии и в системе рек Неня, Сузон, Кожя и Иша — «алтына», или «түбере куманды», что означает буквально «нижние кумандицы».

Большинство верхних кумандицев проживало по берегам Бии, вдоль которых тянутся грядой горные хребты. Самыми высокими среди них являются Сикюха (Кизил-тая), Ажи (Ажыг) и другие, склоны которых покрыты древесной растительностью: сосной, елью, пихтой, березой, осинной. Поэтому здесь сравнительно мало пахотных и сенокосных угодий. Этим, вероятно, и обуславливалось различие в их хозяйственном развитии.

Нижние кумандицы живут, главным образом, в степной части предгорного Алтая, которая представляет собой сильно пересеченную местность, богатую сенокосными и пахотными угодьями.

Кроме указанной территории, так называемые «оседлые кумандицы» расселялись по нижнему течению р. Катунь. Впрочем, в одном из исторических документов первой четверти XIX в. имеются указания о том, что кумандицы занимали когда-то совершенно другую территорию. В этом документе речь идет, видимо, о карте, составленной в XVIII в. В нем говорится: «Черта, проведенная (на карте — Ф. С.) желтою краскою, по которой означаются стойбища кумандинских татар, которая начинается от устья реки Талицы, впадающей с правой стороны в реку Чарыш от оной через реки Чечулиху и Плесовчиху, потом через вершины ключа на устье Загрим, впадающей с левой стороны в речку Белу от оной на вершины реки Куртучахи по оной до устья ея».⁷ По всей вероятности, в XVIII и в начале XIX вв. часть кумандицев кочевала между реками Катунью и Чарышом, и впоследствии переселилась. Эти архивные указания подтверждаются и фольклорными данными. Так, в легенде, записанной проф. Л. П. Потаповым в 30-х годах у кумандицев, значителен, что во времена господства ойратов (Джунгарии) кумандицы расселялись на устье р. Чарыша и не делились там на верхних и нижних (ёре и алтына куманды). Такое разделение произошло после переселения кумандицев на р. Бию.⁸ Однако в более ранних документах, например, в чертежной книге Ремезова,⁹ кумандицы отмечены между реками Неня, Куманды и Лебедь. Видимо, переселение части каких-то родоплеменных групп с Чарыша на Бию произошло уже тогда, когда на Бие сложилось основное ядро кумандицев.

Относительно происхождения этнонима «куманды» нет твердо установленного мнения. Некоторые исследователи считают, что кумандицы сами себя называют «куу-кижи», т. е. лебедский человек, что едва ли соответствует истине. Здесь безусловно прав Л. П. Потапов, согласившийся с мнением проф. О. Притсака, что термин «куман» в наименовании кумандицев адекватен названию половец и кыпчак.¹⁰ Следует отметить только, что иногда кумандицы сами себя называют «татар-кижи», т. е. татаринном, вероятно, по аналогии с русским названием «татары».

⁷ Государственный Архив Алтайского края (сокращенно ГААК). ф. 2, оп. 2, л. 329, л. 21, 24.

⁸ Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. АН СССР. М.-Л., 1953, стр. 254—255.

⁹ С. Ремезов. Чертежная книга Сибири 1701 г., СПб, 1882, л. 22.

¹⁰ Л. П. Потапов. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк, Ленинград, 1969, стр. 59—60.

В основу административного управления кумандинов царское правительство положило не территориальный, а родовой принцип. Несколько родов входили в одну волость, во главе которой стоял заисан с подчиненными ему демичами — представителями родов. Члены одной волости не были связаны какой-то определенной территорией. Часто они проживали в селе, которое административно относилось к другой волости. В определенном населенном пункте могли проживать представители 2—3-х родов, и каждый из них подчинялся строго своему волостному начальству. Наиболее наглядно это подтверждается материалами статистической переписи 1897 года. Например, жители сел Пильна и Улала одинаково числились как в Быстринской инородческой управе, так и в Нижне-Кумандинской волости, а часть населения сел Бехтемир и Пешпер одновременно значилась и в Тогульской и в Нижне-Кумандинской волостях. В селе Паспаул, расположенной на территории тубаларов, проживали члены трех волостей: Быстринской, Комляжской и Нижне-Кумандинской. То же самое можно сказать относительно сел Верхне-Кумандинской волости.¹¹ И Богатырев, комментируя мнение поземельно-установительной комиссии, рассматривавшей летом 1906 г. проекты земельных наделов у нижних кумандинов, писал, что «комиссия также имела в виду, что известная и довольно значительная часть кумандинских инородцев живет вне аилов своей волости — все они сохранили полную связь с территорией, состоящей в пользовании всей волости, имея неоспоримое право занимать земли в любом аиле»¹² Такое положение существовало до 1912 года, когда царское правительство упразднило заисанат и заменило его точной копией русского волостного управления.¹³ Созданные вновь волости были образованы по территориальному признаку.

В состав русского государства кумандинцы вошли в 1629 году. По-видимому, число кумандинских родов в XVII в. по сравнению с настоящим временем было незначительным и включало всего лишь 4 рода (сёёк). Каждый род представлял из себя отдельную административную единицу. Таким образом, из четырех кумандинских родов были составлены следующие волости: кумандинская, солунская, керсагальская и чебатская, которым соответствуют современные сеоки кумандинов: куманды, шабат и ныне исчезнувший сеок кырсагал.¹⁴

В связи с этим следует отметить, что до сих пор кумандинцы называют русских в отличие от южных алтайцев не «орус», а «казак-кижи» (множ. ч. казактар), т. к. в XVII в. первыми представителями русского народа были казаки и название «казак-кижи» сохранилось за русскими до наших дней.

Мотыжное земледелие на Алтае было известно с глубокой древности. Археологическими раскопками установлено наличие древней оросительной системы в различных районах Среднего и Южного Алтая: в степи Тётё — в Курайской долине, в долине р. Урсула — между р. Куратой и селом Шишикман, в долине р. М. Ильгумен — около села Ха-

¹¹ С. Натканов. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, т. II, СПб, 1911, стр. 210—211, 213—215. См. подстрочные примечания.

¹² И. Богатырев. Алтайский сб., т. IX, стр. 7—8.

¹³ Л. П. Потапов. Указ. книга, стр. 364.

¹⁴ Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., АН СССР, М., 1960, стр. 104, 111, Л. П. Потапов. Указан., книга, стр. 115—116, см. подстрочные примечания.

баровка и в долине р. Б. Ильгумен — около села Купчиген. Кроме того, в курганах VIII—IX вв, раскопанных около села Катанды в 1865 году и около села Тобажан, найдено ручное земледельческое орудие мотыга (абыл) в виде подтреугольной лопатки.¹⁵

Северный Алтай в археологическом отношении изучен слабо, и здесь пока не обнаружены археологические памятники, свидетельствующие о древности возникновения земледелия. Ко времени присоединения северного Алтая в состав русского государства почти все племена северных алтайцев занимались земледелием. Об этом имеются многочисленные указания в русских исторических документах XVII—XVIII вв. Продуктами земледельческого труда кумандинцы платили алман джунгарам. Так, в 1675 году сборщики алмана из Джунгарии побывали в кумандинской волости, ограбили кумандинцев и, наполнив 11 додок ячменем, вернулись обратно.¹⁶ Позднее (1742 г.) геодезист, поручик Шинков также сообщал в своем рапорте майору Книндерману о том, что северные алтайцы занимаются земледелием. Прямые указания из ограниченного занятия земледелием кумандинцев имеются у инженера капитана Плаутина.¹⁷

В отличие от южных алтайцев племена северного Алтая умели сами изготовлять важнейшее при мотыжном земледелии орудие труда — абыл (мотыга), который в числе других изделий из железа они обменивали на тулумы и войлок приезжавшим к ним из района р. Кана алтайцам.¹⁸

Наличие в лексике кумандинцев таких слов как «чадан» (арыш) — рожь, «арбаз» — ячмень, «пугдей» — пшеница, «сула» — овес, «таран» — прося свидетельствует о том, что эти культуры были известны им также с древних времен.

Ниже мы постараемся показать процесс перехода кумандинцев от мотыжного земледелия к плужному, как на архивном материале XIX—начала XX вв., так и на основе литературных данных и собственных полевых записей.

Как свидетельствуют исторические документы XIX в., уровень развития земледелия кумандинцев был крайне низким. Именно об этом сообщал инженер Сметанин в своем донесении в 1817 году. Он отмечал, что кумандинцы «занимаются хлебопашеством, однако же не в такой степени, как бы крестьяне».¹⁹ На занятие кумандинцев земледелием указывает также и геолог Гельмерсен. Он писал, что татары эти ведут оседлую жизнь, живут деревнями и занимаются хлебопашеством, скотоводством, рыболовством и охотой».²⁰

В XIX в. кумандинцы преимущественно сеяли ячмень и рожь, реже пшеницу, а из технических культур — лен и коноплю. Сеять начинали в мае. Этот период нашел свое отражение в кумандинском хозяйственном календаре и назывался «кыра сурчин ай», т. е. месяц вспашки пашни. Из-за сильного затенения и сырости лесных доли пашню выбирали на южных склонах гор и в солнечных прогалинах тайги, т. е. на вершинах хребтов, наиболее доступных солнечным лучам. К тому же «крутой уклон горы, лежащей к полудню», гораздо легче взрыхлять абылом, чем

¹⁵ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 512—513.

¹⁶ Л. П. Потапов. Указан. книга, стр. 120.

¹⁷ Л. П. Потапов. Изучение алтайцев русскими учеными в дореволюционный период. Ученые записки, вып. 2. Горно-Алтайск, 1958, стр. 6—7.

¹⁸ Л. П. Потапов. Указан. книга, стр. 123, 125.

¹⁹ Архивные выписки П. Е. Талышева из ЦГИАЛ, папка 29, тетр. 3, стр. 85. Находятся они в архиве Горно-Алтайского научно-исследовательского института (ГАННИИЯЛ).

²⁰ Гельмерсен. Телецкое озеро и телеуты Восточного Алтая. Горный журнал, 1840, № 4, стр. 26.

пашню на равнине. Обработка пашни абылом по-кумандински называется «кыра шап шыгарга», что в буквальном переводе означает «выходить бить пашню».

Отдельные участки тайги, выбранные под пашню, выжигали. Более или менее хороший урожай на таком участке получали в течение трех—четырех лет, а затем почва истощалась, зарастала сорняками и его забрасывали.²¹ В дальнейшем он использовался под покос. Упомянувшийся Сметанин в своем донесении писал, что «нижнекумандинцы у Барды сеют ячмень не более полутора десятины. Землю вскапывают копарулями или мотыгами, подобно нешироким гребкам. Причем каждый год на новом месте, а прежнюю оставляют праздною».²² Такое же свидетельство находим у В. Радлова: «Они занимаются почти все без исключения земледелием, но возделывают землю мотыгой. Пшеницу сеют они мало, больше ячмень и рожь».²³ Эта мотыга называлась «абыл». Она представляла собой железную лопату круглой или треугольной формы, посаженную на согнутый под углом черенок.

Производительность труда при работе абылом крайне низка. Двое мужчин за день могли взрыхлить не более одного загона (1/12 часть десятины).²⁴ Поэтому размеры посевной площади не превышали 2—3 загонов (адыс). Зерно сеяли вручную, путем разбрасывания, что по-кумандински значит «аш чачарга» — буквально «хлеб разбрасывать». Боронили пашню вершиной суковатой лесины — «сала» — букв. сучья, которую привязывали к оседланной лошади. Сверху лесина придавливалась для тяжести камнями.²⁵

Часть кумандинцев, проживавшая около рек Иша и Ташта, после посева хлебов уходила в горы, чтобы не потравить хлеб скотом. Затем возвращалась ко времени уборки и жила на старом месте до следующего лета.²⁶

В июне приступали к прополке хлебов, отчего этот месяц был назван «удаг (одог) айы» или «кыра утаичын ай» — месяцу прополки хлебов.

Уборка урожая начиналась в августе, поэтому по-кумандински он назывался «кыра кесчин ай» — месяцу уборки урожая. Сметанин сообщал, что «хлеб с поля снимают, срезывая ножами одни только колосья» (мажак), которые затем связывались в небольшие пучки и вывешивались парами на жердях для просушки. Когда они достаточно просохли, приступали к молотье. Молотье была примитивной. Высохшие пучки обжигали на огне, затем отбрасывали их в сторону на небольшой расчищенный ток (уртун), где и обмолачивали их при помощи короткой деревянной палки, утолщенной на конце (топкак).²⁷ Обмолоченное зерно веяли на ветру при помощи деревянного полукруглого лотка — «саргач» или «эс». Саргач с зерном поднимали над землей и по нему зерно сыпало из него. Ветер относил в сторону плеву, оставляя зерно чистым.

Обмолоченное зерно кумандинцы хранили, по сообщению Т. В. Петрушевой, в специально устроенном для этой цели возвышении над землей (тастак, таскак). Состояло оно из четырех столбов, врытых в землю, сверху которых настилались жерди. Берестяной короб, наполненный

²¹ Л. П. Поталов. Этнографический очерк земледелия алтайцев. Сибирский этнографический сборник, т. XVIII, вып. 1, М.-Л., 1952, стр. 177.

²² Архив ГАННИИЯ.Л. тетр. 3, стр. 86—87.

²³ W. Radloff. Aus Sibirien, Bd I, стр. 362.

²⁴ Н. Б. Шерр. Из поездки к кумандинцам в 1898. Алтайский сб., т. V, Барнаул,

1903, стр. 92.

²⁵ Архив ГАННИИЯ.Л. тетр. № 3, стр. 85—87, С. П. Шевцов. Горный Алтай и его население, т. 1, вып. 1, Барнаул, 1900, стр. 283.

²⁶ Архив ГАННИИЯ.Л. тетр. № 3, стр. 87—89.

²⁷ Там же, стр. 87. Л. П. Поталов. Этнографический очерк земледелия у алтайцев, стр. 181, В. И. Вербицкий. Алтайские инородцы, Москва, 1893, стр. 23.

зерном, ставили на него и накрывали его обрешеткой из жердей, затем слоем бересты, которую придавливали дерном, чтобы не опрокинул ветер.²⁸ По другим сведениям, зерно хранили в специальной яме — «оро». Ширина и глубина ямы доходила до сажени. Стенки и дно ямы выстилались, для предохранения зерна от сырости, берестой или сеном, предварительно свитым в толстые жгуты — «толгок». Закрывалась она также берестой, а затем закидывалась дерном. Зерно в такой яме могло храниться больше года, не прорастая и не портясь. Но подобный вид хранения зерна не предохранял запасы хлеба от грызунов.

Различия этих сведений объясняются, на наш взгляд, тем, что в первом случае нашим информатором была Т. В. Петрушова, родом из села Каракан Солтонского района, расположенного по соседству с Шоррией. Именно у последних широко бытовал первый вид хранения зерна. Вполне возможно, что от них он перешел к кумандицам. Первые сведения о свайном или воздушном способе хранения зерна мы находим у Вербицкого. Однако он не указал, для кого именно был характерным этот вид хранения зерна.

Позднее более зажиточные кумандицы стали строить деревянные амбары по русскому образцу и хранить зерно в закромах.

Зерно молотли на ручной каменной зернотерке (пасаке) и на ручной мельнице (кол тербени). Каменная зернотерка — наиболее древний вид орудия для размола зерна. Она состояла из двух каменных плит. Длина нижней плиты (пасага) могла быть от 45 до 61 см, ширина — до 33 см, толщина — 6,5—7 см. Длина верхней плиты — «пасагтыл пиланы» — от 20 до 41 см, ширина до 15 см, толщина до 6,5 см. Работа на зернотерке крайне трудоемка и требует больших физических усилий. За день на одном пасাকে можно было намолоть лишь 6—8 кг муки. Из более мягкой части этой муки пекли хлеб, оставшуюся часть помола употребляли в качестве крупы. Из нее варили суп (урге).

Более производительной и требующей меньших затрат сил по сравнению с пасакком была ручная мельница — «кол тербени». Она состояла из двух жерновов круглой формы, наложенных друг на друга и укрепленных в углу дома или сеней на четырехугольной деревянной подставке, похожей на столик. Диаметр жерновов около 0,5 м, толщина — 6—10 см. Нижний жернов посажен неподвижно, верхний вращается на оси. Для вращения вделана специальная ручка длиной всего 10—12 см.²⁹ Такие жернова имелись в селах Егона, Шунарак, Богучак и других населенных пунктах. В день на «кол тербени» можно смолоть 16—20 кг зерна. Крупу толкли из ячменя, проса и овса в деревянных ступах (соко).

Наряду с мотыгой кумандицам было знакомо и плужное земледелие, зачатки которого, вероятно, были развиты у них еще до прихода русских крестьян в предгорный Алтай. Так, например, Н. П. Петрушев слышал от своего деда, что кумандицы имели деревянную соху (агач салда), сделанную из корня лиственницы, без сошника.³⁰

В целом уровень развития земледелия оставался у кумандицев крайне низким. Более интенсивных возможностей для развития земледелия не было. Склоны окрестных холмов и гор в первой половине XIX в. были покрыты лесом. Выжигать большие лесные массивы под пашню, а затем очищать их и обрабатывать мотыгой было непосильно мелким ин-

²⁸ Информатор Т. В. Петрушева, возраст 115 лет, с. Солуг, См. так же В. И. Вербицкий, Алтайские инородцы, М. 1893, стр. 23.

²⁹ Л. П. Потапов, Разложение родового строя у племен Северного Алтая, стр. 78—79.

³⁰ Информатор Н. П. Петрушов, с. о. куманды, 77 лет, село Елтош, Красногорского района, Алтайского края.

дивидуальным хозяйствам. В этих условиях земледелие у кумандинов не являлось основным занятием, а только выполняло подсобную роль. В одинаковой степени с земледелием у кумандинов было развито скотоводство, сбор съедобных корней, промысел кедрового ореха и тому подобное. Преобладающей формой хозяйственной деятельности их по-прежнему оставалась охота. По существу это хозяйство было комплексным и при отсутствии одной из форм хозяйственной деятельности оно испытывало серьезный недостаток. Недаром архаические черты в технике земледелия сохранились вплоть до Советской власти именно там, где отсутствовали естественные условия для развития земледелия, а были лишь крохотные участки, разбросанные по лесу и засеянные главным образом, ячменем. Последнее было наиболее характерным для верхних кумандинов.

В первой половине XIX века в связи с активным освоением края русскими крестьянами происходит быстрое уничтожение леса, что, в свою очередь, привело к исчезновению зверя. Этим самым была подорвана экономическая основа кумандинского хозяйства, в котором продукты охоты составляли одну из главных статей дохода. Уничтожение леса повлекло за собой и потерю охотничьих угодий — основного средства производства, без которого не могло существовать кумандинское хозяйство при крайне слабом развитии производительных сил. В этих условиях единственным выходом был переход к земледелию, т. е. к более передовой форме производства, наиболее надежному способу производства средств существования. Переход кумандинов к плужному земледелию не был, конечно, одновременным процессом. Вчерашний охотник не мог столь быстро бросить свое прежнее занятие и заняться полностью новым. В нем еще сильны были традиции охотника, складывавшиеся у него веками. Окончательно свои стародавние традиции они изжили лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

Дальнейшее развитие земледелия у кумандинов связано с активным освоением территории предгорного Алтая русскими крестьянами, передвижение которых вглубь Алтайских гор началось в начале XIX в. Часть местного населения (кумандины и телеуты) совместно с русскими крестьянами основывали села со смешанным русско-алтайским населением, к которым относятся села: Стретки (1802), Березовка, Быстринка (1804)²¹ и другие.

Здесь с самого начала прихода русских крестьян между алтайцами и русским населением установилось тесное трудовое сотрудничество. В 1811 году вблизи села Карагуж проживало несколько семей кумандинов. Один кумандинец купил у русских крестьян соху и борону (тарбач) и попросил одного из них научить его пахать землю. Русский крестьянин «почти совершенно его научил руководствоваться» сохой, после чего кумандинец сам вспахал себе пашню до полутора десятины.²² О трудовых взаимоотношениях алтайского и русского населения имеется ряд упоминаний в архивных документах, относящихся к первой четверти XIX века. Например, «в селе Боровлянском живут ясашные, (кумандины или телеуты — Ф. С.) вместе с крестьянами хлеб сеют, разводят скот, ясак платят деньгами, которые получают от продажи хлеба и зарабатывают от крестьянских услуг».²³ Наконец, здесь же мы находим прямые указания на то, что и среди кумандинских сел были такие, в которых земледелие было развито настолько, что появился даже излишек хлеба для продажи или обмена. Так, жители села «Танда (Ташта — Ф. С.) за избытком хлеб сверх пропитания своего продают на деньги и большей

²¹ ГААК, ф. 2, оп. 2, д. 329, лл. 7, 11, 12. ГАНИИИЯЛ, папка № 29, тетр. 3, стр. 71,

²² Архив ГАНИИИЯЛ, папка 29, тетрадь № 3, стр. 67.

частью променивают на пушной товар и орехи собратни свои, тем кон не занимаютс хлебопашеством.³⁴

Следовательно, одним из стимулов дальнейшего роста земледелия среди кумандинцев было возрастание спроса на хлеб. Кроме того, в связи с активным освоением края хищнически истребляли копытных зверей, в результате чего уменьшалось из года в год их число.

Сокращение количества зверей явилось следствием также частых лесных пожаров, от которых, по словам современников, выгорали даже целые селения: «...Здесь бывало уже много опытов, что от палов выгорали леса и целую почти весну и лето дым и дым застилает воздух. Мало того, были случаи, что выгорали от палов селения».³⁵ Вследствие этого понижалось потребительское значение охоты, которое, в свою очередь, подрывало экономическую основу кумандинского хозяйства, так как только охота на копытных животных обеспечивала семью основными продуктами питания и одеждой: мясо шло в пищу, а мех и шкура — на одежду. Утрата последнего обрекала семью на полуголодное существование. В такой обстановке кумандинцы начали по примеру русских крестьян увеличивать постепенно свои запашки. Этому способствовало также распространение среди них русской земледельческой техники, более совершенной по сравнению с кумандинской. Кумандинцы на практике убеждались в преимуществе русского способа обработки земли и старались перенять не только технику земледелия, но и приемы обработки земли, основанные теперь уже не на ручной силе, как раньше, а на тягловой. Полученные навыки они с успехом применяли на практике. Инженер Сметанин сообщал в 1817 году, что алтайцы, у которых кочевья были поблизости от крестьян, «применяясь к обыкновениям русских, принимаютс за хлебопашество не канарулями — а таким же образом, как производят то заводские крестьяне, не жалуясь при том нимаю на какое-либо стеснение от них».³⁶ Подобные указания мы находим в отчете Томского губернатора за 1865 год, в котором он пишет, что «ближайшие к месту жительства к русским селениям инородцы Бийского округа постепенно переходят к оседлому образу жизни, понуждаясь к этому примером (со стороны крестьян — Ф. С.), и уменьшением звериного промысла».³⁷ Аналогичные сведения мы находим в автобиографической повести миссионера Чевалкова, который писал: «Алар казак ошкон слалдабыла кыра сурун турылар»³⁸ (они сохой наподобие русской пахут пашню). О заимствовании кумандинцами сельскохозяйственных орудий у русских крестьян отмечал позднее и Н. Б. Шерр: «Земледелие среди них распространено весьма сильно, хотя и в небольших размерах, земледельческие орудия у них не редкость, все они заимствованы у русских».³⁹

С распространением русской земледельческой техники меняется и корне способ обработки пашни и уборки урожая. При распашке пашни вместо абыда используется соха, а вместо «вершины суковатой лесины» — деревянная борона (агач тарбаш), заимствованная от русских крестьян. Она имела деревянные зубья, сделанные из листовенницы, которые были вбиты в точках переплетения продольных и поперечных перекладин. При бороновании для тяжести борону придавливали сверху

³⁴ Там же, стр. 93.

³⁵ Там же, стр. 89.

³⁶ ГААК, ф. 163, оп. 1, д. 177, л. 1.

³⁷ П. Е. Тадеев. Поворотный пункт в истории Горного Алтая, сб. Великая дружба, Горно-Алтайск, 1956, стр. 34—35.

³⁸ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 7, ед. хр. 77, л. 12.

³⁹ Чоболкөптүн жүрүмү. Наречия тюркских племен, живущих в южной Сибири и Дзунгарской степи, ч. 1., С. Петербург, 1866 г., стр. 157.

⁴⁰ Н. Б. Шерр. Алтайский сб., том V, стр. 92.

чуркой. Наряду с ней применялась борона-плетенка из прутьев. Впоследствии деревянные зубья были заменены железными, благодаря чему улучшилось качество боронования.

Сеяли по-прежнему вручную. Вместо ножа при жатве применяли уже серпы (серип). Кумандинцы либо покупали серпы у русских, либо изготовляли их сами и продавали соседним племенам Горного Алтая. Указание на это встречается в автобиографической повести миссионера Чевалкова. Он писал, что теленгиты, проживающие по Чулышману, покупали серпы у кумандинцев.⁴⁰ О том, что кумандинцы, перенимая русскую земледельческую культуру, в свою очередь сами оказывали культурное влияние на другие племена северного Алтая, писал В. В. Радлов в своей книге «Aus Sibirien»: «Здесь повсюду можно заметить культурное влияние более высоко развитых кумандинцев на жизненный уклад черневых татар».⁴¹ Подобное утверждение содержится в дневнике А. В. Анохина за 1913 г. Он пишет, что «кумандинцы едва ли не первые из обитателей Алтая начали культивировать (земледелие — Ф. С.) по примеру русского крестьянина» — Далее А. В. Анохин добавляет, что «кумандинец опередил в этом отношении своих собратьев: алтайцев, шорцев и телеутов, живущих дальше от полосы русского населения».⁴²

Если раньше срезали лишь один колосья, и, связав в пучки, сушили на жердях, то сейчас сжатый хлеб связывали в снопы и ставили в суслоны. Когда они достаточно просыхали, их складывали в скирды. Приступали к молотье в октябре или декабре. Твердо установленных сроков для молотьи не существовало. Снопы перед молотьбой сушили в овинах (альмине). Ток (идирген) обливали водой и замораживали. Хлеб обмолачивали цепями (молитке), веяли на ветру, подбрасывая зерно деревянной лопатой (косак) вверх. Затем зерно просеивали на решете. Хранили хлеб в амбарах, построенных по русскому образцу.

После уборки урожай рожь алтына и брѣ куманды, совместно с проживающими среди них родами шорцев чедибер, калар и челей — устраивали празднество, посвященное духу охранителю — «эжик паймазы». Из свежемолоченного ячменя готовили брагу — «поза», из которой выкуривали самогонку и распивали ее в течение двух—трех дней. Празднование этого обряда сопровождалось кроплением «позо» духу-покровителю и особым зрелищным ритуалом Кочо-кан.

Во второй половине XIX в. по всей Западной Сибири пользовались переложной (залежной) системой полеводства. Обрабатываемые участки земли не удобрялись, по мере истощения их забрасывали в длительную залежь, а затем переходили на новые. Существенных изменений в технике земледелия и в способах обработки земли не произошло. Они оставались почти на том же уровне, как и в первой половине XIX в. Томский губернатор в своем отчете за 1875 год писал: «В способах обработки земли и уборки хлеба не видно никакого успеха... Система хлебопашества переложная, т. е. участок земли обрабатывается до тех пор, пока не истощится, а потом поступает в залежь. При вспахивании земли употребляют обыкновенную соху, небольшой двухколесный плуг и борону с железными и деревянными зубьями. Уборка хлеба производится серпами, косами и молотьбой».⁴³ Такое положение, видимо, объясняется тем, что в третьей четверти XIX в. земледельческие орудия не производились на Алтае. Более усовершенствованные земледельческие орудия доставлялись водным путем из центральных губерний страны, а это в свою очередь значительно повышало их стоимость. Мелкие крестьянские

⁴⁰ Чевалковтунг үрүмү... ч. 1, стр. 143.

⁴¹ W. Rabloff. Aus Sibirien. т. 1, стр. 365.

⁴² Архив ИЭ АН СССР, ф. 11, оп. 1, д. 77, стр. 30.

⁴³ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 69, ед. хр. 330, л. 30.

хозяйства не только кумандинов, но и русских не обладали средствами для приобретения их, поэтому большинство орудий земледелия кумандинов были более отсталыми и архаичными, чем у русских крестьян.

Усовершенствованные сельхозорудия в Бийский уезд начали ввозить с конца 70-х — начала 80-х годов XIX века. Однако в крестьянский быт более или менее широко они стали проникать только в конце 80-х — начале 90-х годов после того, когда местные кушари наладили их производство, что, в свою очередь, значительно удешевило их стоимость. Так, например, молотилки, изготовляемые в мастерской одного из бийских переселенцев, продавались по 180—250 рублей, сабаны — по 7—8 рублей, а веялки — по 12—20 рублей.⁴⁴ Однако купить их в начале могли только зажиточные хозяйства и лишь постепенно они начали входить в обиход среднего по достатку хозяйства. Отсюда наиболее широко среди кумандинов в последней четверти XIX в. были распространены пароконная соха — «двойчатка», известная в народе под названием «пльга», или просто «двойчатка», дуэральный сабан (сибирская колесуха) и кунгурская соха.⁴⁵

Соха-«двойчатка» состояла из двух сошников, идущих в раскошу, левый сошник был несколько шире правого и загнут под углом. Он резал землю по вертикали и горизонтально, а правый сошник только по горизонтали. При вспашке земля отваливалась направо при помощи деревянной отвалки (отцалке), прикрепленной передним концом к краю левого сошника и к стержню основания раскоши. Глубина вспашки регулировалась чечкой, вдеваемой в отверстие, сделанное в стержне. Корпус сохи прикреплялся к передку при помощи дышла, т. е. конец дышла накладывался на ось передка и зацеплялся так, чтобы мог свободно поворачиваться. Это давало возможность регулировать движение сохи во время пахоты.

С применением сохи увеличилась производительность труда. За день вспахивали свыше одной восьмой части десятины. Чтобы изрыхла бы абиллом такой же участок, двоим мужчинам потребовалось бы работать в течение 3-х дней. При обработке абиллом размер пашни исчислялся двумя—тремя загонами. С применением сохи он увеличился до 3,25 десятины на хозяйство.⁴⁶ Несмотря на это, земледелие у нижних кумандинов развивалось довольно медленными темпами. По далеко не полным данным 1898 года, засеяно было всего 578 четвертей, в 1911 году — 3503 четверти земли.⁴⁷ По-прежнему сеяли преимущественно пшеницу, рожь, овес, ячмень, но наряду с ними появляются и новые злаковые культуры, например, гречиха.

Одновременно с двойчаткой, по словам Н. Н. Петрушева, применялась соха с одним сошником и предплужником, известная под названием «одинарец». Позднее и эта соха была заменена более легкой сохой, получившей название у кумандинов «кунгурка».

С применением более усовершенствованных сельскохозяйственных орудий труда увеличилась и величина засеваемой площади. Всего луч-

⁴⁴ А. Б. Кунгурцев Алтайский сб. том V, стр. 40—41.

⁴⁵ См. Д. В. Найдич-Москаленко. О принципах классификации русских пахотных орудий. Советская этнография, 1959, № 1, стр. 38—52.

⁴⁶ Н. Богатырев. Об ореховом и звероловом промыслах кумандинских инородцев Бийского уезда Алт. сб., т. IX, 1908, стр. 4.

⁴⁷ Четверть — старинная мера земли — 40 сажень в длину и 30 — в ширину.

⁴⁸ Государственный архив Томской области (Сокращенно ГАТО), ф. 243, оп. 1, д. 202, л. 6—7, д. 439, л. 13—16.

⁴⁹ Термин «кочевые инородцы» существовал со времен реформы Сперанского, т. е. с 1822 г. К указанному сроку он стал архаичным. В конце XIX в. этим термином, вероятно, продолжали называть некрещенных кумандинов, фактически проживающих оседло.

ше об этом можно судить по данным статистической переписи 1900 года.

Для сравнения возьмем села Макарьевское и Алешкино, как наиболее земледельческие. Первое из них имело смешанное население, т. е. кумандинское и русское, а второе — кумандинское.

Всего в 1900 г. в с. Макарьевском насчитывалось 100 хозяйств, или 528 душ обоего пола. Размер засеваемой площади у них в 1899 году составлял 241,3 десятины земли. Из них 39 хозяйств кочевых инородцев сеяли 60,52 дес., а 22 хозяйства оседлых инородцев (кумандинцы — Ф. С.) — 85,14 дес., остальные 39 хозяйств приходилось на долю русского населения. Они сеяли 95,64 дес. В селе Алешкино имелось всего 16 хозяйств, или 86 душ обоего пола. Сеяли они в том же году 46,01 дес. земли.⁴⁸ Если мы разделим общее количество засеваемой площади русского населения с. Макарьевского на число их хозяйств, то увидим, что на каждое хозяйство приходилось по 2,46 десятины посевов, а в с. Алешкино на каждое хозяйство — по 2,87 дес. Сопоставляя эти данные с данными Н. Богатырева о том, что нижние кумандинцы «запахивают только 3,25 дес. для всех посевов», а верхние — всего лишь по 2,75 дес., можно сделать вывод: размеры посевной площади кумандинцев, включая зажиточные и кулацко-байские хозяйства, ничем не отличались от русского крестьянского хозяйства. Площадь посева не могла быть выше в единоличном кумандинском хозяйстве, основанном на отсталой и примитивной сельскохозяйственной технике. К этому следует добавить то, что как среди русского населения, так и среди кумандинцев имелись лица, не занимающиеся земледелием. Например, в том же с. Макарьевском 21 хозяйство кумандинцев и 17 русских не имели совершенно посевов. Однако, наряду с беспашенным, среди них было 16 хозяйств, размер посевной площади которых исчислялся в 5—10 десятин и в 4-х хозяйствах — 10—20 десятин.⁴⁹ В селах, где было наименьшее влияние со стороны русского населения, процессы земледельческого труда оставались все еще архаичными и сохраняли первобытный характер, о чем свидетельствует ниже приведенная таблица, наглядно характеризующая размеры посевов Верхнекумандинской волости.⁵⁰

№№ пп	Название сел	Общее кол-во хоз-в в 1900 г.	Размеры посевной площади 1899 г.
1	Саложкино	19	0,07 десятин
2	Шунарах	14	15,46 "
3	Бостоков	6	2,39 "
4	Сурдашев (Сурбашево — Ф. С.)	18	22,16 "
5	Ал. Подушкин	8	4,80 "
6	• Танькин	3	1,54 "
7	• Курлем	3	1,26 "

Безусловно, влияние русской земледельческой культуры стимулировало быстрый рост хлебопашества. Главная же причина отсталости земледелия верхних кумандинцев крылась в том, что на занимаемой ими территории отсутствовала удобная земля под значительные запашки. Те незначительные клочки земли, не занятые лесом, обрабатывались, в основном, под ячмень. Но это не значило, что верхние кумандинцы не были знакомы с плужным земледелием. Часть из них прожи-

⁴⁸ С. Швецов. Кочевники Бийского уезда, кумандинцы. Горный Алтай и его население, т. III, вып. IV. Барнаул. 1903, стр. 3—5.

⁴⁹ С. Швецов. Кочевники Бийского уезда. Кумандинцы, стр. 4.

⁵⁰ С. Швецов. Там же, стр. 2, 5, 10, 13, 18, 21.

вала в степных районах и ни в чем не отставала от своих сородичей. А в том, что посевы верхних кумандицев, проживающих в лесной зоне, были крайне незначительными, нет ничего удивительного, так как среди всего населения Горного Алтая около половины (49,2%) совершенно не имело никакого отношения к земледелию. Этот процент населения, не занятого сельскохозяйственным трудом, по данным С. П. Швецова, составлял; у калмык (южных алтайцев — Ф. С.) — 51,1%, у русских — 46,1% и у оседлых инородцев (кумандицев и телеутов) — 19,7%. По его расчетам, в среднем на одно сельскохозяйственное хозяйство приходилось по 1,1 десятины у калмык, по 3,4 десятины — у русских и по 4,6 десятины — у оседлых инородцев,⁵¹ т. е. у телеутов и кумандицев.

Более широкое развитие земледелие получило у нижних кумандицев, о чем наглядно свидетельствует нижеприведенная таблица, характеризующая общее количество засеваемой ими площади в 1890 году.⁵²

№№ пп	Села	Общее число хоз-в в 1900г.	Размер посеваемой площади (в дес.)	Хозяйств, не имеющих посевов	Хозяйства, занятые пушным промыслом
1	Богучак	42	169.	5	28
2	Кылташ	38	85,57	1	30
3	Елтош	29	220,29	2	27
4	Иртышкино	51	335,46	2	36
5	Егона	21	91,37	4	16
6	Озерки	26	116,07	4	17
7	Ужлен	50	184,62	12	11
8	Курлек	37	166,19	2	33
9	Сдрыково	46	182,47	1	36
10	Камыжак	25	42,28	17	13
11	Ташта	44	108,76	11	10
12	Нарлык	41	43,50	11	5

Таблица как нельзя лучше характеризует рост удельного веса земледелия в жизни нижних кумандицев.

Если в первой половине XIX века охота на пушного зверя занимала в жизни нижних кумандицев ведущее место, то в конце того же столетия она отходит уже на второй план. К концу XIX в. в вышеперечисленных селах имелись хозяйства, перешедшие полностью на земледелие. Главным образом это были кулацко-байские хозяйства, широко практиковавшие применение кабального и наемного труда. Размеры посеваемой площади и техника земледелия в этих хозяйствах мало чем отличались от русского кулацкого крестьянского хозяйства. Те же железные плуги и бороны, жатки-самосброски, молотилки и веялки нашли широкое применение среди них. Так, например, хозяйства, посевы которых составляли 10—20 десятин и выше, насчитывалось в селе Богучак — 3, в Иртышкино (Калар кужазы) — 11.⁵³ По переписи 1917 г. в хозяйстве Чезычакова Санпара, проживавшего в пос. Пешпер, имелось три бороны, плуг, жнейка-сноповязалка, конная молотилка, косилка, веялка. Всего посеяно было им 11,1 десятины.⁵⁴ Однако эти данные не всегда точно отражали действительную картину кумандинского хозяйства, так

⁵¹ С. П. Швецов. Прimitивное земледелие на Алтае. Зап Зап Сиб отд. русск. географ. общества, т. XXVII, 1900, стр. 4.

⁵² С. П. Швецов. Кочевники Бийского уезда. Кумандицы, стр. 146—193.

⁵³ С. П. Швецов. Кочевники Бийского уезда. Кумандицы, стр. 148, 164, 248.

⁵⁴ ГААК, ф. 233, оп. 1а, св. 49, д. 596, л. 16.

как опасаясь больших налоговых обложений, население часто скрывало действительные размеры засеваемой им площади и общее поголовье скота.

Несмотря на то, что отдельные кулацкие хозяйства сеяли свыше 20 десятин, посевы подавляющей массы кумандинцев составляли от 2,5 до 3,5 десятины. Вместе с тем, среди них были лица, не имеющие совершенно посевов, основным занятием которых была работа по найму. Наряду с ними были хозяйства, которые сеяли меньше одной десятины, примерно 2—3 загона. Наиболее наглядно об этом говорит нижеприведенная таблица.⁵⁵

№№ сл	Села	Размеры посевной площади в десятинах на хозяйство						
		менее 0,1	0,1—0,3	0,3—0,5	0,5—1	1—2,5	2,5—5	5—10
1	Бугучак	—	1	—	1	9	12	13
2	Кылташ	2	1	3	3	17	10	3
3	Елтош	—	1	—	—	—	9	20
4	Сарыково	—	1	1	2	5	5	13
5	Нарлык	5	—	—	6	10	10	1

1191

Например, из 42 хозяйств села Бугучак только два сеяли менее одной десятины, в Кылташе из 38 — девять, и Елтоше — всего одно, в Сарыкове — 4, в Нарлыке — 11. В противоположность им, в этих же селах зажиточные хозяйства кумандинцев запахивали под посев 5 и выше десятин, середняки — около 3—3,5 дес. Весьма любопытно, что даже у русских крестьян величина посевной площади не превышала этой цифры. В селе Караган среди кумандинцев проживал один крестьянин-старожил, всего он посеял в 1899 году только 3,5 десятины. Им были посеяны следующие культуры: озимой ржи — 1,13, пшеницы — 0,28, овса — 1,13, ячменя — 0,56 десятины. Кумандинцы этого села, в отличие от него, посеяли еще дополнительно яровую.⁵⁶ В среднем с десятины намолачивали: ржи 110 пудов, пшеницы — 90, овса — 120, яровой ржи — 70, проса — 20 и гречихи — 70 пудов.⁵⁷ Вполне понятно, что в хозяйстве, где хлеб шел, в основном, для нужд семьи, такого количества хлеба вполне хватало. Другое дело в зажиточных и кулацких хозяйствах, в которых излишек хлеба шел уже на рынок для продажи. Продавал его, в основном, черневым алтайцам. В. Ф. Чумакаев⁵⁸ рассказывал, что отец его часто ездил в села Елтош и Егона покупать хлеб.

Другой наш информатор, Басканак Назар, подчеркивал не раз в своих воспоминаниях, что он по найму возил хлеб к черневым алтайцам, купленный алтайскими баями у местных кулаков. Тубалари, проживавшие по реке Пыже, рассказывали, что они часто ездили покупать хлеб к кумандинцам. По сообщению А. В. Анохина, шорцы также часто ездили за хлебом в Солтон.⁵⁹ Таким образом, земледелие у нижних кумандинцев, а также у части верхних, проживавших в степной части, к концу XIX в. было развито в значительной степени и выделилось в самостоятельную отрасль производства из целого ряда подсобных занятий, таких, как охота на пушного зверя, скотоводство, рыболовство, промысел кедрового ореха и собирательство, вместе с тем оно превра-

⁵⁵ С. П. Швецов. Указан. книга, стр. 148, 156.

⁵⁶ Там же, стр. 210.

⁵⁷ ГАТО, ф. 234, оп. 1, д. 167, л. 7.

⁵⁸ Информатор В. Ф. Чумакаев, срок шор, 65 лет.

⁵⁹ Архив Института этнографии, ф. 11, оп. 1, д. 49, стр. 71.

тилось в главный источник существования и прочно вошло в быт кумандицев.

В большинстве случаев земледелие оставалось натуральным, товарного зерна не производилось, исключая кулацко-байские хозяйства. В случае засухи, неурожая или стихийных бедствий средний по достатку хозяйства подвергались серьезным лишениям: семьи голодали, разорялись, беднели и попадали в зависимость к местным баям и кулакам, вынуждены были идти в найм к кулакам, уходить на заработки на прииски. Не случайно в одной из народных песен выражалось чувство тревоги и беспокойства по поводу возможного неурожая, который может оставить голодной всю семью.

Кунетке чачкан пугдеи,
Кунге кубун калбазы!
Кан шырайлыг, карындаш,
Ачка чада калбазы!

перевод:

Посевная на солнышке пшеница
На солнце не выгорела бы!
Румянолицый брат
Голодным не остался бы!

Более высокого уровня земледелие среди кумандицев достигло после распространения среди них железного плуга — «тебир салды» (1910 г.) и других усовершенствованных сельхозорудий, что, в свою очередь, способствовало увеличению размера посевных участков, в результате которого отдельные байские хозяйства начинают сеять от 40 и выше десятин. Кроме того, была усовершенствована техника обработки почвы, введена трехпольная система севооборота, при которой один из участков пашни оставался под пар — «солок», два других использовались под озимую и яровую культуры.

Улучшились и приемы молотбы хлеба: вместо цепи начали молотить лошадыми, а в некоторых байских хозяйствах, как указывалось выше, уже в 1917 г. применяли молотилки на конной тяге (молотяге). В сезон уборки урожая владельцы таких молотяг подражались в соседние села обмолотить весь урожай. Несколько хозяйств свозили снопы в одно место и складывали их в скирды. Затем устанавливали молотилку. Впрягали в нее по восемь лошадей того хозяина, которому велась молотба. Обмолот хлеба производили в порядке установленной очереди. Зерно веяли уже на ручных веялках. Молотить хлеб ездили на мельницу, там же рушили крупу из проса. Например, такую мукомольную мельницу в 1903 г. имел инородец Петр Бусов, житель села Пильно. Она была поставлена на речке Чепше. С появлением возможности молотить муку на мельнице все меньше применяют в быту «пасак» — каменную зернотерку. Главным образом на ней растирали соль, черемуху, как в свежем, так и в сушеном виде. В деревянной ступе (соко) толкли ячмень на крупу для приготовления национального кушанья — «куче» (кӱчӱ).

Таким образом, земледелие становится главным занятием кумандицев, а продукты земледелия — главным их богатством. Как указывалось выше, с развитием земледелия охота потеряла свое прежнее значение и превратилась из главного занятия в подсобное. Главенствующее значение охоты в первой четверти XX в. сохранилось, главным образом, там, где земледелие не получило своего достаточного развития. И, наоборот, где оно было развито, промысел пушного зверя в хозяйстве занял незна-

* ГААК, ф. 4, оп. 2, св. 138, ед. хр. 1149, л. 2—3; 105—106.

чительное место. Довольно убедительно об этом свидетельствуют данные за 1911 год.⁶¹

№№ пп	Название волостей	Число лиц, занимавшихся промыслом					Итого
		Иско-пае	Промы-словный раб-от	Орехо-вым	Охо-той	Рыбо-ловным	
1	Быстрийская	6	—	—	11	11	28
2	Верх-Кумандийская	6	2	21	86	—	117
3	Нижне-Кумандийская	10	18	240	290	70	568

Таким образом, в волостях, где земледелие достигло высокого уровня и прочно вошло в быт, промыслы уже не играли столь существенного значения, как прежде, и занятия ими были в первой четверти XX в. в сущности одиночки. Так, из вышеприведенной таблицы видно, что в Быстрийской волости из 1767 д. м. п., занятых на промысле насчитывалось 28 человек, а в Нижне-Кумандийской из 2122 человек — 117 человек, что составляло всего лишь 6% из общего количества душ мужского пола.

Совершенно по другому обстояло дело у верхних кумандинцев, которые по уровню развития земледелия отстали от своих соплеменников. По официальным данным 1897 года, их насчитывалось 887 душ обоего пола.⁶² Из них в 1911 году на промыслах заняты были 568 человек. В некоторых видах промысла, например ореховом, участвовали и женщины. Все это вместе взятое свидетельствует о том, что в хозяйстве верх-кумандинцев ореховый и пушной промыслы в первой четверти XX в. все еще имели существенное значение.

Наряду с заимствованиями русской сельскохозяйственной техники, кумандинцы перенимали от русских крестьян выращивание овощей. В кумандинских селах, расположенных по соседству с русскими, а также со смешанным русско-алтайским населением, была распространена посадка картофеля по 1—2 загону в поле, прямо в борозду вслед за пахарем. Кроме того, начинают появляться небольшие огороды, в которых главным образом садили огурцы (огурчын), лук (лук), морковь (моркуп) и капусту (капыста).⁶³

В заключение немного о формах землепользования и характере труда у кумандинцев.

Архивные документы первой четверти XIX в. показывают, что в рассматриваемое время кумандинцам была отведена огромная территория, насчитывающая 375000 десятин. Она располагалась, по сообщению Петра Фролова, между реками Бией и Катунью.⁶⁴

По указу 1822 г. вся территория Горного Алтая объявлялась собственностью царя и его семьи (кабинета). Права алтайцев (в т. ч. кумандинцев) на пользование занимаемой территорией определялись параграфами 26, 27 и 29 «Устава об инородцах». Первый из них гласил, что «кочующие инородцы для каждого поколения имеют назначенные во владения земли». Параграф 27 разъяснял, что «подробное разделение участков сих земель зависит от самих кочующих по жребию или другим их обыкновениям». Судя по § 26 «Устава об инородцах», можно утверждать, что уже тогда существовал порядок наделения землей отдельных выделившихся или обособившихся родов или поколений, т. е. семей. При

⁶¹ ГАТО, ф. 214, оп. 1, д. 139, л. 23.

⁶² С. Павлов. Статистические данные, касающиеся племенной состав населения Сибири, в том и роды инородцев, т. 1, СПб, 1911, стр. 65—67.

⁶³ Н. Б. Шерр. Указан. книга, стр. 97. ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 7, д. 77, л. 18.

⁶⁴ ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 1416, л. 602—603, 662.

этом вновь отведенные участки утверждались местной администрацией.⁶⁵ И тем не менее, вся территория волости, как по обычному праву алтайцев, так и по Уставу оставалась в общем владении. И когда в начале XIX в. русские кулаки начали занимать «пустующие» земли на отведенной кумандинцам территории, то это вызвало недовольство последних, и, по-видимому, рассматривалось другими родами северных алтайцев как посягательство на их общественные земли, в результате чего последовали жалобы сенатору Безродному и князю Куракину, ревизовавшим Западную Сибирь.⁶⁶

Родовая организация сохранялась царским правительством долгое время и в качестве административной формы управления коренным населением Алтая. Тем самым оно консервировало формальное существование рода. Род не административный, а генеалогический — являлся основной податной единицей и потому удобной формой для сбора ясака по принципу круговой поруки. В то же время проникновение товарно-денежных отношений и торгово-ростовщического капитала в сферу рода не только усилило, но и ускорило процессы распада родоплеменных связей и вызывало формирование территориальных группировок, не связанных с родом и племенем.

Усиленный спрос на пушнину со стороны торговцев, а также уплаты пушнинной ясака углубили дальнейшее разделение труда, которое особенно усилилось с распространением среди кумандинцев более усовершенствованных орудий земледельческого труда и огнестрельного оружия. Вследствие этого отдельная семья получила возможность трудиться самостоятельно и присваивать полученную продукцию. Следовательно, с ростом общественного разделения труда и с появлением возможности частного присвоения результатов индивидуального труда началось разложение родовой общины. На смену ей приходит патриархальная семья, или семейная община, которая, по мнению Энгельса, являлась переходной ступенью к сельской общине — последней ступени доклассового общества, означавшего по сути дела начало классового общества. Он указывал: «С появлением патриархальной семьи мы вступаем в область писаной истории и вместе с тем в ту область, где сравнительное правоведение может оказать нам значительную помощь».⁶⁷ Такой переходной общиной и являлась кумандинская айильная община, в которой тесно переплетались начала сельской и патриархальной общины, как следствие низкого уровня развития производительных сил.

Аналогичной была в некотором отношении Тувинская айильная община. В ней также в тесном переплетении находились начала сельской и патриархальной общины.⁶⁸

Основной формой поселения кумандинцев являлся поселок, население которого было тесно связано не только узами родства, но прежде всего общностью земельных угодий, которыми они пользовались, общностью хозяйственных интересов и некоторыми видами совместной работы. Тесная кровная связь кумандинцев была одной из главных причин, побуждавших их часто переходить из поселка в поселок и находить там пристанище. На этот порядок частой перемены места жительства кумандинцев указывали царские землеустроители, которым приходилось учитывать это при выделении земли тому или иному селению, но тем не менее, в отличие от тувинцев, кумандинский айыл был оседлым. На это

⁶⁵ ЦГИАЛ, ф. 1265, оп. 4, ед. хр. 87, л. 2—4. С. П. Швецов. Горный Алтай и его население т. 1, вып. 1, стр. 128—129.

⁶⁶ ГААК, ф. 1, оп. 2, л. 1416, л. 613—616. С. П. Швецов. «Горный Алтай и его население» т. 1, вып. 1, стр. 130, 135.

⁶⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 21, стр. 39—40.

⁶⁸ Труды Тувинской комплексной экспедиции, том II. М.-Л., 1966, стр. 17.

указывал еще В. В. Радлов, путешествовавший по Алтаю в 1861 году. По его сообщению, «кумандинцы живут оседло в маленьких деревушках из 5—10 домов и большей частью занимаются земледелием»⁶⁶ По всей вероятности, население этих деревушек во второй половине XIX в. составляли большие семьи, или кровно-родственную группу, хотя сам Радлов не дает нам указаний на этот счет. Часто эти селения назывались по имени старшего родственника, например, айыл Аleshкии, айыл Полушкии, Санькии айыл и т. д. Заселялись они преимущественно родственниками. Особенно характерно это было для верхних кумандинцев в конце XIX — начале XX в. О существовании у кумандинцев в прошлом родовых связей можно судить по названию отдельных сел, происшедших от имени рода. Например, род «Тоон» является основателем села «Тоонар» (Пешпер), название которого сохранилось за селом до наших дней, а род Калар основал село Калар Кужазы (современное Иртышкино). Позднее этот принцип образования поселков по родовому признаку нарушился и в родовом отношении они становятся смешанными. Свои названия такие селения получали от имени данной местности, чаще всего речки или горы, где располагалось данное селение. В большинстве случаев в такой территориальной группировке объединялись хозяйства различного этнического происхождения. Село Балькса, например, было основано потомками кумандинцев, двенадцать семей которых кочевало по речке Бальксе и выходили из сел Тарханска, Солтона и Бурлы-Кумышской инородной упраны Барнаульского уезда.⁷⁰ Как правило, преобладающим в этих поселениях был в конце XIX в. какой-нибудь род — основатель данного села. В селе Угона преобладал род нижних кумандинцев, в Сарыкове — род шабат, в Курласке — род верхних кумандинцев. Кроме них, в этих же селах проживали члены других родов, например тастар, солуг, калар и другие. Если раньше чужеродные элементы принимались в состав айыльной общины только в исключительных случаях и причем только на правах родственников, то позднее этот принцип изжил себя. Представителю другого рода было достаточно заплатить «калы», как он становился полноправным членом общины. Демичи отводил ему свободный участок целинной пахотной земли, с освоением которого новый член общины считал ее своей собственностью. Через три—четыре года он мог сменить свой участок на ближайший новый, а прежнюю оставить в залежь. Интересно, что это правило распространилось и на русских крестьян, пожелавших поселиться среди кумандинцев. Последних обязывали только купить дополнительно одну или две четверти подки, которую распивали всем обществом. Таким образом, процесс разложения патриархальной семьи был налицо. Каждая брачная пара имела уже свой дом, скот и отдельные наделы земли. Выделившиеся члены превращались в мелкие экономически самостоятельные семьи, в которых, несомненно, крепились частно-собственнические элементы и происходило частное накопление. Старшему в семье оставалась лишь роль руководителя, к советам и указаниям которого прислушивались выделившиеся семьи.

Несмотря на это, земля по-прежнему считалась в общем владении айыльной общины. Кроме пахотной земли, в айыльном владении находился выгон. Нередко несколько сел пользовались одним общим выгоном, обнесенным общей поскотинной. Никаких отгонных пастбищ в северном Алтае не существовало. Пастбищем служила прилегающая к селу мест-

⁶⁶ В. В. Радлов. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. Иркутск, 1929, стр. 9.

⁷⁰ С. П. Шенников. Горный Алтай и его население, т. III, вып. II, Барнаул, 1902, стр. 4.

• Денежный взнос, определенный айыльным сходом за право проживания в селе.

ность с окружающими его лесом и холмами.⁷¹ Все остальное — скот, дом и средства труда являлись собственностью отдельных семей. Таким образом, экономическую основу сельской (анальной) общины у кумандишцев составляло общинное землепользование, распространявшееся не только на пахотные земли, но и на выгоны, пустоши и леса, и частная собственность на дом и приусадебный участок, а также на скот и на различные орудия труда.

В отличие от кумандишцев южные алтайцы до революции вели кочевой образ жизни, и стойбища их располагались по отдельным урочищам вблизи рек. Урочища считались их семейно-родовыми угодьями и находились в общественной собственности всех членов стойбища.

Накануне землеустроительной реформы 1913 года в частном владении кумандишцев считалась пашня, на которую затрачен индивидуальный труд по ее освоению. Причем разрешения на расчистку того или иного участка под пашню не требовалось. При наличии свободного, никем не занятого участка земли расчистку пашни мог сделать каждый в любом месте, где ему больше всего понравилось. Таким путем семья, исходя из своих возможностей, могла расширить размеры своей пашни. После поднятия залежи (целины) под посев, участок переходил в наследственное пользование семьи до тех пор, пока она сохраняла за собой право на его использование, независимо от того, производился на нем посев или нет. И лишь в случае отказа прежнего владельца участок мог перейти к другим лицам. Такой принцип примитивного захвата пахотной земли с переходом в наследственное пользование был широко распространен не только среди племен Северного Алтая — тубаларов, кумандишцев и челканцев, но и среди шорцев, тувинцев⁷² и бурят.⁷³ Однако в действительности такой примитивный захват нового участка мог быть осуществлен только зажиточной семьей, располагавшей для этой цели достаточным количеством рабочих рук, или имевшая возможность привлечь со стороны наемную рабочую силу, необходимую для освоения нового участка. В состоянии это были сделать и такие семьи, которые держали в экономической кабале своих сородичей и заставлявшие последних работать на себя. Именно такие формы внеэкономического принуждения существовали, например, у тувинцев и южных алтайцев. Бай под видом родственной помощи оказывал в трудную минуту материальную поддержку своему бедняку-сородичу, за что последний вынужден был работать на своего «благодетеля» родственника, ибо сам бай не утруждал себя работой.⁷⁴

Примитивно-захватная форма владения пахотными землями была характерной и для южных алтайцев. В одних случаях она была наследственной и была особенностью зайсанско-байского землевладения. Нередко эти пашни огораживались владельцами; в других — пашня считалась собственностью обрабатывающего только до тех пор, пока он на ней работал. В случае отказа последнего от обрабатываемого им участка пахотной земли, ее мог захватить любой. Иногда такой заброшенный участок мог перейти к другому лицу только на четвертый или пятый год, так как право на ее владение в течение этого времени сохранялось за прежним владельцем. В восточной части Алтая у телесов и теленгитов

⁷¹ К. Н. Миротворцев. Труды съезда земельно-лесных чинов Алтайского округа в 1910 г. Барнаул, 1911, стр. 17—19.

⁷² Л. П. Потапов. Этнографический очерк земледелия у алтайцев. Сибирский этнографический сб., т. XVIII, вып. 1, М.-Л., 1952, стр. 193. Труды Тувинской комплексной экспедиции т. II, стр. 20.

⁷³ И. И. Серебренников. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование. Верхнеудинск, 1925, стр. 196—197.

⁷⁴ Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М.-Л., 1953, стр. 283—286.

пашни находились в большинстве случаев в личном владении,⁷⁵ что объясняется отсутствием удобных под земледелие пашен. Участки пахотной земли доставались телессам и теленгитам в результате затраты больших индивидуальных усилий по освоению гористой и покрытой девственным лесом площади.

По единодушному утверждению моих информаторов, ежегодный передел общинной земли у нижних кумандицев не практиковался. Каждый пахал там, где ему больше всего нравилось. Это было характерно и для русских крестьян.⁷⁶ В конце XIX в. в связи с увеличением плотности населения общинные земли между селами были строго размежеваны и разграничены, т. е. были установлены твердые границы землепользования между населенными пунктами. Ежегодный передел пахотной земли наблюдался именно в тех населенных пунктах, где ее не хватало. Например, у южных алтайцев такой порядок был установлен жителями села Хабаровка современного Онгудайского района. Передел производился между мужчинами, несущими податные повинности. Право на пахотный участок сохранялось за стариками, несмотря на выход из податного возраста.⁷⁷

Одним из наиболее убедительных фактов распада общинных форм землепользования у кумандицев является отдача участков незанятой земли в аренду русским крестьянам. Плата за аренду поступала в общую казну, которая называлась «корневые деньги». Эти деньги расходовались на нужды общины, например, во время выборов записана или демичи, или на эти средства снаряжались «ходоки», выступавшие перед начальством за интересы аильной общины. Однако, и отдельные члены общины могли также отдать в аренду баям или русским кулакам на сезон причитавшиеся им пахотный и сенокосный наделы.

Община стремилась ограничить в интересах большинства населения факты захвата байской верхушкой общинных земель и сенокосных угодий, которые по обычному праву алтайцев переходили в их собственность. Правда, меры ограничения были крайне примитивными. Например, назначался общий день, раньше которого никто не имел права выезжать на работу. Следующей мерой было признание за каждым аилом исключительного права владения сенокосными угодьями, которыми пользовался он раньше на правах первого захвата.⁷⁸ Такие же способы ограничения были распространены у южных алтайцев и у бурят. Путем сравнительного передела пахотной земли или сенокосного участка община стремилась противостоять фактам захвата общинных земель баями. Так внутри самой общины начинают возникать противоречия между общественным распределением общинной собственности, с одной стороны, и частным характером их присвоения, с другой.

Наиболее широкое применение коллективного труда у кумандицев имело место во время сенокоса и уборки урожая; женщины помогали также друг другу и во время прополки хлебов. С этой целью три—четыре семьи объединялись в одну группу и поочередно помогали убрать урожай. Аналогичным же образом поступали и при сенокосе. Этот обычай получил у них название «одуштеш», т. е. «взаимопомощь». Молотьбу вели также сообща или индивидуально. Однако урожай при этом принадлежал хозяину посевного участка и разделу не подлежал. Хозяин, которому убирали хлеб, кормил работавших у него лиц. К таким временным объединениям кумандицев вынуждали экономические условия их жизни и совпадение сезона промысла на кедровый орех и белку.

⁷⁵ Л. П. Потапов. Этнографический очерк земледелия у алтайцев, стр. 195—196.

⁷⁶ С. П. Швецов. Горный Алтай и его население, т. 1, вып. 1, стр. 167—177.

⁷⁷ Там же, стр. 160.

⁷⁸ Там же, стр. 155—156.

Аналогичным же образом поступали и тувинцы. У них этот обряд получил название «темнежир» — «совместная работа».⁷⁹

Временные объединения для совместной уборки урожая практиковались и у шорцев. Причем носили они у них также сезонный характер и были вызваны совпадением сезона коллективной охоты на косуль. Кроме того, общинный труд у них применялся для оказания родственной помощи заболевшему или же в порядке взаимопомощи (бдүшке) во время посева и уборки урожая. Нередко делились и самим урожаем.⁸⁰

В зажиточных и богатых хозяйствах во время заготовки сена или уборки урожая часто устраивали «момоч» (от русск. «помочь»), в которой участвовало почти все взрослое население села. Для них хозяин специально закалывал барана или полуторогодовалого бычка. Часть мяса варили в полдень, оставшуюся часть — вечером, когда после работы собиралось все село, т. е. участники «момоча» приходили со своими ближайшими родственниками — «никел кижж». Последними были родители работавшего. Хозяин угощал аракой в первую очередь работавших у него людей из большой деревянной чашки — «шар айак». На угощение собравшихся уходило три бочонка араки по 3—4 ведра каждый. Подобные расходы, конечно, были непосильны бедным хозяйствам, но для богатых хозяйств они полностью окупались объемом выполненной работы.

Основной и единственной формой труда в земледелии кумандинцев являлся индивидуальный труд, не только личный, но и наемный, и как исключение применялись некоторые формы коллективного труда. Наемный труд применялся широко в зажиточных и богатых хозяйствах и был одинаково характерным как для северных, так и для южных алтайцев. Формы применения наемной рабочей силы, т. е. формы эксплуатации и кулацко-байском хозяйстве были различны, начиная от помочи, отработок, и кончая наймом за натуральную или денежную оплату.⁸¹ Из них самой распространенной формой среди кумандинцев был «орта улеш», наиболее широко применяемая баями в отношении бедняков. Бай на условиях «орта улеш» ссужал своего бедного сородича семенами, инвентарем и лошадей. Последний обязывался расчистить пашню, вспахать поле, обработать и обмолотить урожай. Из собранного, таким образом, зерна бедняк обязан был уплатить половину баю и вернуть семена, взятые у него весной на посев. Так, не теряя никаких усилий, бай приумножал свои богатства. Таким образом, внутри общины происходило постоянное образование новых элементов частной собственности и эксплуататорской верхушки, закабаляющей своих сородичей, раскол общества на антагонистические классы. Анализируя развитие капитализма в России, В. И. Ленин указывал, что капитализм рождается постоянно из недр общины. Он писал, что «русское общинное крестьянство — не антагонист капитализма, а, напротив, самая глубокая и самая прочная основа его».⁸² То же самое происходит и с кумандинской общиной, разложение которой особенно усиливается с применением в земледелии более усовершенствованных орудий земледельческого труда. Замена мотыги сохой, а затем плугом позволила резко поднять производительность труда, а вместе с тем повысить экономическое значение земледелия, следствием которого явилось увеличение посевной площади. Если в первой четверти XIX века самая большая запашка кумандинцев составляла полторы десятины, то к концу века в отдельных хозяйствах она достигла 20 и выше десятины, а первой четверти XX века она поднялась до 30 десятины.⁸³ Все

⁷⁹ Л. П. Потапов Труды Тувинской комплексной экспедиции, т. II, стр. 22—23.

⁸⁰ Его же. Этнографический очерк земледелия у алтайцев, стр. 190—191.

⁸¹ Там же, стр. 192.

⁸² В. И. Ленин, соч., т. 3, изд. IV, стр. 143.

⁸³ По данным П. И. Каралькина в 1926—1927 гг. в Елтош-Егеминском сельсовете отдельные хозяйства сеяли от 3 до 30 десятины пашни.

это позволило резко увеличить товарность зерна и производить его не столько для себя, сколько для рынка. Так, хлеб за счет эксплуатации наемной силы из продукта первой необходимости превратился в товар, в средство обогащения немногих.

Сделанный анализ позволяет утверждать, что к концу XIX в. земледелие в хозяйственной жизни кумандинцев занимает прочное место. Оно становится одним из главных занятий среди таких, как охота, промысел кедрового ореха, сплав леса. Однако, несмотря на то, что земледелие достигло довольно высокого уровня, значительная часть кумандинцев оставалась крайне бедной, для которых охота на пушного зверя и промысел кедрового ореха играл все еще важную роль и по существу была их единственной доходной статьей. По своему типу это хозяйство оставалось комплексным и полунатуральным, в котором, за исключением продуктов промысла, все производилось для себя. Вместе с дальнейшим ростом производительных сил происходило разложение сельской общины кумандинцев, имущественная дифференциация его членов и зарождение внутри нее элементов капитализма.

Только Советская власть спасла кумандинцев от окончательного разорения и нищеты. Еще на заре Советской власти В. И. Ленин указывал единственно верный путь выхода из вековой нужды, голода и кабалы. Этот выход — кооперирование, коллективизация мелких крестьянских хозяйств.

ИЗ ИСТОРИИ ОФИЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ СИБИРСКИХ ВОЕВОД В XVII ВЕКЕ С АЛТАЙСКИМИ КНЯЗЦАМИ

Посольский церемониал во время дипломатических переговоров с ту-рецкими, крымскими и западноевропейскими представителями изучен достаточно подробно.¹ Записки иностранных послов и источники русского происхождения позволяют во всех деталях восстановить поведение как русских посольств, отправлявшихся за рубежи страны, так и иностранных представителей.²

Однако проблема дипломатических сношений Русского государства с кочевыми народами Сибири и Средней Азии слабо освещена в советской исторической литературе. Имеющиеся исследования по данному вопросу предельно кратко излагают суть посольских связей России с тем или иным кочевым народом, и совершенно не касаются церемониальной стороны дипломатических отношений.³

В настоящей статье автор на основе архивных материалов делает попытку показать этикет дипломатических отношений между русскими властями и главами алтайских кочевых племен в 50-х — 90-х годах XVII века.

В начале XVII столетия границы Русского государства достигли бассейнов рек Иртыша, Томи и Оби. Это обстоятельство послужило началом установления дипломатических контактов с кочевыми народами на юго-востоке Сибири. Не имея среди кочевых племен своих постоянных представителей, сибирская администрация по мере надобности отправляла к тому или иному кочевому правителю свое посольство. Следует отметить, что данные посольства существенно отличались от посольств государственной значимости, укомплектованных сотрудниками, имевшими опыт дипломатической работы и возглавлявшихся боярами, окольными и стольниками. В 1567—1569 годах русское посольство

¹ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. I 1578—1613 гг. Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских, 1888 г. кн. III. М., 1889; его же: О посольском приказе, М., 1906; А. А. Новохельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в., М., 1948; его же. Разновидности крымских статейных списков XVII в. и приемы их составления. «Проблемы источниковедения» т. IX, М., 1961; его же: Земский собор 1639 г., Исторические записки, т. 24. М.-Л. Изд. АН СССР, 1947 г.

² Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно, СПб., 1906; С. А. Белокуров, О Посольском приказе, СПб., 1906; История дипломатии, т. I, 1959 г.

³ Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России, Алма-Ата, 1948; ее же. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX вв., М., 1960; Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, М.-Л., 1953; Е. М. Залкинд. Присоединение Бурятии к России, Улан-Удэ, 1958; П. П. Шастина. Русско-монгольские посольские отношения XVII века, М., 1958; Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв., М., 1963; И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства, М., 1964; К. Г. Копкоев. Присоединение Хакассии к России, Абакан, 1965; В. Н. Иванов. Социально-экономические отношения у якутов XVII в., Якутск, 1966; Ю. С. Булыгин. Присоединение Верхнего Приобья к России и его заселение русскими крестьянством, Томск, 1966.

в Швецию возглавлял боярин Иван Михайлович Воронцов,⁴ в Англию в 1582 году — профессиональный дипломат дворянин Федор Андреевич Писемский,⁵ и в 1667 во Францию и Испанию — «стольник и наместник Боровской» Петр Иванович Потемкин.⁶

Обмен посольствами «высокого ранга» почти всегда проходил в обстановке строгого и неукоснительного выполнения послами дипломатического этикета. Чем выше был ранг главы посольства, тем многочисленнее была его свита. Прибывшее в 1636 году в Москву «цесарское посольство», возглавляемое маршалом Германом фон-Штаденем, насчитывало в своем составе 92 человека.⁷ Численный состав русского посольства, снаряженного в 1667 году во Францию и Испанию, колебался в пределах 45—55 человек.⁸

В сношениях же сибирской администрации с алтайскими князьями все обстояло иначе. Посольство к алтайскому князю осуществлялось на уровне местной воеводской канцелярии. Численный состав посольства зависел от степени влиятельности кочевого правителя и вследствие этого — его значимости для русских властей. В основном состав посольства колебался в пределах от 1 до 5 человек и возглавляли их, главным образом, дети боярские.

К послам прикомандировывались подьячие для письмоводства и переводчики-толмачи.

В наказе казачьему атаману Зиновию Амосову велено было ехать в 1639 году с посольством ко князю Коке Абакову, а «для толмачества — пешему казаку Куземке Гаврилову».⁹ Дипломатическая миссия томского служилого человека Василия Буриашева, ездившего с посольством к тому же Коке Абакову в 1649 году, имела двух толмачей: пешенного крестьянина Ивана Коллова и чатского татарина Тосмаматку Гыбагачева.¹⁰

Посольства русской администрации к главам алтайских кочевых племен организовывались с целью урегулирования пограничных споров, торговых отношений и подчинения кочевых правителей с подвластным им населением влиянию русского государства.

Это стремление русских властей проходит красной нитью через все указы русским послам, посылавшимся на протяжении всего XVII века к представителям алтайской родоплеменной знати.

Насколько позволяют судить подобные материалы, обмен посольствами между сибирской администрацией и алтайскими князьями велся, видимо, по давно сложившемуся обычаю.

Приняв решение об отправке посольства, воевода вызывал в съезжую избу лицо, назначавшееся главою миссии, и в присутствии свидетелей поручал ему выполнить определенное задание. Получив наказ, посольство отправлялось в путь и, начиная с момента отъезда и до своего возвращения, вело своего рода путевой дневник.

Получив известие о следовании к нему посольства, князец начинал подготовку к приему русских посланников. При приближении посольства к улусу, князец высылал для встречи его «случих улусных своих людей», т. е. подражал тому приему, который оказывали русские при

⁴ Путешествия русских послов XVI—XVII вв. М.-Л. 1954, стр. 7.

⁵ Там же, стр. 100, 387.

⁶ Там же, стр. 227.

⁷ Адам Олеарий. Указ. соч., стр. 64—67.

⁸ Путешествие... послов, стр. 254, 428.

⁹ Архив Академии Наук СССР. Портфели Миллера. оп. 4, д. 17, л. 434 (далее: ААН, ф. 21).

¹⁰ Центральный государственный архив древних актов, Сибирский приказ, СТб. 393, л. 10 (далее: ЦГАДА, ф. 214).

встрече иностранных послов,¹¹ и иностранные державы при встрече русских послов.¹²

Спрашивается, как алтайские князцы могли знать о выполнении русскими подобного рода ритуалов. Свообразное просвещение в этом отношении представители алтайской родоплеменной знати могли получить, во-первых, в результате личных посещений русских городов (например, дипломатический визит князца Абака в Томск, в 1609 году), во-вторых, через своих посланцев, бывавших в Томске, Кузнецке и даже в Москве.¹³

Однако в момент встречи русского посольства стороны не соблюдали положения, кто из них должен первым сойти с лошади, в то время как этот пункт дипломатического этикета строго соблюдался русскими при встрече западноевропейских и азиатских послов.¹⁴

В данном случае важен был сам факт встречи. Вот что писал по этому поводу в своем статейном списке русский посланец, томский сын боярский Иван Петров, посланный в марте 1650 года ко князцу белых калмыков Коке Абакову 15 апреля 1650 г. И Петров с посольством достиг кочевья князца, и «Кока выслал навстречу улусных своих людей Едерека да Ендоя», которые и сопровождали посольство до Кокинной юрты.¹⁵ «А как пришли к нему, Коке и юрту (русские послы — Н. М.), — пишет далее И. Петров, — и он Кока встав на ноги, а не на колени спросил про государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа русии многолетнее здоровье». На что Иван Петров отвечал ему Коке, что «божиею милостью великий государь, царь, всеа русии самодержец и многих государств государь и обладатель на своем царском престоле дай бог здоров, и он, Кока, услышав такую речь поклонился, говорил дай Господи, — чтобы, — — государь, царь, здоров был на многие лета».¹⁶ Далее следовал вопрос о здравии воевод Томского города, на который И. Петров дал положительный ответ. И только лишь по окончании этой церемонии обе стороны приступили к обсуждению существа дела. Князец, как обычно, справлялся о цели прибывшего посольства, а глава дипломатической миссии вычитывал князцу одну за другой статьи данной ему наказной памяти.

В случае достижения соглашения князца со статьями вычитанной ему наказной памяти, последнему в знак поощрения преподносилось государевое жалованье вином и тканями. Так, Иван Петров, добившись от Кокки шерти-присяги на верность великому государю, выдал ему «портище доброе червчатое мерою пол четверта аршина, да портище темносинее, мерою пол четверта аршина ж, да портище летчинное мерою — 4 аршина, да вершок червчатой доброй». Государевым жалованьем были наделены его брат Кулудай, Коккины сыновья — Ишик, Юрган и частично «лучшие улусные люди» среди них: Ендай и Бетень.¹⁷

Выше упоминались различия между посольствами, командируемыми к главам западноевропейских и азиатских стран, от посольств, снаряжаемых к представителям алтайской родоплеменной знати. В данном случае количество и ценность «государевых даров» являются непосредственными показателями различий между посольствами, о которых уже шла речь. Перечень «государева жалованья», преподнесенного Коке Абакову Иваном Петровым, конечно, не идет ни в какое сравнение с теми дарами, которые предназначались главам западноевропейских и ази-

¹¹ Адам Олеарий, Указ. соч., стр. 16—17, 46—48, 123.

¹² Путешествия послов, стр. 7, 100—156.

¹³ В конце 50-х — начале 60-х годов XVII столетия в Москве побывали представители белых калмыков (Балык и Качканак Кожановы) см. ЦГАДА, ф. 214, стр. 623, ч. 1, л. 622.

¹⁴ Адам Олеарий, Указ. соч., стр. 143—144.

¹⁵ ААН, ф. 21, оп. д. 17, л. 535 об.

¹⁶ ААН, ф. 21, оп. д. 17, л. 535—536.

¹⁷ Там же, л. 537.

ми дарами, которые предназначались главам западноевропейских и азиатских стран. В 1637—1638 годах Крымскому хану Богадыр Гирею было отправлено поминков на сумму — 23720 рублей.¹⁸ В 1667 году русским послом П. И. Потемкиным в дар французскому королю было преподнесено мехами, товарами, золотыми и серебряными предметами на сумму — 1248 руб.¹⁹

Тем не менее и небогатые дары, преподносимые русскими послами алтайским князьям, помогли первым справиться с заданием.

В данном случае посольство Ивана Петрова, успешно справившись с заданием, возвратилось в Томск.

Аналогичного же результата добилось и посольство томского сына боярского Василия Былина, побывавшего у Коки Абакова осенью 1654 года,²⁰ статейный список которого описывает ту же самую церемонию, которая в свое время была отмечена Иваном Петровым.

Однако не все посольства достигали цели. Активное вмешательство джунгарских феодалов во внутривосточную жизнь населения Алтая часто приводило к срыву дипломатических переговоров и несоблюдению традиционного посольского церемониала. В этом отношении характерно посольство томского служилого человека Афанасия Сартакова, направленного в октябре 1657 года «в белые каалмыка ко князю Коке Абакову».²¹ На всем протяжении 1657 года в пограничных районах между русским государством и алтайскими племенами было отмечено значительное количество вооруженных столкновений, в которых не последнюю роль играли джунгарские феодалы, всячески препятствовавшие укреплению позиций России на юге Сибири.

В обстановке такой напряженности и прибыло посольство А. Сартакова в кочевье Коки Абакова. Вопреки принятому обычаю русских посланников «к себе Кока не взял, и велел нас, (послов — П. М.), поставить между улусов своих, а не в юртах».²² «На другой день, — писал А. Сартаков, — прислал к нам Кока шурина своего Курумшу и велел у нас спросить, што вы государевы послы приехали ко князю Коке, с каким посольством пословать, дары де от воевод... Коке есть ли. И из, Офонька Сартаков с товарищи велел выговорить шурина его, што де мы приехали ко князю Коке пословать без даров... за то што Кока-князь праведному государю измену свою показал: под государевы города и под остроги и на ясаших людей войною... людей своих посылал». Выслушав претензии русских послов, Курумша вернулся к Коке Абакову, а через несколько дней передал ответ Коки Абакова, в котором подчеркивалось, что «де Вам государевым послам. Кока-князь велел... ехать назат в Томской, а с Вами де пословать не о чем, потому что не Томсково Коке даров не прислано». В заключение Кока с вызовом добавил, — «а буде де государь изволит и государевы воеводы велят воевать, то де воюйте».²³ Не добившись желаемого результата, посольство вынуждено было вернуться.

Сопоставление двух предыдущих посольств с только что описанным обнаруживает заметные расхождения как в конечных результатах, так и в соблюдении и выполнении традиционного дипломатического церемониала.

Обострение отношений Коки Абакова джунгарскими покровителями сделало Коку вновь покладистым и сговорчивым, а также предельно пунктуальным в соблюдении традиционных посольских обрядов.

¹⁸ А. А. Новосельский. Земский Собор 1639 г., стр. 19—20.

¹⁹ Путешествия... послов, стр. 257.

²⁰ ААН. ф. 21, оп. 4, д. 17, лл. 27—30.

²¹ Там же, д. 18, л. 60.

²² ААН. ф. 21, оп. 4, д. 18, л. 61.

²³ Там же, л. 62.

Прибывшие в июне 1658 года пятидесятник Дмитрий Вяткин и сопровождавшие его лица с почетом были встречены перед улусом, высланными Кокой навстречу «лутчими улусными людьми Юргаем и Белтюреком», и препровождены до Кокниной юрты.²⁴ Соблюдая обряды и традиции приема посольства, обе стороны приступили к переговорам, которые закончились весьма успешно, так как Кока не только подтвердил ранее данную шерть, но и дал обещание «две волости под высокую царского величества руку в ясак привести».²⁵ Выполнив порученное ему дело, посольство Дмитрия Вяткина 24 июля 1658 года благополучно прибыло в Томск.²⁶

Традиций приема посольств при ведении переговоров придерживались не только алтайские князцы. В равной степени данный этикет соблюдался и русским правительством, о чем можно судить по отписке томских воевод И. Н. Принжков-Ростовского и А. А. Кокондинского в Сибирский приказ, в которой они сообщали, что «в нынешнем по 167 году (1659) сентября в 18 день по государеву указу отпущены из Томского к великому государю к Москве белых колмыков князца Коки да Мачика посланцы: Мамрач, Кеикер, Чинк, Уруска, Кармышак. И Дмитрию Вяткину с товарищи ехать с теми посланцами до Москвы... и чтоб те послы городов не рассматривали, и ни с кем ничего не разговаривали... Но к тем посланцам держати честь и бережение во всяких мерах. И будет те посланцы учнут с ними Дмитрием с товарищи о чем разговаривать и им Дмитрию с товарищи с ними говорить о разных делах остерегательно, чтоб государеву царскому величеству было к чести и к повышению».²⁷ Следовательно, местные власти и русское правительство в целом чрезвычайно осторожно относились к посольствам сибирских князцев.

Непременным пунктом посольского этикета было соблюдение правил передвижения по русской территории. Согласно установленной традиции, Дмитрию Вяткину, сопровождавшему алтайских послов, предписывалось: «не доезжая до городов и те города посылать наперед себя к воеводам служилого человека с вестью, чтоб воеводам про то было ведомо, что они (Дмитрий Вяткин с товарищами — Н. М.) — с посланцы идут и корм бы и питье, и подвод... были готовы, а безвременно... к городам не приходит. А как он, Дмитрий с товарищи, с посланцами приедут блиско Москвы, и ему, Дмитрию с товарищи, не доезжая до Москвы... посылать наперед себя служилого человека с вестью в Сибирский приказ».²⁸ Далее остается предположить, что алтайские посланцы были встречены также «людно и нарядно», как и посланники других стран.

С момента вступления посольства в пределы государства забота о содержании его полностью ложилась на тех, к кому оно отправлялось. Примером может послужить данная Дмитрию Вяткину из Томска «роспись что, почему давать посланцам подениново питья и корму едучи дорогою», в которой показано, что «трем человекам давать по две чарки вина, да двум человекам по одной чарке вина. А хлебом и мясом кормить как им сытым быть, — (т е вдоволь — Н. М.) А где корму не будет и с ним, Дмитрием с товарищи послано на корм пять рублей денег, — из которых на корм давать, — трем человекам по одному ал-

²⁴ ААН, ф. 21, оп. 4, д. 18, л. 68.

²⁵ Там же, л. 73.

²⁶ Там же, л. 67—68.

²⁷ ААН, ф. 21, оп. 4, д. 18, л. 76.

²⁸ ААН, ф. 21, оп. 4, д. 18, л. 77.

тыну человеку, а двум человекам по четыре деньги человеку на день».²⁹ Как видно из росписи, не все участники посольства занимали равное положение в иерархии алтайского племени, если местные власти распорядились трем давать по 2 чарки вина, а двум человекам — по 1, и деньгами — первым по 1 алтыну на день, а вторым — лишь по 4 деньги. Согласно вышеприведенному списку этих посланников, можно к более важным членам посольства отнести Мамрача, Кенкера и Чинка и к второстепенным — Уруску и Кармышака.

Последующие десятилетия не внесли каких-либо заметных изменений в существующий обычай приема посольств, ход переговоров и проводов послов. Нарушение этого этикета воспринималось как вызов к обострению отношений. В истории русской дипломатии известен не один случай нарушения правил посольского церемониала. Однако самый невероятный случай пренебрежения и нарушения дипломатических канонов произошел в 1637—1638 годах в Крыму с русскими посланцами И. Фустовым и Ломакиминым, которых «крымцы» приняли не только «грубо и нечестно», но «били и пытали и голодом морили».³⁰

Случаи нарушения дипломатического этикета были отмечены и в южной Сибири. Примером может послужить посольство томского сына боярского Василия Былина к джунгарским тайшам Сенге, Кутухте и Чокуру в 1668 году.³¹

Прибыв поздно вечером в улус Сенге-тайши, русские послы никем не были встречены и самостоятельно стали располагаться на ночлег. Однако во втором часу ночи к Василию явился человек от Сенги по имени Тархан Лабу и велел посланцам прибыть в юрту Сенге-тайши. Войдя в юрту, русские посланцы, как требовал этикет, поприветствовали тайшу и справились о его здоровье. Но положенного ответа не получили. Тогда Василий Былин заявил Сенге о цели своего приезда и сообщила тайше о доставке ему государева жалованья. Сенге-тайша слушал послов сидя. Услышав о жалованье, он велел жалованье поднести ему, и когда Василий поднес Сенге сукно, последний взял его и, не глядя, кинул сукно «середь юрты, а про здоровье государево так и не спросил», писал Василий Былин.³² Далее Сенге открыто уклонился от переговоров, всем своим видом показывая пренебрежение к послам, не преминув всячески упоминать о возможности вооруженного конфликта между Россией и джунгарами.³³ Аналогичная история с посольством Василия Былина повторилась и в улусе Кутухты-тайши.³⁴

Джунгарские тайши явно шли на обострение отношений, не упустив возможности продемонстрировать свою неприязнь к русским и во время дипломатических переговоров. С возвратившимся в Томск 17 июля 1668 года Василием Былиным прибыл посол от Сенге-тайши, который передал воеводе С. Я. Вельяминову письмо на имя царя, в котором тайша требовал немедленного возвращения ему белых калмыков. В противном случае угрожал войной.³⁵ Однако, как показало время, война не началась, а причины, воспрепятствовавшие Сенге-тайше осуществить свои угрозы, так и остались неизвестными.

²⁹ В путевом журнале русского посла Ивана Унковского этот факт тоже нашел свое отражение. Он писал, что контайшею послам для пропитания «прислано муки пшеничной — 40 мешков, круп просяных — 10 мешков, баранов — 50, козлов — 50». См. Посольство к Зюнгорскому хун-тайджи Цэван-Рабдану капитана от артиллерии Ивана Унковского и его путевой журнал 1722—1724 гг. СПб., 1887, стр. 39, 96, 101, 147.

³⁰ А. А. Новосельский, *Земский Собор 1639*, стр. 19—23, его же *Борьба Московского государства с татарами*, стр. 271—272.

³¹ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. 1, л. 179.

³² Там же, л. 183—184.

³³ ЦГАДА, ф. 214, стб. 623, ч. 1, лл. 188—190.

³⁴ Там же, л. 191.

³⁵ Там же, лл. 336—337.

Таким образом, нарушение посольского церемониала расценивалось как недружелюбный акт. Поэтому русские послы, посылавшиеся к алтайским князьям, ревностно следили за тем, спрашивались ли князья о здоровье государя, стоя ли выслушивали наказные речи посла и снимали ли при этом головные уборы.

Некоторые русские послы предельно кратко излагали суть самих переговоров, но достаточно подробно останавливались на бытовой стороне посольства. Статейный список Ивана Вербицкого, посланного из Томска в 1686 году ко князю белых калмыков Табуну Кокину, имеет три листа, из которых почти на двух с половиною листах изложена инструкция, как поступать с государевым жалованием в случае нарушения князем какого-либо пункта посольского этикета.

В данном случае этикет не был нарушен. Хотя князец отказался от личной присяги, государево жалование ему было выдано, которое он принял «с честью и встал на ноги».³⁶ Отказ Табуна Кокина дать личную присягу великому государю «без Бошехту-ханова веленья» вызвал последующие посольства — Матвея Ржицкого в 1695 году.³⁷ Никифора Прокофьева в 1696 году.³⁸ в отчетах которых заметное место уделено характеристике традиций и обычаев посольского церемониала.

Вот что писал по этому поводу Никифор Прокофьев в своем статейном списке: «декабря в 26 день... приехали в Телеуцкую землю в белые калмыки ко князю Табуну Кокину... в улус... и стали около своим станом в двух верстах от Табуна. И князец Табун... генваря в 6 день собрався с товарищи и с детьми своими и с братьями и с племянники и со всеми улусными людьми и к себе в юрту... ево, Никифора, с товарищи, взяли и про государское многолетнее здоровье спроси он, Табун снял шапку, а дети ево, Коен, да Матуй, да Байгорок и братья и племянники и все улусные люди сняли шапки, тож стоя спрашивали честно».³⁸

Русский посол ответил согласно требованиям наказной памяти, после чего им были высказаны претензии к Табуну Кокину со стороны томской администрации. Затем Н. Прокофьев призвал князя «под государеву руку». «И против сего... выговору, — сообщал Н. Прокофьев, — князец Табун с товарищи и с тремя своими детьми и с братьями и с племянники великим государем вину свою принесли и поклонились... и говорили, — быть им всем под высокою рукою и — великим государем служить и прямишь и во всем всякого добра хотеть... и если де я, Табун, или дети, или братья, или племянники, или которая улусная люди шertz свою в чем нарушим... и на всех нас... меч и сабля и всякое разорение без остатку».³⁹ Успешно завершив свою миссию, Н. Прокофьев возвратился в Томск.

Таким образом, по мере развития сношений Русского государства с зарубежными странами, в России сложилась своеобразная традиция встречи и приема послов, которую сибирская администрация стремилась соблюдать и в глубокой провинции. Главная задача снаряжаемых ею посольств сводилась к тому, чтобы получить от послом личную присягу от кочевого правителя на верность великому государю.

Добиваясь приведения князцов в зависимость от русского престола, послы между тем ревностно следили за соблюдением первыми правил посольского этикета, нарушение которого рассматривалось как недружелюбный акт и служило местным властям своеобразным предупреждением об опасности. В силу этого сибирская администрация всячески пытается добиться соблюдения и выполнения правил посольского церемониала представителями алтайской родоплеменной знати.

³⁶ ААН, ф. 21, оп. 4, д. 18, лл. 341—343.

³⁷ Там же, лл. 436—443.

³⁸ Там же.

ХУДОЖНИК Н. И. ЧЕВАЛКОВ

Вопрос становления и развития профессионального изобразительного искусства у народов СССР, особенно тех, у которых до революции не было в этой области культуры национальных традиций, относится к числу наиболее интересных, но пока еще недостаточно хорошо освещенных в искусствоведческой литературе. Между тем значение этой проблемы для правильного понимания особенностей советского искусства и его объективной исторической оценки чрезвычайно велико.

В каждом отдельном районе нашей необъятной Родины, у каждого народа этот процесс протекал неодинаково. Наряду с общими закономерностями, характерными для становления всего советского изобразительного искусства в целом, в каждом отдельном случае он имел индивидуальные, ярко выраженные локальные особенности, порожденные степенью развития производительных сил и культуры того или иного народа, а также личными качествами тех людей, на долю которых выпала почетная, но исключительно трудная роль зачинателей национального искусства.

Эти художники были свидетелями и участниками коренного исторического перелома в жизни своих народов, многие из которых были достигнуты Октябрем еще на стадии патриархально-феодалных отношений и должны были в короткий срок сделать гигантский скачок, чтобы сразу же, минуя капиталистическую стадию, встать на путь следующей, более высокой ступени общественного развития — на путь социализма.

На их глазах совершалась ломка вековых традиций, устоев и представлений в экономике, жизненном укладе, психологии людей и рождение новых социалистических норм личной и общественной жизни, происходило становление нового свободного человека.

Все это стало главной темой их творчества, той питательной средой, которая формировала их мировоззрение, идейные и эстетические принципы нарождающегося искусства. Можно утверждать, что появление таких художников, ставших основоположниками национальных искусств, было прямым следствием тех изменений, которые принесли с собой социалистические преобразования.

Николай Иванович Чевалков принадлежит к числу тех национальных художников, о которых с полным правом можно сказать, что их талант был разбужен громовым раскатом Великой Октябрьской социалистической революции, а первые шаги в творчестве совпали с тем трудным, но прекрасным и волнующим временем, когда после свершения революции и победного окончания гражданской войны не только закладывались основы нового общества, но и зарождалось в поисках и противоречиях многонациональное советское искусство — самое передовое искусство в мире.

Интересна и необычна судьба этого талантливого самородка. Вышедший из глубин народных и лишь в зрелом возрасте получивший

возможность по-настоящему профессионально заняться творчеством он, тем не менее, за короткое время сумел добиться такого мастерства, которое по праву составило ему репутацию одного из самых интересных и самобытных художников Сибири 30-х годов.

Трудно проходило детство Н. И. Чевалкова, становление и развитие его творческой индивидуальности. Он родился в с. Улале 24 декабря 1892 года и был девятым, самым младшим ребенком в семье бедняка-крестьянина Ивана Никитича Чевалкова из рода Мундус, некогда пришедшего в эти места из Кузнецкого Ала-Тау.

Сначала Николай учился в церковно-приходской школе в с. Улале. Вот как об этом периоде своей жизни и начавшемся проявляться даровании рассказывает сам художник: «Стремление к искусству проснулось во мне рано. Родители мои (малограмотный отец и неграмотная мать), считая художников бездельниками, решили отдать меня в миссионерское катехизаторское училище, которое находилось в г. Бийске. Прочувшись год, после летних каникул и наотрез отказался поехать туда снова и охотно променял молитвы, литургию и священное писание на соху, за которой я ходил больше десяти лет, не переставая мечтать о любимом деле».¹

Однако желание посвятить себя искусству не проходило, и в 1914 году по совету знакомых Чевалков обратился к епископу Макарию, руководителю Алтайской духовной миссии, с прошением о направлении его в Московскую школу живописи.

Полагая, что в училище алтаец забудет бога, епископ сначала разгневался: «Брось богохульные мысли! Научи вас, вы и бога забудете, — ворчал он, но потом неожиданно дал согласие. — На что тебе эти бессмысленные картинки? — вдруг ласково заговорил Макарий. — Ты поедешь со мной в одной карете, помотришь Москву, обойдешь лучшие храмы, и тогда я тебя устрою в иконописную мастерскую при Сергиево-Горницкой лавре... Ты проучишься около двух лет, а я тем временем устрою в Чемале огромную иконописную мастерскую, где потом ты разбернешь миллионные дела».² Но молодой художник не продал своей свободы. В день, когда Макарий проезжал Улалу, Чевалков ушел в поле, боясь, что его увезут насильно. Рассерженный епископ от злости не стал обедать у местного попа и проехал в г. Бийск.

Казалось, так и останется в неизвестности талант алтайского юноши, никогда не сбудется его светлые мечты об искусстве.

Но пришел 1917 год. Грянула Великая Октябрьская революция, ставшая поворотным пунктом не только мировой истории, истории государств и народов, но и в судьбах отдельных людей. После разгрома Колчака и окончательного установления Советской власти в Горном Алтае началось строительство новой жизни. И тогда, по словам художника, «широко раскрылись для нас двери к знанию, науке и искусству».³

Чевалков поступил в Барнаульскую художественную школу, где уже с первых выставок обратил на себя внимание самобытностью видения природы, своеобразием ее творческой интерпретации.

Окончив школу с отличием, он получает направление в Московский художественный вуз. Болезнь не позволила ему продолжить свое образование. Он возвращается в родное село и с головой погружается в творческую и общественную работу. Одиннадцать лет преподавал он рисование в школе и педагогическом училище, работал над художест-

¹ Н. И. Чевалков. Мой путь к искусству. «Красная Ойротия». Ойрот-Тура, от 1 мая 1936 г.

² Там же.

³ Там же.

вним оформлением города к революционным праздникам, принимал активное участие в издательском деле, в оформлении газет и журналов.

Однако и в эти годы, до отказа загруженный общественной и преподавательской работой, он ни на один день не оставлял творчества, постоянно совершенствовал профессиональное мастерство. Будучи серьезным, вдумчивым художником, Николай Иванович в своем искусстве не стремился к одному только точному воспроизведению действительности. Еще с училищной скамьи искал он свой собственный изобразительный язык, стремился найти образы, пластические средства, которые были бы, во-первых, понятны народу, и, во-вторых, были бы современными, т. е. отвечали духу времени.

На первый взгляд может показаться странным, что уже первые шаги Чевалкова в творчестве начались с поисков новых форм в живописи.

Но такое уж было время. Чрезвычайно противоречивой, насыщенной разнообразными идеями и устремлениями была художественная жизнь Сибири 20-х годов. В эти годы Сибирь уже мало чем напоминала ту дореволюционную окраину царской России, которая была далека от художественных центров страны, от живого биения пульса искусства.

Если раньше в крупных городах Сибири можно было по пальцам пересчитать художников-энтузиастов, то теперь даже во многих уездных центрах можно было встретить представителей самых различных течений и группировок. Сразу же после установления Советской власти во многих сибирских городах возникли различные группы и объединения.

В их организации приняли участие художники, получившие признание еще в дореволюционное время, такие как Д. И. Караташов из Красноярска, Н. В. Лоденчиков и И. И. Померанцев из Иркутска, Н. Ф. Смоленн и В. И. Лукин из Омска, А. О. Никулин из Барнаула, а так же молодые кадры, появившиеся на художественной арене Сибири уже в советское время — К. Ф. Вальдман, П. В. Вошаккин, И. И. Тютиков, С. И. Ликин, Б. И. Лебединский, А. Г. Заковряшин, А. К. Лекаренко и другие.

Чутко прислушиваясь к событиям, происходящим на главном фронте художественной жизни в Москве и Ленинграде, и следуя им, сибирские живописцы и графики в то же время упорно искали новые изобразительные возможности для выражения специфических особенностей сибирской темы. И, понятно, вопросы формы в этих исканиях были наиболее актуальными.

Большинство художников — и начинающих, и уже старых, опытных мастеров — вели упорные поиски новых изобразительных средств, при помощи которых они стремились отобразить преобразования, свидетелями и активными участниками которых они были. Естественно, не у всех художников эти поиски приводили к желаемым результатам. Много было ошибок, неудач, противоречий, крайностей и разочарований даже у лучших из них, искренне стремившихся найти для искусства новые выразительные возможности. Были и такие, кто подменял эти в общем-то понятные и благородные устремления погоней за оригинальностью, попыткой превратить живопись в средство индивидуального самовыражения или полигон для формалистических экспериментов.

Здоровая реалистическая основа таланта Н. И. Чевалкова проявилась в том, что он не задержался, подобно многим своим коллегам по искусству, на чисто формалистических исканиях, а с самого начала пошел по пути освоения декоративных традиций своего народа, по пути поисков и творческой реализации особенностей его духовного мировосприятия. Вот почему в его ранних картинах преобладает настроение тишины и покоя, а излюбленными цветами в живописи являются чистые синие, желтые, фиолетовые и красные тона, то есть основные цвета сол-

печного спектра. Цвет чистого неба и озерной глади, краски весенней листвы и спелых ягод, осеннего леса и подернутых дымкой горных далей. Это любимые цвета алтайцев, часто употреблявшиеся ими в декоративном и прикладном искусстве. Пожалуй, наиболее ярко эти качества живописи Чевалкова нашли свое выражение в его картине «На берегу Телецкого озера», созданной им в середине 20-х годов.

При знакомстве с произведением невольно напрашивается сравнение с музыкальным этюдом, ибо настолько необычно и своеобразно ее эстетическое воздействие. На берегу Телецкого озера расположились четыре человека: две женщины и двое мужчин в ярких оранжевых рубахах. Одна из женщин стоит лицом к озеру, другая в остроконечной национальной шапке сидит на корточках спиной к нему. У мужчин в руках трубки, причем один из них, молодой, на первом плане, набивает трубку табаком из красиво украшенного орнаментом кисета. Ничто, кажется, не связывает группу между собой, ничто не объединяет. Все они спокойны, задумчивы, погружены в свои мысли. Они как бы прислушиваются к своей, только им слышимой и понятной музыке. Эти люди также задумчивы и безмолвны, как голубая гладь озера за ними, как серебристые горы на противоположном берегу, как белые, ритмично повторяющиеся волны облаков.

В картине нет привычного сюжета. И не надо искать его. Эта картина настроения. В ней художник обращался не к логике зрителя, а к его сердцу, искал дорогу не к мышлению, а чувству. И этот путь он видел не во внешней литературности сюжета, не в пересказе увиденного, где содержание картины раскрылось бы с самого начала и не требовало от зрителя эмоционального напряжения, а зашифровал его в колорите произведения, в пластике расположения живописных пятен, гармонически расположенном, уравновешенном ритме холодных и теплых тонов, т. е. в специфических особенностях самой живописи, как вида искусства.

Художник хочет втянуть зрителя в мир тех чувств и настроений, которые пленили его самого, хочет приобщить всех к тайнам гармонии красок и звуков. И это удастся ему. Настроение покоя, гармоничного единства природы и человека, очарование удивительного душевного равновесия исходит от этой красивой, исключительной самобытной картины.

Это воздействие кроется не только в верию найденном живописном ключе произведения, условности, символичности композиции, но, пожалуй, больше всего в правдивой передаче отдельных особенностей характера изображенных людей — алтайцев, в частности их склонности к мечте и созерцательности.

Интересно, что два года спустя, после того как картина была закончена, Чевалков вновь побывал на Телецком озере и получил возможность проверить свое впечатление, выраженное им после первой встречи.

«На Алтае пробыли полтора месяца, — писал он в августе 1927 года своим друзьям-художникам в Новосибирск. — Я люблю водную стихию, а Телецкое озеро редко спокойным бывает. Качало нас не на шутку... Я вторично пережил от озера и его окрестностей потрясающее впечатление: глубокая синева гор и воды, белые декоративные облака, покойно, монументально застывшие в голубых небесах, ленивые и плутоватые телянгиты, мрачные утесы, стройные, таинственные кедры, сочные травы с яркими цветами.

Бывало пойдешь по берегу озера, а синева так тебе и режет глаза, так и манит к лени и сладостной мечте.

Бросаясь на траву, беспечно, сквозь дремоту смотришь в голубую даль неба.

Где-то на берегу или в лодке по озеру алтаец песни поет.

Лениво кружится орел.
— Хо-ро-о-шо!!»⁴

Национальный колорит произведений Чевалкова, декоративность, их своеобразная философичность не остаются незамеченными. Известность художника начинает расти. В 1925 году Николай Иванович устраивает в областном центре первую выставку своих работ, которую, кстати сказать, можно считать вообще первой художественной выставкой в области.

Необычность его картин понравилась не всем. Их яркий, или как тогда писали, «дикий, особый восточный колорит» вызывал недоумение неискушенных в тонкостях изобразительного искусства улалинских зрителей. Однако это, казалось бы, неудачное выступление перед зрителем не смутило художника, и он посылает свои работы в краевой центр, где в октябре того же года выставляется в помещении редакции газеты «Советская Сибирь».

Зрители и критика тепло приняли его работы. В прессе отмечалось своеобразие творческой индивидуальности художника, его стремление по новому решить тему Алтая. На страницах газеты «Советская Сибирь» можно было встретить такие отзывы: «Картины Чевалкова весьма своеобразны. В сравнении с творчеством Гуркина они в отношении Алтая являются новым словом». Или «в работах этого художника поражает зрителя изумительная яркость красок, музыкальность и своеобразный оптимизм в восприятии красот Алтая».

Успех выставки в г. Новосибирске укрепил в Н. И. Чевалкове веру в себя, в правильности избранного пути. Год от году растет его популярность. Дом художника в с. Улале становится центром художественной жизни Горного Алтая. У него останавливались и работали художники, приезжавшие на Алтай из Новосибирска, Барнаула и других городов страны.

В 1926 году в г. Новосибирске образовалось общество художников «Новая Сибирь». Одним из членов-учредителей этого общества был Н. И. Чевалков. Еще через год здесь же, в г. Новосибирске, состоялась общесибирская художественная выставка, в которой приняли участие почти все ведущие художники Сибири. Одновременно с ее открытием начал работу I-й съезд сибирских художников.

Эти два интереснейших события получили большой резонанс в культурной жизни Сибири. Впервые художники обширного района страны, собравшись вместе, могли поговорить о дальнейших путях развития своего искусства, обсудить вопросы направления, которое бы лучше отвечало интересам советского народа, праздновавшего в том году десятилетний юбилей Октябрьской социалистической революции.

Вопросы единого направления, новых форм в искусстве в то время не были праздными. Скорейшее разрешение их, выработка единого творческого метода, стиля, направления была животрепещущей необходимостью, которая должна была упорядочить неразбериху, царившую в искусстве тех лет. В частности, съезд должен был принять важное решение — присоединиться ли к АХРР (Ассоциация художников революционной России), объединившей в своих рядах художников, стоявших на реалистической платформе и признавших идейность и партийность искусства, или остаться на позициях идейного и организационного разброда.

Горячо обсуждались участниками съезда проблемы создания худо-

⁴ Н. И. Чевалков. По кривой линии. Журнал «Настоящее», Новосибирск 1927 г. стр. 25.
⁵ А. Кручина. Выставка картин. «Советская Сибирь». Новосибирск. от 25 октября 1925 г.

жественного музея в Сибири, профессионального образования и другие. Кратко остановимся на некоторых наиболее выразительных выступлениях, обрисовывающих общее состояние искусства Сибири и пути его дальнейшего развития, а также на выступлениях, связанных с творчеством Н. И. Чевалкова, который представляя на съезде искусство Горного Алтая.

Вот фрагмент из доклада художника М. М. Черемных: «Если Сибирь на 90% не исследована, то она не зарисована на 99,99%. В живописи больше звучит Алтай... Путь художника в Сибири такой же, как путь ученого и писателя. Это путь исследователя...»⁶

Художник П. Вошакин, выступивший с большим докладом, говорил: «... у Сибири, в силу ее климатических и географических данных, есть только ей присущие, ценные для художника черты. Этого мы не должны забывать, это, наоборот, нужно выявлять, отображать. Этот материал, художественно использованный, делает его оригинальным, самобытным, богатым художественными образами... Мы должны идти через сибирское содержание в современной форме».⁷

Пожалуй, выступление П. Вошакина является наиболее характерным для съезда. Мастера сибирского изобразительного искусства стремились прежде всего отобразить художественную самобытность своего края. В этом плане произведения, привезенные алтайским живописцем, оказались в фокусе внимания художественной общественности и зрителей. Продолжая линию П. Вошакина, красноярский художник В. П. Петраков сказал: «Художникам надо работать в более близкой среде. Нужно вытягивать художников наменьшинств, выявлять их силы. Чевалкова мы должны беречь, не выдергивать его сюда, а создать ему там возможность работать свободней и больше...»

Любопытное замечание о творчестве алтайского живописца сделал новосибирский художник А. Иванов: «Чевалков интересен тем, что не только застрял на сибирской тематике, а знаком с западным искусством. Высокая техника, плюс любовь к Сибири. Он по происхождению алтаец, т. е. по природе созерцатель. Это отразилось в его работах...»⁸

Интерес представляет выступление писателя В. Я. Зазубрина от имени журнала «Сибирские огни». Обращаясь к художникам по поводу выставки, он сказал: «Вы же выставлялись в Сибири в масштабе края только впервые за время Советской власти. Первая встреча с художниками вышла удачной: 2000 зрителей за 2 дня — это колоссально! Это говорит о том, что у художника есть зритель и что художник признан».⁹

Выступил на съезде и Чевалков. Его рассказ наглядно иллюстрирует ту обстановку, те трудности, которые приходилось преодолевать зарождавшемуся искусству.

«Художнику в Ойротии очень одиноко. Нас двое — Гуркин и я. Гуркин сейчас почти не работает, я — с трудом. Мы живем далеко друг от друга. В Улале я устроил маленькую выставку, вход бесплатный, публика не шла, почти насильно загоняли, и нынче на выставке не больше было... Я работаю в школе. Большинство детей — алтайцы, есть и русские... У Гуркина идея — на 25 человек детей студию открыть. Я поддерживаю. Мне нравится идея Надольского — керамическая мастерская. Очень нужная вещь... Через два года мы поразим своей продукцией, если открыть мастерскую».

Участие в работе съезда и в выставке дали многое алтайскому ху-

⁶ Копылов. На перевале «Сибирские огни» 1927 г. № 3. Материалы I го съезда Сибирских художников.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

дожнику. Он познакомился со многими собратьями по искусству, а с некоторыми из них завел тесную дружбу, так необходимую ему. Особенно большое значение для творческого роста Н. И. Чевалкова, расширения его изобразительного диапазона, имело сближение его с группой художников, объединившихся вокруг журнала «Настоящее».

Среди разнообразных периодических изданий, существовавших в Сибири в 20-е годы, чуть ли ни ежедневно возникавших, как грибы после дождя, и лопавшихся, как мыльные пузыри, иногда сразу же после своего первого появления на свет, — журнал «Настоящее» отличался тем, что сумел собрать вокруг себя группу интересных, по-настоящему талантливых сибирских художников, преимущественно графиков, таких как Т. Ликман, А. Заковряшин, С. Ликин, В. Анисимов, А. Емельянова и другие, которым журнал был обязан высоким качеством своего художественного оформления.

Об общей идеологической концепции журнала в вопросах литературы и изобразительного искусства, а именно этим проблемам он и посвящался, можно судить по заявлению, сделанному художниками «Настоящего» в одном из первых номеров: «Сознательное подчинение специфических задач искусства целям и задачам рабочего класса мы противопоставляем сюсюканию о вечной красоте, общечеловечности и интенциональности искусства. Все формы искания должны быть направлены к тому, чтобы с наибольшим эффектом обслуживать массовые орудия г. д.»¹⁰

В своей творческой практике художники «Настоящего» следовали, в основном, второй части своего заявления. И в этом они добились заметных успехов.

Судя по оформлению издания и произведениям, опубликованным на его страницах, можно сказать, что искания графиков журнала были достаточно серьезными, а природная талантливость и развитый художественный вкус позволяли им создавать вещи высокого художественного звучания.

Художники «Настоящего» составляли в то время одно из самых интересных явлений сибирского изобразительного искусства. Недаром без учета творчества таких художников, входивших в объединение, как В. Анисимов, А. Заковряшин и других, трудно представить историю становления развития сибирской графики, в частности линогравюры.

С художественным коллективом журнала был связан и Н. И. Чевалков. На его страницах он опубликовал несколько своих графических работ, писем. Возможно даже, что этот контакт, с коллективом «Настоящего» положил начало освоению Чевалковым техники линогравюры, которая позднее, наряду с живописью, стала ведущей линией в его творчестве.

Современники художника: ученики, родственники, коллеги по искусству, наконец, просто знакомые люди, знавшие Н. И. Чевалкова, в один голос утверждают, что он исключительно много работал, много писал, он вел дневники, писал статьи в газеты и журналы, сочинял глубокие по чувству и искренности письма, откровенные до самообнажения. В них он как бы препарировал себя, свой труд, свое призвание. Но это не было интеллигентским самобичеванием, пессимистическим нытьем, жалобой на непонимание окружающих и жизненные затруднения. Ни в коем случае. Его немногие сохранившиеся документы, в особенности письма, далеки от позы и говорят нам о страстном стремлении художника найти истину, правду искусства, найти себя и свое место в нем. Эти документы рисуют нам Н. И. Чевалкова человеком тонкого духов-

¹⁰ От художников «Настоящего» «Настоящее», Новосибирск, 1927 г. № 6—7.

ного настроения. Эмоциональный, остро реагирующий на все, он в то же время отличался упорным и непоколебимым характером в достижении своих целей.

Интересно привести описание внешности художника, записанное несколько лет назад новосибирским искусствоведом Павлом Муратовым (кстати сказать, первым исследователем, открывшим Чевалкова после многолетнего забвения) со слов старейшей сибирской художницы Н. Н. Нагорской.

В беседе с Муратовым она сообщала: «Внешность Николая Ивановича была не художественная: большая голова, нескладные туловище, слабые руки. Впечатление производил болезненное. Но говорил он красиво и всегда точно. Слушаешь его и удивляешься: где живет этот человек, в Москве или в глухом алтайском поселке? Откуда у него эти красивые мысли, так хорошо высказанные? Очень умно и содержательно говорил, — добавила старая художница, — из него получился бы свой алтайский Рерих, если бы его талант мог развиваться.»¹¹

Мог бы получиться! Этим многое сказано. Значит, были у Н. И. Чевалкова качества, которые при надлежащем развитии могли со временем, не скажем сравнять его, но хотя бы приблизить к Рериху, этому гиганту интеллектуальной живописи, чье творчество представляет собой одно из самых интересных и значительных явлений мирового искусства XX века.

Этим сравнением Н. Н. Нагорская подчеркивала одухотворенность произведений Чевалкова, народность их, не простое стремление художника правильно показать внешний мир, но и выразить его внутреннюю духовную сущность, выразить средствами живописи большие философские мысли.

Эти особенности творчества Чевалкова замечала не только Н. Н. Нагорская. Вот что писал о его работах Г. Эфендиев в журнале «Искусство»: «Чевалков — молодой художник, не получивший специального образования... Идеализации природы он противопоставляет красочное, несколько обобщенное, но реалистическое понимание ее, используя яркость цвета алтайского народного орнамента. В его работах много специфических национальных черт. Красочность его картин является отражением окружающей природы...»¹²

В самом деле, рассматривая сейчас немногие сохранившиеся произведения Н. И. Чевалкова, несмотря на их профессиональное, техническое несовершенство, поражаешься серьезности творческих задач, которые каждый раз ставил перед собой художник. Любый этюд, каждая работа были для него связаны с глубоким размышлением о жизни.

В 30-е годы художник, следуя общей тенденции развития советского искусства, начинает пересматривать свои творческие принципы. Снова начинаются мучительные поиски новых форм выражения. В эти годы он много работал над портретами, без усталости писал этюды, наблюдал. Сочинял множество различных композиций, все более и более удаляясь от символических загадок и отвлеченных идей, свойственных ранним работам, к отображению более реальных и конкретных проблем времени.

Художник стремится подчинить свое искусство задачам строительства социализма в Горном Алтае, сделать его острым идейным оружием, которое помогало бы бороться с пережитками прошлого, звало вперед, было боевым и актуальным. Возможно, именно эти задачи заставили Н. И. Чевалкова обратиться к графике, в частности к линогравюре, как технике более удобной и оперативной, дающей возможность тотчас же откликаться на любые злободневные проблемы современности. Очень

¹¹ П. Муратов. Художник Чевалков, «Сибирские огни», 1962 г. № 7, стр. 155—157.

¹² Г. Эфендиев. О художественной культуре Ойротии «Искусство», 1936, № 4.

много времени он посвящает работе в периодической печати, участвует в оформлении первых книг и учебников на алтайском языке.

С его именем связаны также организация и лучшие достижения Оброт-Туринской художественной школы, сыгравшей заметную роль в культурной жизни области предвоенного десятилетия. Без преувеличения можно сказать, что в течение всех 30-х годов, вплоть до Великой Отечественной войны, школа была художественным центром области, именно она формировала и определяла развитие всего изобразительного искусства Горного Алтая. И не удивительно, ведь рисунок и живопись в этом учебном заведении преподавали Г. Н. Гуркин и П. Н. Чевалков.

Большие надежды подавали ученики школы — скульптор из Кош-Агача Ярымка Мечешев, графики — резчик по линолиуму Г. Бекин, исключительно способный орнаменталист и иллюстратор алтайского эпоса А. Каланаков, живописцы А. Бодунов, А. Таныш, Н. Шагаев и другие.

К сожалению, до нас почти не дошли документы о школе, произведения ее учеников, если не считать нескольких деревянных скульптур Я. Мечешева, сохранившихся в музеях Горно-Алтайска и Барнаула, ряда книг, оформленных А. Каланаковым и нескольких живописных этюдов из собрания Горно-Алтайского краеведческого музея.

Пожалуй, некоторое представление об учениках школы, разумеется, самое общее и только о графиках, может дать коллективный альбом линогравюр, созданный учениками и преподавателями школы к празднованию 10-летия Горно-Алтайской автономной области в 1932 году. Конечно, техническое выполнение альбома не отличается высоким качеством — линогравюры оттиснуты на оберточной бумаге ручным способом. Не всегда высок и профессиональный уровень произведений, вошедших в него. Это и понятно: кроме П. Н. Чевалкова, ни один из авторов не имел еще опыта работы с этой графической техникой.

Важно другое. В альбоме нашел свое выражение определенный момент истории алтайского народа, пробуждение его к новой жизни, к знаниям, к культуре. В этом смысле альбом знаменателен. Он выполнен людьми первого поколения освобожденного народа.

Инициатором, идейным и художественным руководителем альбома был Николай Иванович Чевалков. Именно он предложил своим ученикам сделать к юбилею области свой художественный подарок.

Бывшие ученики школы, сейчас старейшие художники Горного Алтая: А. А. Таныш, Л. Г. Сухов, племянник Николая Ивановича П. С. Чевалков, — также принимали непосредственное участие в составлении альбома. Они отмечали, что предложение педагога сделать к юбилею области особый подарок было встречено учениками с огромным воодушевлением.

За работу принялись сразу. Не было подходящей бумаги, линолеума для оттисков. Но после долгих поисков решили и эту проблему — нашли оберточную бумагу, более или менее подходящий линолеум.

Днем делали эскизы. Ночами печатали оттиски, с нетерпением ожидая появления свежих, пахнущих краской листов со своими произведениями.

Несмотря на технические и профессиональные огрехи, альбом несет в своем содержании печать эпохи. Это своеобразный художественный рассказ о времени. Из общего числа работ обращают на себя внимание динамичные, обобщенные до гротеска образы талантливого графика Г. Бекина, пейзажные и жанровые листы А. Таныша и А. Каланакова. Несколько листов альбома — титульный лист, начала разделов и портрет В. И. Ленина выполнил Чевалков.

Очень часто в 30-е годы рисунки Чевалкова можно было встретить в периодической печати. В противовес ранним увлечениям эти работы —

путевые рисунки, наброски, линогравюры, живописные произведения — целиком натурные, посвящены самым простым житейским мотивам. Особенно он увлекается романтикой строительства новой жизни на Алтае.

«В загсе», «Ликвидация неграмотности», «Алтаец-охотник», «Секретарь сельсовета», «Колхозник ойрот», «На съезд» — вот основные произведения, созданные художником в 30-х годах. Для него как бы расширяются границы реализма, он начинает понимать всю безграничность и жизненность этого метода, все многообразие его проявления. Он понимает, что в то же время реализм предъявляет большие требования к его художественному мастерству. Как и раньше, он много работает над собой, много ездит по области. Так, в 1930 году Н. И. Чевалков вместе с Л. Г. Суховым, впоследствии одним из учеников художественной школы, по командировке облоно совершает месячную поездку по районам области. Во время поездки внимание художника привлекают изменения, происходящие в жизни алтайского народа. Внимательное и постоянное изучение жизни трудящихся области вдохновляет его на большие замыслы.

В 1936 году, готовясь к 20-летию Советской власти, Н. И. Чевалков задумал написать цикл исторических работ о прошлом и настоящем Горного Алтая, в частности, картины «Социалистическая Ойротия» и «Счастливая зажиточная жизнь ойрота-колхозника».

Одна из картин цикла «Зайсанский суд» (она находится в постоянной экспозиции Горно-Алтайского краеведческого музея), написанная в то время, выполнена красиво и очень живописно, но в ней не совсем ясно выражена идея суда. Очевидно, картина мыслилась как составная часть определенной серии о дореволюционном прошлом Алтая, но может быть, в ней выразились и рецидивы старой болезни — преувеличение чисто живописной, красочной стороны произведения.

К сожалению, выполнить свой замысел полностью Н. И. Чевалкову не удалось. Отправившись в творческую командировку в с. Кош-Агач, художник заболел, перенес операцию, а через несколько месяцев умер. Это случилось 10 марта 1937 года.

Следует отметить, что автор не ставил своей задачей дать исчерпывающее исследование творчества и педагогической деятельности Николая Ивановича Чевалкова, одного из зачинателей алтайского советского изобразительного искусства. Однако даже на основе краткого анализа его творчества можно утверждать, что роль и значение его художественной деятельности не ограничивается только рамками алтайского искусства. В истории культуры советской Сибири его имя стоит в ряду тех, кто был свидетелем и непосредственным участником становления ее изобразительного искусства.

Кроме того, многие живописные искания Н. И. Чевалкова, в частности; его стремление использовать живописные традиции декоративного искусства алтайского народа, достижения художника в области графики, особенно линогравюры, небезинтересны и в наши дни и многое могут дать современным алтайским художникам в их поисках национального стиля.

Автор надеется, что данный очерк воскресит самобытные искренние произведения Н. И. Чевалкова, образ его самого в памяти тех, кому привелось знать художника и видеть его творчество, познакомит с его творчеством тех, кто не знал его раньше. Автор надеется, что все это даст толчок к дальнейшему изучению жизни и творчества замечательного алтайского художника.

ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Односоставные предложения являются совершенно неисследованной частью синтаксиса алтайского языка. Во всех грамматиках алтайского языка об односоставных предложениях даже не упоминается. Причиной такого невнимания к односоставным предложениям послужил общий подход в тюркологии к синтаксису: долгое время односоставные предложения оставались вне поля зрения тюркологов. В тех трудах, где были отмечены некоторые виды односоставных предложений, четкой дифференциации между ними не проводилось (Казембек, Гордлевский, Дмитриев, Поцелуевский, Богородицкий и др.).

С середины пятидесятих годов наблюдается интенсивная разработка вопросов тюркского синтаксиса. Это прежде всего коснулось односоставных предложений, по которым написаны отдельные монографии: А. М. Джавадов «Безличные предложения в современном азербайджанском языке», Баку, 1956; Г. И. Донидзе «Безличные предложения в хакасском языке», Абакан, 1957; Э. И. Будагова «Простое предложение в современном азербайджанском литературном языке», Баку, 1963 и др.

К односоставным в алтайском языке относятся такие предложения, в которых непосредственно обнаруживается только один главный член. Термины подлежащее и сказуемое в применении к односоставным предложениям не находят полноты того значения, что свойственно им в двусоставном предложении. Так, при упоминании о подлежащем необходимо возникает потребность в присутствии сказуемого, а при сказуемом — подлежащего. Поэтому применение названия (термина) подлежащее или сказуемое к конструктивным центрам односоставных предложений не применимо. По этой причине конструктивный центр как в глагольных, так и именных односоставных предложениях приемлемо называть главным членом односоставных предложений, что мы и будем делать в предлагаемой статье. Этот главный член несет в себе внутрисмысловую статичность или динамичность передаваемого факта.

В учении об односоставных предложениях привлекает внимание теория происхождения безличных предложений. Согласно этой теории, безличные предложения выводятся из личных. Очевидно, такой взгляд распространяем не на все виды безличных предложений. В какой-то степени его можно применить к происхождению безличных предложений, обозначающих явления природы. В результате языковой экономии, многие процессы природы, которые раньше передавались двусоставными предложениями типа: *тан жарыйт*¹ — «старя занимается», *шуурган шуургандайт* — «буран дует», в современном языковом выражении передаются односоставными безличными предложениями, так как подобные про-

¹ М. А. Сагитов. Структурно-семантические типы безличных предложений в современном татарском литературном языке. Казань, 1964 г. стр. 29; А. Г. Руднев. Синтаксис современного русского языка, изд. Высшая школа, Москва, 1968, стр. 49.

иссы природы воспринимаются как само собой разумеющиеся и нельзя спутать их с другими явлениями. Если в пять часов утра произнесут *jarыйт* — «свetaет» без употребления слова *тач* — «заря, рассвет», то ясно, что речь идет о наступлении рассвета, хотя в предложении само зарождающееся явление не выделено отдельным словом. И совершенно неприемлема данная теория к безличным предложениям, выражающим идею каких-либо действий или некоторым видам предложений, передающим психо-физическое состояние человека. В итоге о безличных предложениях можно сказать следующее: возникновение безличных предложений из личных двусоставных путем отвлечения деятеля (или носителя состояния), представление действия в виде самопроизвольно происходящего процесса и безличные предложения, обозначающие идею совершения действия с модальной нагрузкой с различным оттенком, являются результатом обстрагирования мышления человека.

Номинативные предложения в письменной речи встречаются в прозаических и поэтических произведениях, а также в газетных заметках, статьях и т. д. Особым видом односоставных предложений выступает обращение.¹

ОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Определенно-личное предложение представляет собой такой тип предложения, который употребляется для сжатого сообщения о предметах, явлениях, событиях действительности в их предикативном выражении, где лицо деятеля конкретно, определено, но не находит воплощения в отдельном члене предложения (подлежащем) в силу особой синтаксической и стилистической необходимости. Объяснение этого положения заключается в информационной полноте грамматической формы сказуемого и лексической экономии в речи: — *Торлон брбкюн! Талтхам, талтхам! Турген алыгар! Кызыл жес!* (Р. j.) «Дядюшка Торлон! Нашел, нашел! Быстрее берите, Красная медь!» Отсутствие подлежащего в приведенных примерах не нарушает смысла высказывания. Этот факт следует рассматривать как своеобразное определенно-личных предложений, обусловленных их функциональным назначением в языке.

Определенно-личное предложение формируется на базе сказуемого. По грамматической форме сказуемого можно установить лицо, т. е. кем совершается действие. Определенно-личные предложения считаются односоставными, потому что в них участвует лишь один из главных членов (сказуемое).

Сказуемым в определенно-личном предложении выступает глагол: 1) изъявительного наклонения с семантикой настоящего, будущего или прошедшего времени; 2) повелительного наклонения, а также формы причастия. Примеры:

1. *Куучиндажалы би?* — *Куучиндажалы.* (Р. j.) «Поговорим? — Поговорим», *Кожо баралы* (Р. j.) «Идем вместе», *Библиотекага бирып, книга кычыратам* «Пойду в библиотеку и почитаю книгу», *Слер чилеп, тартыжарыс* (Р. j.) «Будем бороться как вы», *Энди ишти де баштаарга кем жок. Баштагар!* (Р. j.) «Теперь можно начать работу. Начинайте!»

В приведенных односоставных определенно-личных предложениях субъект действия выражен в формах глагола, первого и второго лица, поэтому нет никакой необходимости в восстановлении подлежащего отдельными словами.

2. *Бис кайда жадатаныс?* — *Квартираны берерис. Те көп лө жанын станда өткүреригер* (Р. j.) «Где мы будем жить? — Квартиру дадим. Но

¹ Т. А. Бергатаев. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. Простое предложение. Изд. «Наука», Москва, 1964, стр. 56

большей частью будете находиться на стансе». *Je, Јорпон 6р6к6н, эмди подшипникти јазал алгадый арга бар ба? — Јазал к6р6рис.* (Р. ј.) «Ну, дядюшка Дьорпон, есть ли возможность отремонтировать подшипники? — Попытаемся отремонтировать». Эти примеры наглядно показывают, что выражение интересующих и волнующих нас фактов односоставными определенно-личными предложениями делает речь доступной, понятной и эмоциональной.

НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Неопределенно-личное предложение в алтайском языке формируется на основе сказуемого. Конструктивная особенность неопределенно-личных предложений позволяет отнести их к односоставным предложениям. В неопределенно-личных предложениях действие совершает не какое-либо определенное лицо, а несколько (или группа) лиц, чьи имена не называются, хотя может быть и известны для передающего сообщения, но остаются совершенно неизвестными для слушающего. Поэтому для неопределенно-личных предложений характерно выражение только действия, которое производят многие лица, когда говорящему важно сообщить не их имена, а факт действия.

Сказуемое этого типа предложений всегда выражается 3 лицом множественного числа, потому что 3 лицо по сравнению с 1 и 2 лицом обладает в большей степени свойством обобщенности. Поэтому следует отметить, что неопределенность (или обобщенность) потенциально содержится в грамматическом значении самой личной формы глагола, выступающей сказуемым неопределенно-личного предложения и вызывается в предложении лишь синтаксическими причинами. В роли главного члена неопределенно-личного предложения широко употребляется глагол в изъявительном наклонении прошедшего, настоящего и будущего времени (и в редких случаях условной формой глагола): *Ыраактагы турлулардан келген чабандарды собранияни президиумына кычырдылар* «Чабанов из отдаленных стоянок избрали в президиум собрания». *Клубта лекция кычырлар!* «В клубе прочтут лекцию!» *Залда табыштанбиза кайдар!* «В зале не шумели бы!» *Капшыгай келгилезе кайдар* «Скорее уж шли бы».

Неопределенно-личные предложения в алтайском языке возникают как в разговорной, так и в письменной речи с тем, чтобы подчеркнуть выделить какое-либо действие, чем самих исполнителей его. Неопределенно-личные предложения употребляются в следующих случаях:

1. Когда невозможно конкретно указать действующее лицо вследствие их многочисленности: *Алтай албатында суу сураган кижиге чеген береткендер* «У алтайцев, если попросят напиток воды, наливают чеген (квашеное молоко)».

2. Когда нужно передать желание, просьбу и пр. от имени целой группы лиц: *Совхозко болужарга јопсингендер* «Дали согласие помочь совхозу», *Сенле куучындажарга келгендер* «Пришли поговорить с тобой».

3. Когда из содержания предложения не выясняется конкретно исполнитель действия: *Адымды ундыгылабас* «Имя мое не забудут», *Оскусти ачындырбастар* «Сироту не обидят».

Таким образом, особенность неопределенно-личного предложения заключается в том, что при неизвестности исполнителя действия его наличие обнаруживается в форме 3 л. множественного числа личного глагола.

ОБОБЩЕННО-ЛИЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Обобщенно-личное предложение основывается на базе сказуемого, употребляется в целях обобщенного высказывания. В обобщенно-личном предложении субъект конкретно не представлен, грамматическая форма сказуемого, как правило, выражена глаголом 2 лица единственного числа и редко 3 л. единственного или множественного числа изъявительного или настояще-долженствительного наклонения. Обобщающий характер значения действия сказуемого и составляет специфическую особенность обобщенно-личных предложений. Обобщенно-личные предложения возникли в произведениях устного народного творчества, в поговорках, поговорках, концовках сказок и т. д.; в этих произведениях воплощена многовековая народная мудрость, которая передается последующему поколению людей в виде обобщенного опыта с наставительной или поучительной направленностью: *Атка минбей ядып, јоругын мактаби* (посл.) «Не сев на лошадь, не хвали ее бег». *Ашты јубей ядып, амтанын алба* (посл.) «Прежде не отведай пищи, не говори о ее вкусе». *Бодушка и женип, бойын темей отурба* (посл.) «Надеясь на помощь, сам зря не сиди». *Алтынны канча ла кире карартсан, кара болбос* (посл.) «Сколько золото не черни, черным не станет». *Балыктап билбес болзо, суу чайбалтап* (посл.) «Если не умешь ловить рыбу, то не мути воду». *Бир мекелезег, экинчизинде мекеден болбозын* «Раз обманешь, второй раз не выйдешь». *Амаду јокко торед до јетпезин* (посл.) «Без цели и до переднего угла не дойдешь!». *Канча кире иштеген, анча кире аларын* «Сколько поработаешь, столько получишь». *Коп кычырзаар, коп билерер* «Много будете читать, много будете знать». *Ба-таа, суу кербей, одјугин чечет!* «О, господи, не видя реки, снимает обувь!»

Обобщенно-личное предложение употребляется в случаях, когда возникает необходимость выражения такого действия, которое обобщено и может быть отнесено ко многим субъектам, как потенциально подразумеваемым лицам, к людям вообще.

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Безличные предложения относятся к односоставным предложениям, т. к. такие предложения формируются при помощи лишь одного главного члена, который передает мысль о каком-либо действии (о процессах в природе или психо-физическом состоянии человека). Поэтому в таких предложениях грамматическое подлежащее не выражено ни отдельным лексическим словом, ни морфологической формой сказуемого. Материал алтайского языка дает две группы безличных предложений в зависимости от средства выражения главного члена в них: безличные предложения глагольные и безличные предложения именные.

Глагольные безличные предложения разделяются на два вида: а) безличные предложения, главный член которого оформлен 3-м лицом единственного числа и б) безличные предложения, главный член которого выражен сочетанием глагольной формы на — *арга* (или причастия с семантикой инфинитива) с разными словами.

Безличные предложения с главным членом, выраженным именем, делятся также на два вида: безличные предложения с главным членом, выраженным именем прилагательным, и безличные предложения с главным членом, выраженным наречием.

ГЛАГОЛЬНЫЕ БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Глагол, выступающий главным членом безличного предложения, принимает форму 3 лица. Эта форма (в отличие от формы 1 и 2 лица) может обозначать как действия одушевленных, так и неодушевленных предме-

тов. Поэтому форма 3 лица представляет собой наиболее абстрактную форму в обозначении грамматического лица.

Безличные предложения с главным членом, выраженным глаголом, по своим семантическим особенностям делятся на такие виды:

а) безличные предложения, обозначающие процессы в природе: *Җарыйт, капшагай јортолык* «Светает, поехали быстрее». *Экиргери айа-за берди* «К вечеру прояснилось». *Тышкыры шуургандайт* «На дворе вьюжит». *Салкындыйт* «Дует (ветер)»;

б) безличные предложения, обозначающие действие стихийной силы: *Мында тым үрдурет* «Здесь сильно дует». *Тышкыры тымды* «На дворе стало тихо»;

в) безличные предложения, обозначающие психическое или физическое состояние человека: *Төрөл јериме тартып јат* «Тянет в родные места». *Сүреен калтырадып јат* «Очень лихорадит». *Коркушту кустырып јат* «Очень сильно рвет».

г) безличные предложения, выражающие нечеткое восприятие: *Туманга јарт билдирбейт* «Из-за тумана хорошо не видно»;

д) безличные предложения, выражающие недостоверное восприятие: *Бастыра эди собгонди уужап салгандый* «Все тело словно измято». *Ары јакынан билдирди* «Подсказано свыше».

е) безличные предложения с главным членом, выраженным деепричастием на *-ыл* вспомогательные глаголы *бол*, *ал* и др. выражают модальные значения возможности совершения действия: *Шуурганга тышкыры да чыгып болбос* «Из-за вьюги и на улицу не выйти». *Синоптиктердик ираактагы станциязыха бир күннин туркунына једип болор* «До отдаленной станции синоптиков можно пойти за один день». *Кичеенгенде институтка вступительный экзамендерди табыштырып болор* «При старании можно сдать вступительные экзамены в институт». *Кадын сууны эжинип кечип болбос* «Катушь нельзя переплести». *Балкашка туфлялуу барып болбос* «В грязь в туфлях не пройти»;

ж) безличные предложения, главный член которых выражен сочетанием причастия на *-ар* (с семантикой инфитива) со словом *керек*. Такой главный член имеет значение необходимости совершения действия, при этом идея необходимости совершения передается словом *керек* «нужный», «необходимый», «надо», «необходимо», само же действие заключено в семантике глагола. Этот тип главного члена не имеет ни форм лица, ни форм числа. Даже нельзя отнести действие главного члена к нейтральному третьему лицу: *Биске јаны клуб тудар керек* (А Ч) «Нам надо построить новый клуб». *Кажы ла кижиге јакшы иштесер керек* «Каждому надо хорошо трудиться». *Кыраны капшагай сүресер керек* «Поле надо быстро пахать».

Глагол, формирующий главный член безличного предложения в сочетании со словом *керек*, может быть по составу сложным: *Уйды айдач экелер керек* «Надо пригнать корову». *Газет ле журналга бичидип алар керек* «Надо подписаться на газету и журнал». *Планды будүрип салар керек* «Надо выполнить план».

Отрицательная форма главного члена безличного предложения образуется отрицательной формой глагола в сочетании со словом *керек*: *Кичинек балага серенке бербес керек* «Не нужно ребенку давать спички». *Јаан кижини ачындырбас керек* «Не нужно пожилого человека сердить». *Оору кижиге аракы ичпес керек* «Не нужно больному человеку пить водку». *Андый болзо, барбас керек* «Если так, то не надо идти».

При главном члене безличного предложения может стоять обстоятельство или дополнение с определением: *Алдындагы јурүмди сананар керек* «Надо думать о будущей жизни». *Јаны отургускан садты кичесер керек* «Надо ухаживать за молодым садом».

а) Безличные предложения, главный член которых выражен сочетанием глагольной формы на *-арга* со словом *керек*. Главный член безличного предложения, образованный таким способом, подчеркивает необходимость совершения того или иного действия: *Сеге үрөнерге керек* «Тебе учиться надо».¹

Для выражения отрицания наряду с отрицательной формой глагола на *-арга* и отрицательной формой вспомогательного глагола может употребляться и слово *жок*: сравни *Бисти сакыарга керек жок* «Нас ждать не надо». *Слерди тообоско болбос* «Вас невозможно не уважать».

и) Безличные предложения, главный член которых выражен сочетанием глагольной формы на *-арга* с вспомогательным глаголом *жараар*. Свообразием этого глагола является то, что он полностью сохраняет свое лексическое значение в самостоятельном употреблении и в то же время способность вносить в предложение модальный оттенок согласия, разрешения, позволения. В силу этого глагольная форма на *-арга* в сочетании с вспомогательным глаголом в функции главного члена безличных предложений выражает значение позволения, разрешения, допустимости совершения действия, при этом идея позволения, разрешения, допустимости совершения действия заключено в слове *жараар*, а само действие в форме глагола на *-арга*: *Эликти жайдын бийинде адарга жарабас* «В летнее время нельзя убивать козуль». *Чечектерди кайда отургузарга жараар?* «Где можно посадить цветы?» *Тушите уйуктаарга жарабас* «Спать днем нельзя». *Лаан кижиле керчележерге жарабас* «Непозволительно пререкаться со старшим». *Мында тын куучындыжарга жарабас* «Здесь громко разговаривать нельзя».

Рассматриваемый тип главного члена выражает действие, соотношенное с настоящим временем. Временной оттенок прошлого или будущего вносится соответствующей формой вспомогательного глагола *болор*: *Бистинг инженерге кийндүлү грамота берерге жараар болор* «Нашему инженеру, вероятно, можно (в будущем) дать почетную грамоту». *Ол тушта мее изү аш та ичерге жарабас болгон* «Тогда мне непозволительно было есть даже горячую пищу».

к) Безличные предложения, главный член которых выражен сочетанием глагольной формы на *-арга* с вспомогательным глаголом *келижер*. В данном случае глагол *келижер* служит для выражения значения неизбежности совершения действия, само же действие передается формой глагола на *-арга*: *Амыраар күйнде блон ижине чыгарга келижер* «В выходной день придется пойти на покос». *Экинчи бригаданы кич жерге ийерге келижер* «Вторую бригаду придется послать на трудный участок».

Сочетание указанной конструкции с вспомогательным глаголом *болор* «быть, становиться» приобретает значение будущего предположительного времени: *Районго барарга келижер болор* «Придется, наверно, ехать в район». *Бу субботто айылга барып келерге келишпес болор* «Наверно, в эту субботу домой съездить не удастся».

ИМЕННЫЕ БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Главным членом именных безличных предложений выступают именные части речи: имя прилагательное и наречие.

По своим значениям безличные предложения с главным членом, выраженным прилагательными, делятся на три семантические группы:

а) предложения, обозначающие состояние природы: *Бүгүн сүреен*

¹ При сочетании глагольной формы на *-арга* со словом *керек* аффикс *-га*, как правило, отсутствует.

соок «Сегодня очень холодно» Кече эмеш јилу болгом «Вчера было немного тепло». Тышкары карануй «На дворе темно»;

б) предложения, обозначающие состояние окружающей среды: Доминани јанында сурекей изу «Около дома очень жарко». Улустын тинимзини залдын ичинде коркушту јытту «От людского дыхания и зале очень душно». Туранын ичинде јарык «В комнате светло»;

в) предложения, выражающие психологическое или физическое состояние человека. Следует отметить, что в таких предложениях обязательным является присутствие субъекта, передаваемого существительным или местоимением в форме дательного падежа: Меге кунукчыл «Мне грустно», Јурегиме уур «На (моем) сердце тяжело» Андый айдаада сеег куч «В такой обстановке тебе тяжело». Слерди суйреге јенил эмес «Вас любить нелегко». Сен јок меге коомой болор «Без тебя мне будет плохо». Мындыј јукти апарарга биске уур «Нам нести такой груз тяжело». Слерге кыр брб чыгарга куч болор «Вам в гору подниматься будет тяжело». Буттирима соок «Моим ногам холодно»

Безличные предложения со сказуемым, выраженным наречием: Андал бирарга ол лд ой «Ехать на охоту как раз (пора)». Энди ойто барарга орой «Теперь возвращаться поздно». Слерди сакчырга узак «Вас ждать долго». Наречия, выступающие в функции главного члена безличных предложений, передают временные отношения.

НОМИНАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Номинативные предложения относятся к односоставным предложениям. Основная особенность номинативных предложений в том, что они только называют какой-нибудь предмет, лицо, явление, состояние, признак, подчеркивая их существование, наличие. Центром такого предложения выступает существительное или другие имена в именительном падеже, вокруг которого группируются слова, синтаксически зависящие от него. Языковой выбор формы именительного падежа обусловлен функциональным своеобразием этого падежа: именительный падеж способен называть предмет вне его связей с другими предметами. Когда в сознании человека возникает образ какого-нибудь предмета или явления, то в речи он облещается непременно именем в именительном падеже, т. е. свою языковую оболочку приобретает в виде номинативного предложения. Номинативные предложения так же, как другие типы односоставных предложений, имеют коммуникативную целенаправленность и являются языковой формой мысли, и формальные признаки значения их, как и всяких других предложений, имеют синтаксическое значение.

Однако номинативные предложения обладают синтаксической самостоятельностью: главный член номинативного предложения-имя (в широком смысле) в форме именительного падежа совместно с интонацией передает оформленную мысль, соотносенную чаще всего с настоящим временем. Шахматов считал, что в номинативном предложении одновременно находят свое выражение и субъект и предикат коммуникации: первый — в словесном материале, второй — в интонации...

В функции главного члена номинативного предложения могут быть имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение: Улу бирам! (А. К.) «Большой праздник!» Кичтуй! Кичтуй! — деп. Миликей Никандрович суйнчилу кайкап турды. (А. К.). «Сильный! Сильный!» — с радостью удивлялся Миликей Никандрович. Ыраакта алты кизи «Вдали шесть человек».

Номинативное предложение может быть распространенным (главный член номинативного предложения — пояснительные к нему слова) и нераспространенным (один главный член; без пояснительных слов). Го-

родской площадь. Соок Таадак. Суунчилу ойноп турган балдар «Городская площадь. Дед мороз. Весело играющие дети» Чол Тун Салкынду жааш «Степь. Ночь. Ветер с дождем»

Экспрессивное своеобразие номинативных предложений нашло достойное применение в поэтических и художественных произведениях алтайской литературы. Утверждение номинативных предложений прежде всего связано с развитием и совершенствованием общего стиля в жанрах литературы на алтайском языке. Немаловажное влияние на употребление номинативных предложений оказывают газеты, журналы, радио. Поэтому номинативные предложения характерны для письменной речи прежде всего, а потом уже для устной (речи).

В алтайском языке встречается три группы употребления номинативных предложений. 1. Описательные номинативные предложения. 2. Номинативные предложения-сообщения. 3. Номинативные предложения-наименования.

ОПИСАТЕЛЬНЫЕ НОМИНАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Описательные номинативные предложения встречаются чаще всего в прозаических литературных жанрах: романах, повестях, очерках, рассказах и т. д. В авторской речи они выступают прежде всего как средство, с помощью которого воспроизводится впечатление о действительности. Наиболее обычное назначение таких предложений — указать место, время, обстановку и т. п., в которых происходит изображаемое событие, что очень важно для его понимания. *Амырар кун Кыш Айландыра кыру. кар. Туралардан чыккан ыш. Чаналу оок балдар. (С. М.) «Выходной день. Зима. Вокруг иней, снег. Дым, клубящийся из труб домов. Малыши на лыжах».* *Ар буткем. Бу шыркырасан суулар да кайда да блонниг ортозында секиргек сегерткиштер де. жараш ын экеген эзиндер де. (С. М.) «Природа. И эти журчащие речки, и где-то среди травы стрекодующие кузнечики, и ветры, приносящие приятный запах».* *Кузьма Петровичтин сууны жакалай узда чойилип барган огороднын сырнай ла учунан ала ойто туралынк толугуна жетире корболон жергелей окон бор талдар. (М. Т.) «Серые ивы, растущие от самого конца огорода Кузьмы Петровича, тянувшегося вдоль берега речки и обратно до угла дома».*

НОМИНАТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ-СООБЩЕНИЕ

Этот тип предложения разнообразен по своим эмоциональным оттенкам. Номинативное предложение-сообщение характерно как для прозаических, так и для поэтических произведений. Они чаще всего однословны: *Корзон, уйа! Кушкаштын уйазы! «Смотри, гнездо! Птичье гнездо!» Уксан, күүк! Күүктинг уни! «Слушай, кукушка! Голос кукушки!» Түдөк! Анда кеминг де одузы! «Дым! Там чей-то стан!» Тирү! Тирү! Менин Сүмөм! (М. Т.) «Живой! Живой! Мой Сюме!» Женү! Женү! Јуу божогом (Л. К.) «Победа! Победа! Война окончилась!» Немецтер! Счу! «Немцы! Трое!» Калак! Чочколор! Картошкодо чочколор! (Л. К.) «Беда! Свины! В картошке (огороде) свины!» Тулку! Түлкү агаштын ортозында сурт отти «Лисица! Лисица бросилась в кусты!»*

Примеры показывают, что номинативное предложение-сообщение выражается одиночным словом, которое повторяется с усиленной интонацией для привлечения внимания уже к двусоставным предложениям.

НОМИНАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ-НАИМЕНОВАНИЯ

Особый вид номинативных предложений составляют номинативные предложения-наименования. Номинативные предложения-наименования получили развитие в письменной речи современного алтайского языка.

Этому способствует употребление в качестве заголовков газетных, журнальных статей, наименования учреждений, организаций, названия улиц и т. д. Хотя среди синтаксистов по русскому языку существуют разные отношения к предложениям-наименованиям, в тюркологии и монголистике наблюдается единый взгляд на этот вид предложения.¹

Номинативные предложения-наименования как и любое другое предложение выражает определенную законченную мысль: *Орус-алтай сөзлик* — «Русско-алтайский словарь». *Алтай албатынын чүмдү сөстөрү* — «Устное народное творчество алтайского народа». Эти номинативные предложения-наименования дают воспринимающему концентрированную информацию. Если мы читаем заглавие «*Алтайдын Чолмоны*», то эту надпись-наименование воспринимаем как законченное предложение. Поскольку надписи, заглавия и т. д. передают определенную мысль, понятную носителям языка, значит, они выполняют функцию сообщения.

ОБРАЩЕНИЕ

Обращение является разновидностью назывного предложения. Главным членом этого вида предложения является слово в форме именительного падежа. Оно может состоять либо из одного имени в именительном падеже, либо из того же имени с подчиненными ему словами. Эта исходная основа сближает обращение с номинативным предложением.

Обращением называется лицо (или предмет), к которому направляется разговорная речь. Обращение — своеобразный вид номинативного предложения, реализующийся особой интонационной экспрессивностью.

Обращение может быть выражено как отдельным словом, так и сочетанием нескольких слов: *Эстрада! Салымым сенге тудуш болбоду.* (А. А.) «Эстрада! Моя судьба не сошлась с тобой!» *Павлуша, мен партиялык кандидаты болдум.* (Н. О.) «Павлуша, я стал кандидатом в члены партии».

Обращение, входящее в состав предложения соотносится с личным местоимением (2л. ед. или мн. ч.), которое выступает подлежащим другого предложения, по смыслу связанное с обращением: *Таня, сен биско менчигени этсен кайдар.* (Н. О.) «Таня, ты занялась бы чем-нибудь другим!» *Идкөр, слер кандый путевкала келдигер?* (Н. О.) «Товарищ, вы по какой путевке приехали?»

Обращение, стоящее отдельным предложением, выделяется восклицательным (или вопросительным) знаком. Выделение обращения этими знаками обусловлено тем, что говорящий все свое внимание сосредоточивает на том лице, предмете или явлении, к которому он обращает свою речь. В устной речи такое обращение сопровождается повышенной интонацией с дополнительным оттенком в голосе: *Эй, эстрада! Ыгыра! Ызыра!* (Р. J.) «Эй, эстрада! Звени! Шуми!» *Колонналык кишиникен онтулу кыйгыргим: «Ай, адам, адам!»* (А. А.) «Вслед за колонной со стоном кричал: «А, папа, папа!» *Ленушка! Слер менин куйн-саамды билип турган жадаар не!* (Р. J.) «Ленушка! Вы, оказывается, знаете мои намерения!» *Федор Иванович! Нагы! Кайдан келдик?* (Р. J.) «Федор Иванович! Друг! Откуда появился?»

Имена в функции обращения могут иметь пояснительные слова: *Кайран Чейнеш! Не кунугады?* (П. К.) «Милая Чейнеш! Что (ты) за грустна!»

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948, стр. 238
стр. 238

Т. А. Бертагаев. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. Простое предложение. Москва, 1964, стр. 56.

В составе предложения обращение занимает три самостоятельные позиции: начальную, серединную и конечную, и выделяется запятой. *Гриша, не болды?* (Н. И.) «Гриша, что случилось?» *Сен. Дора, бери не келген?* (Н. О.) «Ты, Дора, куда почему пришла?» *Јакшы ба, Кам Алтай!* (С. М.) «Здравствуй, Хан Алтай!»

СМЫСЛОВЫЕ ФУНКЦИИ ОБРАЩЕНИЯ

Обращение в составе предложения алтайского языка выполняет, по существу, две функции.

1. Главная функция обращения — привлечь внимание к сообщению того лица, к кому непосредственно обращена речь говорящего. Этот случай характерен в общении среди людей.

В связи с этими обращениями бывают имена существительные, собственные, нарицательные и иногда местоимения:

а) имя, отчество или фамилия человека: *Айылдаар, Саный Мартынович!* (Э. П.) «Заходите в гости, Саный Мартынович!» *Коля, сен Гуркин деп алтай художник керегинде уккан ба?* (М. Т.) «Коля, ты слышал об алтайском художнике Гуркине?» *Мундусов, улусты уткызаар!* «Мундусов, истречайте людей!» *А ол кем. Нина?* (Э. П.) «А он кто, Нина?»

б) нарицательные имена, содержащие название лиц по родству, полу, возрасту и т. д. *Барыл уукта, эне.* (М. Т.) «Иди спи, мама!» *Јаана, ашу ба?* (М. Т.) «Бабушка, медведь?» *Таада, слер качан келдигер?* «Дедушка, вы когда приехали?» *Акыр, уулдар, неге табиштамып турусар?* (Ч. Ч.) «Послушайте, ребята, что вы шумите?»

Обращение может быть направлено и к отсутствующим слушателям: *Кару уулдар! Энди ологго кыстар јилу письмо бичишр* «Дорогие ребята! Теперь им девушки будут писать нежные письма!»

Обращения могут иметь аффикс принадлежности и пояснительные слова: *Балам, балкашка уймалдым* «Дитя мое, не выпачкайся!» *Карусыйым, јакшы јуренип турун ба?* «Родная сестрица моя, ты хорошо учишься?» *Айланайым уулым, соокко тондым!* «Мой милый сыночек, как бы ты не замерз!»

в) Местоимение *былар!* в сочетании с междометием *эй* также бывает обращением: *Эй былар, бери базаар!* (Ч. Ч.) «Послушайте (Вы), пойдите сюда!» *Эй былар, отурып аш ичигер!* «Эй Вы, садитесь обедать!» *Малды тоолобойтон ба, былар?* (Э. П.) «Как по-вашему, скот не считать?»

Обращение *эй былар* или *былар* допустимо к слушателю как знакомому, так и не знакомому, но старшему по возрасту.

2. Обращение находит широкое употребление в языке алтайской художественной литературы. Здесь обращение допустимо как к одушевленным, так и к неодушевленным предметам:

Октябрьдын байрамына

Кожондоп берзен, топшуурим! (Ул.)

«В честь праздника Октября спой, мой топшур!»

Кайран кару Алтайым!

Кандый јараш ол болор! (С. М.)

«Дорогой мой Алтай! Каким он будет красивым!»

Југурук менин аргымак, јуу јерине баралык! (из песни) «Быстроходный мой аргымак (конь), идем к месту битвы!» *Суу, тирү немедий јаны јолло мәнден агат, Ичигер, блондор, баргаалар, чечектер! Энди*

1 Записки Горно-Алтайского НИИЯЛ, вып. 6, Горно-Алтайск, 1964, стр. 108.

кйнин чогы слерее тыгмбас! Кайран аш, јайкан, бийик оґ! Торбл јер-
дин јстине толкуланыл, шуулап тур! (Э. П.) «Вода, словно нечто живое,
поспешно течет по новому руслу. — Пейте травы, бурьяны, цветы! Теперь
лучи солнца вам не опасны. Дорогой хлеб, разрастайся, высоко расти!
На родной земле, волной перекачиваясь, шуми!»

СЛОВО-ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Слова-предложения характеризуется нечленностью своего состава,
т. е. они не выделяют внутри себя каких-либо членов предложения и не
распространяются. Этот вид предложений делится на две группы.

Первая группа слов-предложений выражается специальными сло-
вами, которые передают утверждение или отрицание, согласие или не-
согласие с предыдущим высказыванием, а также и модальное отношение
к сообщению собеседника. Это слова: *эйе* — «да», *андый* — «так», *јок* —
«нет», *јараар* — «ладно, согласен», *јакшы* — «хорошо» и т. д. Примеры:
Эйе, омор окчозы бу јердин эмей. (Э. П.) «Да, они все из этих мест». *Ај-
дарди, Усольцев Чамалда ба?* (Ч. Ч.) — *Јок.* «Значит, Усольцев в Чема-
ле? — Нет». *Малдараар кандый тур?* — *Јакшы.* — *Јумур бббббн су-ка-
дык јирри бе?* — *Јакшы ла.* (Э. П.) «Как скот? — Спокойно. — Дядюшка
Тьумур здоров? — Здоров!» Эти слова-предложения употреблены вме-
сте с другими предложениями, с репликами в диалогической речи.

Вторую группу составляют слова-предложения, выраженные между-
метиями, которые обычно бывают восклицательными предложениями в виде одно-
го слова или словосочетания: *Бу ла тушта эжик ачылып, Алан кирип
келди.* «А-а! Костюк ырай берген кизи кбрунип ле келди» — деп, *Умсуур
каткырды.* (Э. П.) «В это время открылась дверь и вошел Алан. «А-а!
Появился человек, сгнувшийся с глаз», — смеясь, говорил Умсуур». *Кудай
ла дезен база! Бу улчак мени айдат?* (Ч. Ч.) «Боже мой! Что говорит
Этот мальчик?» *Эх! Соок суу ичкен кизи!* «Эх! Напиться бы холодной
воды!»

КРАТКИЙ ВЫВОД

Односоставные предложения выражают законченную мысль и не
нуждаются в предшествующем или последующем контекстах. Но ни в ко-
ем случае нельзя утверждать о их изолированности и употреблении вне
рамки контекста вообще. Каждая мысль, выраженная любым составом
предложения — будь то двусоставным, односоставным, словом-предло-
жением — всегда находится в синтаксической связи с языковым кон-
текстом данным или вызываемым в памяти. Значит, функцию каждого
вида односоставных предложений обуславливает разнообразие форм
проявления мыслей. Определенно-личные предложения представляют
собой такой тип предложений, в которых морфологическая форма глаго-
льного члена, выраженного глаголом обнаруживает грамматическое лицо
деятеля. Обобщенно-личные предложения выражают такое действие, ко-
торое почти всегда связано со вторым лицом.

Безличные предложения включают в свою группу такие предложе-
ния, в которых выражается идея действия с модальной нагрузкой раз-
ного оттенка, а также действие без конкретного деятеля. Номинативные
предложения и предложения-обращения именуют предмет (лицо) в его
материальной, духовной и индивидуальной субстанции с соответствующей
интонационной направленностью. Слово-предложение — это особый
тип предложения в системе односоставных предложений, которыми пред-
ставлена языковая экономия в одобрении, в утверждении или отрицании.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЯ

- А. А. — Аржан Адаров
А. К. — А. Коптелов
А. Ч. — газета «Алтайдын Чолмоны»
М. Т. — М. Теркин
Н. О. — Н. Островский
П. К. — П. Кучияк
посл. — пословица
Р. Ј. — Репертуарный Јуунты, Горно-Алтайск, 1967.
С. М. — С. Манитов
Ул. — Н. Улагашев
Ч. Ч. — Чалчик Чунижиков
Э. П. — Эркемен Палкин

К 100-ЛЕТИЮ «ГРАММАТИКИ АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКА»

Расселение алтайцев в прошлом веке было примерно то же, что и в наше время.

Алтайский язык состоит из шести диалектов: трех южных (собственно алтайский диалект, теленгитский и телеутский диалекты) и трех северных (кумандинский, челканский и туба диалекты).

Алтайцы объединены в Горно-Алтайскую автономную область в 1922 г. За пределами области живут часть кумандинцев (Красногорский и Солтонский районы Алтайского края) и часть телеутов, или байатов (Сорокинский район Алтайского края, Беловский район Кемеровской области).

«Грамматика алтайского языка» была написана в определенных исторических условиях и имела свое определенное назначение.

В 1828—1830 гг. на Алтае создается духовная миссия. Основатель ее миссионер Макарий Глухарев практическую свою деятельность начал в селениях Майме и Улале (ныне г. Горно-Алтайск).

С 1836 г. Макарий добился ежегодной субсидии от казны для работы миссии. С этого момента Алтайская духовная миссия становится официальным правительственным учреждением «с реакционными задачами обращения алтайцев в христианство, внедрения в их среду христианской монархической идеологии»¹.

Макарий был для своего времени хорошо образованным человеком. Он прекрасно понимал роль и значение алтайского языка в насаждении христианской религии, в борьбе с другими религиозными установками (язычество, буддизм, ислам и т. п.). Словом, алтайский язык был признан в качестве важнейшего средства в идеологической работе миссионеров. Отсюда требовалось от миссионера хорошее знание разговорного языка, быта и религиозного мировоззрения той среды, в которой протекала его деятельность.

Работу с языком миссионеры начали со сбора образцов произведений народного творчества, приспособления их к христианской религии. На алтайский язык было переведено множество христианских молитв и богослужебных книг.

При более углубленной и широкой миссионерской работе оказалось недостаточно простое знание языка, быта и культуры, организация школ. Необходимо было накопление знаний, их систематизация, словом, научное изучение алтайцев и, в первую очередь, их языка.

Но «научная и переводческая работа Алтайской духовной миссии преследовала тенденциозную, узкопрактическую цель: изучались язык, быт, верования и мифология алтайцев для облегчения распространения между ними христианства»².

¹ Л. П. Поталов. Очерки по истории алтайцев, М.-Л., 1953, стр. 200.

² Там же, стр. 247, 1884.

Наиболее серьезным исследователем алтайцев из миссионеров Алтайской духовной миссии был В. И. Вербицкий, строго придерживавшийся казанской руссификаторской системы профессора Н. И. Ильминского, согласно которой «инородцы» должны быть обращены в христианство через школьное обучение на родном языке.

В. И. Вербицкий — главный автор «Грамматики алтайского языка», он же автор «Словаря алтайского и аладагского наречий тюркского языка»¹, сборника «Алтайские инородцы»² и ряда филолого-этнографических статей, посвященных алтайцам, опубликованных в различных журналах.

Работу по собиранию материалов и составлению «Грамматики алтайского языка» начал предшественник В. И. Вербицкого миссионер С. Ландышев. Основную работу над «Грамматикой...» проделал в 60-х гг. прошлого века В. И. Вербицкий. Эта первая «Грамматика алтайского языка» издана в 1869 г. в Казани под редакцией проф. Н. И. Ильминского и проф. А. К. Казем-Бека.

«Грамматика алтайского языка» Вербицкого охватывает все три традиционные разделы языка: фонетику, которая называется «О звуках и законах их сочетания и изменения», морфологию — «О производстве и грамматических формах слов», синтаксис — «О составлении предложений простых и сложных». При этом во втором разделе рассматриваются только собственно части речи и особенности их словообразования. Что касается словоизменения, то оно отнесено к разделу о предложениях, т. е. к синтаксису.

Материалом для составления грамматики послужили «оригинальные тексты алтайских народных произведений», сказки, «шаманские легенды», «ходячие обороты из разговорной речи», собранные самими миссионерами, переводы, а также тексты из «Образцов народной литературы тюркских племен...» В. В. Радлова³.

Основным языком в своей деятельности миссионеры избрали телеутский диалект, т. к. тексты на алтайском языке «неудобно было издавать иначе, как на одном каком-нибудь наречии, по одному уже экономическому расчету». Имело значение и то, что первыми крещенцами из алтайцев стали телеуты, способствовавшие в свою очередь работе миссионеров. Свидетельство к тому — деятельность первого алтайского писателя-просветителя М. В. Чевалкова (1817—1901)⁴.

Таким образом, и «Грамматика алтайского языка» базируется на языке телеутов. Но это не значит, что составители ее не интересовались материалами других диалектов или других тюркских языков. Наоборот, в «Грамматике...» очень широко привлекаются тексты из собственного алтайского диалекта, т. е. по-существу письменный язык, т. е. «Алтайский язык, как принято называть Миссией, есть, собственно говоря, совокупность наречий телеутского и калмыцкого»⁵, в необходимых случаях для сравнения привлекаются факты из северных диалектов алтайского языка, из шорского, татарского, казахского и др. тюркских языков.

По признанию самого автора, «для разъяснения внутреннего значения форм весьма полезным и единственным пособием служила нам грамматика Монгольско-Калмыцкого языка Бобровникова»⁶.

¹ В. И. Вербицкий. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1864.

² В. И. Вербицкий. Алтайские инородцы. Москва, 1893.

³ В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи, т. 1, СПб., 1866.

⁴ О творчестве, жизни и деятельности М. В. Чевалкова см. в сб. «Очерки по истории алтайской литературы». Горно-Алтайск, 1969, стр. 3—20.

⁵ В то время миссионеры собственно алтайцев называли алтайскими калмыками, белыми калмыками или просто алтайцами, исходя из самоозначения «алтай кижы».

⁶ А. Бобровников. Грамматика монголо-калмыцкого языка. Казань, 1849.

Надо сказать, что именно привлечение такого (тюркского, монгольского) сравнительного материала определило теоретическую глубину и точность этой грамматики.

Общезвестно, что грамматика молодых национальных языков Запада первоначально представляли перевод грамматической системы латинского языка. Яркий пример этому — грамматика Пор-Рояля («Всеобщая и рациональная грамматика» французского языка, 17-й век), отличавшаяся стремлением к логичизированию грамматических явлений, пренебрежением национальным своеобразием языка. Хотя в меньшей мере, подобные случаи были и в истории русского и советского языкознания.

В этом разрезе следует подчеркнуть, что начинающаяся тюркологическая наука в лице «Грамматика алтайского языка» смело взглянула в объект своего исследования, а составители ее показали хорошую научно-теоретическую подготовленность и осведомленность в языках различных систем.

Вообще в вопросах методологии наука о языке обязана индосропелитике и в какой мере эта наука была зрелой в середине прошлого века, подтверждает неувядаемая заслуга алтайской грамматики. Если учесть, что в окончательном оформлении и редакции «Грамматики...» В. И. Вербицкого активное участие принимали такие видные и редкие в то время ученые, как профессор Н. И. Ильминский и профессор А. К. Казем-Бек¹, то, несомненно, она выражала достижение тюркологической науки в то время.

По словам выдающегося тюрколога, ныне покойного профессора С. Е. Малова, «Грамматика алтайского языка», как написанная крупными знатоками (теоретиками и практиками) алтайского и других тюркских языков, имела большое значение не только в свое время, но не утратила такового и теперь. Так, «Краткая грамматика казак-киргизского языка» (по теперешней терминологии — казахского) П. М. Мелиоранского (ч. I, СПб., 1894, ч. II, Синтаксис, СПб., 1897) написана не без влияния этой алтайской грамматики особенно в части синтаксиса. Сам П. М. Мелиоранский (ч. II, стр. VI) пишет: «ни специалисты, ни тем более начинающие тюркологи не посетуют на меня, надеюсь, за то, что я отчасти повторил или перефразировал «Грамматику алтайского языка»... А не без влияния грамматики П. М. Мелиоранского появился «Опыт краткой крымско-татарской грамматики» (изд. Таврической губернской земской управы, Отдела народного образования, Пгр., 1916). Таким образом, отсюда видно, как хорошо была составлена «Грамматика алтайского языка», если ее влияние идет почти до нашего времени»².

Такую высокую оценку «Грамматика алтайского языка» В. И. Вербицкого получила не случайно.

Почти одновременно с В. И. Вербицким алтайский язык изучал и В. В. Радлов, преподаватель немецкого языка Барнаульского высшего горного училища, впоследствии академик. Им опубликованы «Образцы народной литературы тюркских племен...» (алтайцев, телеутов, тубаларов, теленгитов). Материалы из алтайского языка широко привлекаются В. В. Радловым в его работах «Фонетика северных тюркских языков»³, «Опыт словаря тюркских языков» и т. д.

Так, в связи с именами В. И. Вербицкого и В. В. Радлова, алтайский язык стал одним из первых тюркских языков, ставших объектом научного исследования, носители его — алтайцы, населяющие «родину тюрков», приобрели широкую известность.

Как миссионеры в своей деятельности, так и В. В. Радлов писали на

¹ К. В. Харлампович. Н. И. Ильминский и Алтайская миссия. Казань, 1905.

² См. Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.-Л., 1940, стр. 9.

алтайском языке, пользуясь русским алфавитом с добавлением букв о, у, j, и для отражения специфических звуков. Этим новым алфавитом пользовались в дореволюционных миссионерских школах, в делопроизводстве. Тот же алфавит, после неудачных попыток заменить латинским (1929—1938) или изменить, функционирует в наши дни. Таким образом, традиция письма на алтайском языке начинается с середины прошлого века, а не с 1922 г. (образование Ойротской, ныне Горно-Алтайской автономной области), как иногда утверждают некоторые авторы.

Итак, традиция алтайского письма на базе русской графики, усовершенствуясь, продолжается уже вот около полутора веков, а первой научной «Грамматике алтайского языка» в этом году исполняется 100 лет. Нет сомнения, что с удалением в глубь веков, значение грамматики будет возрастать, как одного из важнейших памятников алтайского языка, одной из первых грамматик тюркских языков.

СОДЕРЖАНИЕ

С. С. Котеш, В. И. Ленин в алтайской поэзии	8
Н. П. Эдаков. Начало осуществления ленинского кооперативного плана в Горном Алтае	16
В. П. Казанцева. Из истории социально-экономического развития Горного Алтая в годы восстановления народного хозяйства (1920-1937 гг.)	29
Ф. М. Тимофеева. Горно-Алтайская партийная организация в борьбе за ликвидацию неграмотности взрослого населения	47
С. С. Тюхтеев. Вопросы законности и обоснованности обвинения и ареста граждан в трудах В. И. Ленина	63
Ф. А. Сагалав. Этнографический очерк развития земледелия у кумандинцев (XIX — начало XX вв.)	73
Н. С. Модеров. Из истории официальных отношений сибирских воевод в XVII веке с алтайскими князьями	94
В. П. Эдаков. Художник Н. И. Чевалков	104
Е. Н. Чунжикова. Односоставные предложения в алтайском языке	111
В. Н. Табыкин. К 100-летию «Грамматики алтайского языка»	123

Горно-Алтайский научно-исследовательский
институт истории, языка и литературы

выпуск девятый

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Ответственный за выпуск Е. Г. Муятуева
Художественный редактор И. И. Митрофанов
Технический редактор И. И. Ортопулов
Корректоры К. Е. Укачина, М. Я. Тулаев

Сдано в набор 3 XI 1969 г. Подписано к печати 3 II 1970 г.
Формат 70×108 мм. Бумага тип № 3. Усл. печ. л. 11,2.
Уч.-изд. л. 10,3. АН 10733. Заказ № 3406. Тираж 1000 экз. Цена 72 коп.

Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства,
пр. Коммунистический, 44. Горно-Алтайская типография,
пр. Коммунистический, 27.

Замеченные опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
50	9 сверху	лидиунков	лидиунктов
66	23—24 »	следал	следал
86	23 »	салды	салды
98	13 снизу	человакл	человека
112	2 сверху	явдениями	явлениями
	16 »	произвдениях	произведениях
121	7 снизу	действия	действия

Ученые записки вып. 9.

